

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА» ЭКОНОМИКИ — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ПЕРВАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ:
НЕРАВЕНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ»

Сборник докладов

6 ноября 2020 года

Санкт-Петербург

Санкт-Петербург
2020

Ответственный редактор: *Старикова Е. О.*

Редакционная коллегия: *Зеленев Е. И.*, д.и.н.; *Солощева М. А.*, к.и.н.; *Алфёрова Н. В.*, к.культ.; *Григорьева Н. В.*, к.и.н; *Иванова А. М.*; *Климова О. В.*, PhD; *Алексеев А. К.*, к.и.н.; *Соболева Е. Д.*, PhD; *Гусарова Е. В.* к.и.н.; *Кокушкина И. В.*, к.э.н.; *Щепкин В. В.* к.и.н.; *Борькина А. Ю.*

Ассистент редактора: *Кравцов К. С.*

Тексты докладов публикуются в авторской редакции

Первая студенческая конференция «Актуальные проблемы исследования стран Азии и Африки: неравенство и многообразие». Санкт-Петербург, 6 ноября 2020 г. Сборник докладов. — СПб.: НИУ «Высшая школа экономики»; Изд-во РХГА, 2020. — 200 с.

ISBN 978-5-907309-55-5

В сборнике представлены доклады участников I-й студенческой конференции «Актуальные проблемы исследования стран Азии и Африки: неравенство и многообразие». В конференции приняли участие студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся в различных городах и странах. Доклады сгруппированы по трём тематическим секциям: «История и антропология», «Культура и религия» и «Политика и экономика».

Editor in chief: *Starikova E.*

Editorial board: *Zelenev E.*, D. Sc.(History); *Soloshcheva M.*, PhD; *Alferova N.* PhD; *Grigorieva N.*, PhD.; *Ivanova A.*; *Klimova O.*, PhD; *Alekseev A.*, PhD.; *Soboleva E.*, PhD; *Gusarova E.*, PhD; *Kokushkina I.*, PhD, *Shchepkin V.* PhD; *Borkina A.*

Editorial assistant: *Kravtsov K.*

Reports are published as submitted by the authors

This collection contains the reports done at the 1st student conference «Current research issues in Asian and African studies: inequality and diversity». The conference was attended by undergraduate and graduate students studying in various cities and countries. Articles are arranged into three thematic sections: “History and Anthropology”, “Culture and Religion” and “Politics and Economics”.

Уважаемые коллеги!

Вы держите в руках сборник текстов докладов, которые были представлены на I студенческой научной конференции «Актуальные проблемы исследования стран Азии и Африки: неравенство и многообразие». Конференция состоялась онлайн 6 ноября 2020 года, в ней приняли участие более 60 человек: студенты бакалавриата и магистратуры из многих регионов России, в том числе из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Липецка, а также студенты из Италии и Киргизии.

Несмотря на то, что это был первый организаторский опыт для Студенческого научного общества Департамента востоковедения и африканистики Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», осложненный необходимостью провести мероприятие в дистанционном формате в связи с пандемией COVID-19, конференция прошла интересно и плодотворно. Заседания состоялись в теплой дружеской атмосфере, в них приняли участие не только сами докладчики, но и слушатели — как студенты, так и преподаватели, благодаря чему обсуждение докладов было живым и занимательным.

Работа конференции проходила по трём секциям: «История и антропология», «Культура и религия» и «Политика и экономика». Тематика докладов охватила широкий спектр актуальных направлений исследования стран Азии и Африки.

Для публикации были отобраны двадцать девять наиболее ярких докладов, сделанных в рамках конференции. Отбор и рецензирование текстов осуществили преподаватели Департамента востоковедения и африканистики Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». От лица участников конференции и Студенческого научного общества выражаю благодарность всем коллегам, выступившим в роли модераторов конференции и рецензентов докладов.

Несмотря на то, что конференция студенческая и для большинства участников это первый опыт публикации, хочется отметить высокий уровень многих докладов, оригинальность тем, выбранных авторами, и научную новизну.

Надеюсь, что организация конференции с последующей публикацией материалов станет ежегодной традицией для Студенческого научного общества, и будущие конференции вызовут большой интерес всех, кто интересуется востоковедными исследованиями.

*Ответственный редактор
Куратор Студенческого научного общества
Департамента востоковедения и африканистики
Старикова Е. О.*

Dear Colleagues!

You are holding in your hands the book of reports of the 1st Student Conference «Current research issues in Asian and African studies: inequality and diversity». The conference was held online on November 6, 2020 and was attended by over 60 undergraduate and graduate students from many regions of Russia, including Moscow, St. Petersburg, Kazan, Lipetsk, as well as foreign students from Italy and Kyrgyzstan.

Despite being the first managerial experience for the Student Research Society of the Department of Asian and African Studies of National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg, complicated by the need to hold the event remotely because of the COVID-19 pandemic, the conference has been interesting and fruitful. The panels were held in a warm and friendly atmosphere, attended not only by the speakers themselves, but also by the audience — both students and teachers, which made the discussion of the reports lively and engaging.

The work of the conference included reports at three panels: «History and anthropology», «Culture and religion» and «Politics and Economics». The topics of the reports covered a wide range of current research areas in Asia and Africa.

Twenty-nine most outstanding reports delivered during the conference were selected for publication. The selection and review of the texts was carried out by members of the Department of Asian and African studies of National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg. On behalf of the conference participants and Student Research Society, we express our gratitude to all colleagues who acted as moderators of the conference and reviewers of the reports.

Despite the fact that the conference was a student event and for most participants it is the first experience of publication, we would like to highlight the high level of many reports, the originality of the topics chosen by the authors, and their scientific novelty.

We hope that conference organization with subsequent publication of materials will become an annual tradition for the Student Research Society, and future conferences will receive the same response and interest.

*Editor in chief
Curator of the Student Research Society
of the Department of Asian and African studies
Starikova E.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ»

<i>Амурзакова Д. Е.</i> Вклад Чокана Валиханова в исследование культуры народов Восточного Туркестана	9
<i>Андреева А. С.</i> Поколенческий разрыв в Японии и Республике Корея в ракурсе восточноазиатских поколенческих концепций	15
<i>Бакунькина К. А.</i> Цинская дипломатия в восприятии британцев в первой четверти XIX века по материалам британской посольской миссии лорда Амхерста	21
<i>Бахвалова А. А.</i> «Девы веселья» в Японии XVIII века на примере квартала Ёсивара	28
<i>Власов М. К.</i> Хо Ши Мин и Китай (1924–1944гг.): проблемы историографии	34
<i>Еремян А. Г.</i> Роль женского движения первой половины XX века в улучшении правового и социального положения корейских женщин	40
<i>Краенский С. В.</i> Японский след в корейской истории: колонизация Кореи 1910–1937 гг.	46
<i>Маслов М. М.</i> Истоки агрессивного экспансионизма во внешней политике Японской империи в конце XIX — первой половине XX в.	52

<i>Нежибицкая О. Д.</i>	
Борьба за права айну как национального меньшинства в Японии: истоки и современность	58
<i>Николаева Т. Д.</i>	
Приданое невесты в бытовом контексте повседневной жизни городской семьи (Южная Месопотамия в первой половине 2 тыс. до н. э.)	64
<i>Покусаева О. А.</i>	
Нациестроительство и проблема таизации этнических меньшинств в Таиланде	71
<i>Сёмочкина А. С.</i>	
К проблеме расследования дела об убийстве Сун Цзяожэня (1882–1913)	77
<i>Соловьева А. И.</i>	
Феномен адиваси: сущность и история	83

СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ»

<i>Ахунова А. А.</i>	
Проблема толкования символов в китайских литературных произведениях при переводе на русский язык (на примере рассказов Цань Сюэ)	90
<i>Волкорезова А. И.</i>	
Новое в женской прозе постреволюционного Ирана: раннее творчество Мониру Раванипур	96
<i>Кривошеева М. В.</i>	
Мифические <i>Су‘бāн</i> и <i>Тиннйн</i> : кто это?	102
<i>Кутовых Д. Д.</i>	
Жизнеописание Заратуштры в <i>Дабистан-и Мазахиб</i>	108

<i>Куцанкина Е. С.</i>	
Роль шиитского духовенства в «исламском пробуждении»: сравнительный анализ дискурсов в иранских и западных источниках	114
<i>Параскун М. П.</i>	
Культурный контекст городских легенд Японии второй половины XX — начала XXI века	120
<i>Реунова В. А.</i>	
Монструозность образа кошки в японском фольклоре	126
<i>Хачатурян С. В.</i>	
Халлю («Корейская Волна») в Китае, Вьетнаме и КНДР: сравнительный анализ	133
<i>Шевцова С. А.</i>	
Динамика изменений языковой ситуации на территории современного Израиля с конца 19 века до наших дней	138
<i>Valsecchi G.</i>	
Translating endangered languages from an eco-translatological perspective	145

СЕКЦИЯ «ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА»

<i>Аскеров М.-А. И.</i>	
Панисламские движения на Ближнем Востоке: теория и практика	154
<i>Вафина М. Р.</i>	
Роль стратегической программы «Видение 2023» в процессе модернизации транспортной системы Турции на современном этапе	161

<i>Гречишников М. А.</i>	
Влияние региональной политики Ближнего Востока на энергетическую безопасность: кейс Турции.	170
<i>Захарова Н. Е.</i>	
Иностранные инвестиции в Исламской республике Иран	178
<i>Каленова В. А.</i>	
Особенности освещения создания курдской автономии в Ираке в российских СМИ в связи с референдумом 25 сентября 2017 г.	184
<i>Кравцов К. С.</i>	
Убунту и сообщество единой судьбы человечества в эпоху расцвета китайско-африканских отношений	192

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ»

Амурзакова Д. Е.

niluferfarah@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университет

ВКЛАД ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА В ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

Аннотация: В статье оцениваются итоги Кашгарской экспедиции казахского исследователя-этнографа Чокана Валиханова, который впервые опубликовал научный труд о народах Восточного Туркестана, их истории и этнографии.

Ключевые слова: Восточный Туркестан, Кашгария, Чокан Валиханов, экспедиция в Алтышар.

Keywords: The East Turkestan, Chokan Valikhanov, Kashgar expedition, The Great Game.

Восточный Туркестан расположен на землях, ограниченных Тяньшанскими горами на северо-западе, Куэн Лунем на юге и Памиром на востоке. В XIX веке этот регион назывался Алтышаром (из-за шести городов, объединяющих этот регион), Уйгуристаном или Кашгаром. Европейцам эта земля была известна под названием Малой Бухарии, Восточной Татарии, Восточного или китайского Туркестана. Происходившие в этих землях схождения различных культур и цивилизаций, несомненно, отразились и на историческом развитии Восточного Туркестана. Будучи отдельным государством, в котором были распространены зороастризм и буддизм, Кашгария затем неоднократно становилась частью Китайской империи, была в составе Тюркского каганата, находилась под властью монгольской империи. Такое многообразное историческое прошлое способствовало формированию новой уникальной культуры кашгарского народа, которая соединила традиционные элементы китайской, тюркской, монгольской, исламской цивилизаций, но все же от них значительно отличалась. Безусловно, малоизученность Кашгарии и ее культурных особенностей привлекала внимание исследователей, антропологов и путешественников, которые в начале XIX века стали предпринимать активные попытки проникновения в эту закрытую от европейцев страну.

Тайная экспедиция Чокана Валиханова в Кашгарию позволила собрать неocenимые знания по истории, географии, торговле, культуре и политическом устройстве страны, о господстве на которой помышляли Китайская, Российская империя и Британская империи.

Целью данной работы является оценить вклад Чокана Валиханова в исследовании культуры народов Восточного Туркестана с помощью следующих задач:

1. Изучить документы, письма, личные заметки Чокана Валиханова, для точного, глубокого представления о путешествии в Кашгарию;
2. Отметить культурные особенности народов Восточного Туркестана, собранных Валихановым;
3. Оценить, какую пользу имеют сведения, собранные Валихановым во время экспедиции для науки.

Методология: для проведения исследования в работе были использованы историко-описательный метод, который позволил на основе информации из личных дневников и путевых заметок Валиханова, а также писем его современников составить полную картину того, как проходила экспедиция.

Чокан Чингисович Валиханов был первым казахским ученым, этнографом, историком, который помимо службы в Генеральном штабе Военного министерства и Азиатском департаменте МИДа Российской империи, стал первым казахским исследователем, принятым в Русское императорское географическое общество.

В 1853 году он закончил Сибирский кадетский корпус в Омске, один из самых престижных учебных заведений того времени, затем в 1855 сопровождал генерала Гасфорта в экспедиции по Семиречью и Центральному Казахстану, после которой получил звание поручика. В 1856 году Валиханов принял участие в военно-разведывательной экспедиции на Иссык-Куль под руководством полковника М. М. Хоментовского. Во время экспедиции Валиханову удалось изучить флору и фауну Иссык-Куля, составить топографический снимок этой местности на карте. Здесь же он пришел к выводу о существовании оседлости в Русской Джунгарии вопреки господствующему кочевому быту. Он также отметил факты присутствия несторианских и монофизитских конгрегаций, а также храма сирийских якобитов на Иссык-Куле. Чокану также удалось записать отрывок знаменитого кыргызского эпоса «Манас» и сделать его перевод.

Тяга к этнографическим исследованиям, прекрасное образование, участие в экспедициях и безупречная служба, а также происхождение

поручика Валиханова стали основополагающими факторами, благодаря которым его кандидатура главы экспедиции в Кашгар была одобрена Царским правительством. Стоит отметить, что успех планируемой русским правительством экспедиции во многом зависел от выбора кандидата, который бы ее возглавил.

В середине XIX века Кашгар представлял стратегический интерес для Российской империи, которая в то время присоединяла центрально-азиатские ханства к своей территории. Будучи приграничной территорией с Китаем, с которым у России в тот момент были напряженные отношения, Восточный Туркестан также находился в зоне интересов Британской империи, которая рассматривала этот регион для защиты своих владений в Индии. Таким образом, Кашгар, ставший предметом спора трех империй, был абсолютно закрыт для европейских путешественников, и потому о нем едва ли можно было найти какие-либо сведения. Попытки европейских этнографов собрать информацию о регионе жестоко наказывались кашгарцами, не допускающими чужеземцев на свою территорию. Трагическая судьба известного географа Адольфа Шлагинтвейта свидетельствует о том, как жестоко обращались местные власти с европейцами. По словам П. П. Семенова-Тян-Шанского «отрубленная голова Адольфа Шлагинтвейта была поставлена наверху пирамиды, которую Валихан-тюре приказал соорудить из голов казненных им людей. Все это случилось в августе 1857 г.» [10, с. 276] Поэтому тюркское происхождение Чокана Валиханова и блестящее знание восточных языков стали его преимуществом.

Чокан Валиханов пробыл в Кашгаре с конца сентября 1958 г. и до середины марта 1959 г. Преследуя главную цель экспедиции — собрать как можно больше сведений о Кашгаре — Валиханов из бесед с жителями страны составлял политические, экономические, географические заметки о Малой Бухарии, стремился использовать любые связи для получения информации. «Что касается моих действий, то я во время пребывания в Кашгаре старался всеми мерами собрать возможно точные сведения о крае, особенно о политическом состоянии Малой Бухарии, для чего заводил знакомства с лицами всех наций, сословий и партий, и сведения, полученные от одного, сверял с показаниями другого; сверх того, я имел случай приобрести несколько исторических книг, относящихся к периоду владычества ходжей, и пользовался дружбой некоторых ученых ахунов. Из этих источников заимствованы мною факты, касающиеся влияния ходжей до времен джунгарского владычества и после, до падения страны под иго Китая» [2, с. 34]

Результатом этой экспедиции стал выдающийся труд ученого «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 гг. В этом произведении Валиханов дал географическую, историческую, экономическую, политическую характеристику региону. Он детально описал природные богатства Кашгара, его флору и фауну, караванные пути, составил собственные картографические наброски местности.

Рассматривая историческое развитие Восточного Туркестана, он не только описал ключевые события, но и проанализировал причины возрастающего влияния ходжей в регионе, отметил отклоняющиеся от ислама обычаи, которые все еще имели влияние на быт малобухарцев, привел собственные рассуждения о трудностях, препятствующих независимости Кашгара.

Рассматривая систему политического устройства, Валиханов изложил принципы политического строя, традиции, согласно которым избираются управители городов, роль и влияние китайцев на управление регионом. В очерке об экономическом положении Кашгара детально охарактеризовал торговые отношения с близлежащими странами вплоть до приведения мер обмена товарами.

Валиханов был первым, кто обратил внимание на реликты буддийской культуры в Восточном Туркестане — руины архитектурных памятников и пещерных монастырей. Однако самая главная его заслуга в этнографической сфере заключается в описании и классификации народов, проживающих в Восточном Туркестане, их религиозном разделении, истории малобухарцев. В очерке «Народонаселение» Валиханов фиксирует сведения об уникальном быте, культуре, традициях, литературе Кашгара, сравнивая их с фольклором и обычаями других тюркских народов. Он впервые приводит характеристику народов Кашгара, выделяет этнические группы, повествуя о привилегиях, социальном положении и обязанностях каждой группы, описывает их взаимоотношения. Помимо собственных наблюдений, Чокану удалось собрать восточные рукописи о Малой Бухарии такие, как «Тазкирия Султан Сатук Бугра-хан» («История Сатук-Бугра-хана»), «Тазкирия Туглук-Тимур-хан» («История Туглук-Тимур-хана»), «Тазкирия Ходжаган» («История ходжей»), «Абу-Муслим Маурузи» и др., которые представляют огромную историческую ценность.

Валиханов отмечает, что жители Малой Бухарии общего этнонима не разделяют, а вместо этого ассоциируют себя с названием городов, в которых проживают. Таким образом, здесь проживают кашгарлык

(кашгарцы), хотанлык (хотанцы), туфанлык (туфанцы) и пр. Китайцы называют их чанту (обернутая голова), жители Средней Азии используют название кашгарцев на все население Восточного Туркестана. [10, с. 158]

Язык, на котором говорят коренные жители, по мнению Валиханова, является особым диалектом тюркского языка, уйгурским. По происхождению, языковым и обрядовым различиям они разделяются на потомков древних уйгуров, долонов и нюгейт. Долоны, которые отличаются от других туркестанцев акцентом, принадлежат к Аксуйскому, Яркендскому и Харашскому округам. Женщины их обертывают головы белыми платками подобно киргизским и бурутским женщинам. Нюгейт — это полукочевое племя, обитающее в подножьях Музарта.

Таким образом, народ Восточного Туркестана не являет собой однородное общество. Различия между жителями Малой Бухарии объясняются разной степенью влияния Китайской империи, исламских государств, бывшего языческого прошлого, остатков зороастризма и буддизма. Их разнородная культура — это синтез элементов культур других народностей, когда-либо живших на территории Восточного Туркестана.

Все эти сведения о культуре, политике, экономике народов Кашгарии были собраны и представлены Валихановым. Смелость и находчивость казахского поручика Чокана Валиханова, его глубокие познания о тюркских народах, стремление к этнографической деятельности привели ученого к самой важной экспедиции в его карьере. Благодаря этой экспедиции был создан первый научный труд о Восточном Туркестане, огромный масштаб которого, глубина его содержания делают его крупным вкладом в науку.

Список литературы

1. Ахметов Ж. Х, Мухамедина Э. Ж. Педагогические условия формирования личности Чокана Валиханова В Сибирском кадетском корпусе// Сборник научных статей IX Межвузовской научно-практической конференции с международным участием: в 3-х ч. / Под общ. ред. С. А. Куценко. 2018.
2. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция казахской советской энциклопедии, 1984.
3. Ермакбай Ж. А. Русский офицер в Восточном Туркестане // Известия Иркутского Государственного Университета. Серия: История. 2016.

4. Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 29. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. СПб., 1904.
5. Потанин Г. Н. Чокан Валиханов. ЦГАЛИ СПб.
6. Колесников А. А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX — начало XX вв.). Миссии, экспедиции, путешествия. Бишкек: Раритет, 2006. 159 с.; Анкара, 2010. 190 с. (На турецком языке).
7. Колесников А. А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.). Алма-Ата: Наука, 1991. 183 с. (в соавторстве с Кляшторным С. Г.).
8. Колесников А. А. Русские путешественники в Афганистане (XIX в.). Душанбе: Дониш, 1988. 243 с. (в соавторстве с Харатишвили Г. С.).
9. Семенов Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань. Мемуары. Т. II. М., 1946.
10. Семенов-Тянь-Шанский П. П. История полувековой деятельности Русского географического общества 1845–1895. СПб., 1896. Ч. I.
11. Шиловский М. В. Чокан Валиханов: Трансформация личности в парадигмах фронта // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4.

Андреева А. С.

asandreeva_7@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ РАЗРЫВ В ЯПОНИИ И РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ В РАКУРСЕ ВОСТОЧНОАЗИАТСКИХ ПОКОЛЕНЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Аннотация: В статье анализируется феномен разрыва поколений в современной Японии и Республике Корея через призму национальных концепций поколений, таких, как «поколение N-пхо», «второе потерянное поколение», «поколение потерянных лет».

Ключевые слова: Япония, Корея, разрыв поколений, потерянное поколение.

Keywords: Japan, Korea, generation gap, lost generation.

В современных японском и южнокорейском социумах остро ощущим раскол между молодёжью и старшим поколением. Исторический опыт поколений, одно из которых росло в наращивающем экономическую мощь государстве развития, а второе — в стране, застрявшей в полосе рецессии, столь различен, что отношения между молодыми и старшими описываются как «разрыв». Понятие «разрыва поколений» было сформулировано Маргарет Мид как социокультурное явление, при котором «культурные ценности младшего поколения принципиально отличаются от ценностных установок старшего поколения» [5, с. 342].

Поколенческий разрыв — и следствие, и причина многих социальных проблем. Старшие — родители, старшие коллеги и руководители — часто не понимают молодых людей, выросших в совершенно иных социально-экономических условиях. Это непонимание выливается в невозможность объяснения современных социальных феноменов и сложности в поисках путей решения актуальных проблем. В связи с этим мы сочли актуальным проведение настоящего исследования, цель которого заключается в анализе поколенческого разрыва в Японии и Республике Корея.

Обычно проблема поколенческого разрыва обсуждается в рамках западной социальной теории: пытаясь объяснить поколенческие различия, исследователи прибегают к терминологии, сформулированной Штраусом и Хоувом в работе «Поколения: история американского будущего, 1584–2069 гг.» [10, с. 25]. Исходя из того, что эта теория была создана для описания американского общества и критиковалась за чрезмерные обобщения и недостаточную фактологическую базу, мы сочли целесообразным не применять её и обратиться к восточно-азиатским концепциям поколений («второе потерянное поколение», «поколение N-по»). Материалами выступили как первичные (ресурсы национальной статистики), так и вторичные источники (исследования на нескольких языках).

Первым концепцию поколений применил к социологическому анализу различий возрастных групп Карл Мангейм. В работе 1928 года «Проблема поколений» он предложил рассматривать поколение как единицу социального анализа и выдвинул предположение, что смыслообразующим признаком поколения является совместное переживание социокультурных событий [4, с. 47]. В свою очередь, Хосе Ортега-и-Гассет в труде 1942 года «Вокруг Галилея» предложил использовать поколение в качестве метода исследования, в котором биологические составляющие переплетаются с культурными [7, с. 318].

Молодёжное движение в Европе в 1968 вновь актуализировало поколенческий подход, соединив его с молодёжными исследованиями. Проблема конфликта «отцов и детей» стала рассматриваться в ракурсе поколенческого конфликта, Маргарет Мид сформулировала вышеупомянутое понятие «разрыва поколений». В работе «Поколение как место памяти» Пьер Нора впервые предложил взгляд на поколение как на воображаемое сообщество, символическое и условное по своей сути [6, с. 62]. Что касается современного состояния поколенческого метода, нам кажется наиболее ёмким определение Б. В. Дубина, который отмечает, что понятие поколения «фиксирует соответствующие точки разлома социального и культурного порядка, направления и механизмы опосредования и перехода между «прежним» и «новым»» [2, с. 75].

Одна из наиболее дискуссионных проблем в исследованиях с применением поколенческого метода — вопрос определения ключевых событий, сформировавших исторический опыт поколения. Опираясь на модель Штрауса и Хоува, многие специалисты утверждают, что в эпоху глобализации, когда социокультурные процессы синхронизи-

руются по всему земному шару, у представителей одного поколения, живущих на разных концах света, больше общего, чем у соотечественников, разделенных поколенческими барьерами. Однако даже в пределах одной страны исследователи расходятся во взглядах на определяющие поколение события (так, если для Штрауса и Хоува принципиально, что поколение Y отделено от следующего за ним поколения Z трагедией 11 сентября 2001 года, то специалисты Pew Research Center считают таковой значимой границей 1996 год [9]). Учитывая это обстоятельство, мы полагаем, что уместнее говорить не о глобальных, а о региональных поколениях.

Для современной молодежи Японии и Республики Корея ключевыми формирующими событиями, несомненно, являются кризисы 1990-х годов. В развитых странах Восточной Азии это поколение стало первым за долгие годы, которое росло при экономическом спаде, сменившем подъем. Жёсткая встряска социально-экономической системы не могла не отразиться на их специфическом мироощущении: если предыдущие поколения были твёрдо уверены, что их труды будут вознаграждены, и ожидали впереди изобилие благ, то поколение детей 1990-х утратило иллюзии и надежды на благополучное будущее. Согласно Глобальному индексу благополучия молодежи, только 16% молодых людей Японии и 25% — Южной Кореи ожидают, что их условия жизни будут лучше, чем у родителей [11].

Японские и южнокорейские ученые описывают молодежь в неутешительных формулировках. В Японии это «поколение потерянных лет» (название отсылает к «потерянным десятилетиям» японской экономики — 1990–2000 годам), «второе потерянное поколение» (первым «потерянным поколением» называют людей, которые вышли на рынок труда в 1990-е годы и из-за кризиса оказались не в состоянии выстроить стабильную карьеру), «сдувшееся поколение» (игра слов deflation — deflated generation, название отсылает к выражению экономиста Морианага Такуро).

В Корее наиболее употребимым является выражение «поколение N-пхо» — поколение, отказавшееся от неограниченного числа вещей. «Когда мы закончим университет, поиск работы будет проблемой. Те, кто нашли работу, волнуются, смогут ли они жениться/выйти замуж. Те, кто поженились, переживают, как им купить дом. Мы называем себя «поколением N-пхо», потому что мы отказываемся от всех вещей, что имеют значение в жизни», — объясняет студент в интервью Кукмин Ильбо [1]. Таким образом, молодежи приходится

лишить себя жизненных проектов, без которых не могли себе представить жизнь их родители. Для многих, впрочем, вынужденный отказ перерастает в добровольный выбор, являющийся составной частью идентичности.

Проблемы молодёжи, однако, зачастую не встречаются понимания у старшего поколения. С точки зрения последних, «неуспехи» молодёжи — следствие не структурных изъянов социально-экономической системы, а недостатков самих молодых людей (недостаточного усердия, лени, слабости характера).

Для описания молодёжи шестидесятых-семидесятых в Японии использовалось выражение *акаруй сэйкацу* (明るい生活 «яркая жизнь»): они рано женились и переезжали в собственные дома, считали стандартом жизни заграничные путешествия, покупку техники и драгоценностей [8, с. 31]. В Республике Корея экономический взлёт начался позднее, чем в Японии, но и там обладание материальными ценностями стало ожидаемым на определённом этапе жизни. Поколение, сделавшее карьеру и сколотившее капитал на пике экономического взлёта, осуждает нынешнюю молодёжь за неспособность добиться сходных результатов в том же возрасте. Молодёжь обвиняют в падении рождаемости и депопуляции нации, в упадке системы пожизненного найма и в моральном кризисе.

Главной причиной порицания молодых людей является то, что те не могут реализовать себя как полноценные члены общества (社会人 *сякайдзин*, как говорят японцы, «человек общества») по стандартам старшего поколения. Неспособные преодолеть символические границы взрослости, к которым причисляются поступление на постоянную работу в фирму, отъезд из родительского дома, основание собственной нуклеарной семьи [8, с. 57], представители молодого поколения остаются в глазах родителей детьми-переростками, инфантильными взрослыми, безответственными и ненадёжными.

Разница в условиях взросления вылилась в разницу в мироощущении: для молодых людей нехарактерны амбиции как личные, так и общенациональные (престиж и благосостояние родины не мотивируют на преданный труд людей, родившихся после того, как экономика прошла свой пик и перешла в стадию рецессии); идея выполнения долга перед страной, будь то посредством службы в фирме или воспитания будущего поколения, также не является приоритетом; в неперемutable вознаграждение за усердные труды молодёжь больше не верит. «Должно быть чувство долга перед страной. Низкая рождаемость

нас очень беспокоит», — говорит 60-летняя жительница Сеула в интервью корреспонденту BBC. «Я не хочу быть частью семьи, я хочу быть независимой, жить самостоятельно и воплощать свои мечты», — парирует 20-летняя кореянка [3]. Это интервью — один из многих примеров поколенческого разрыва, обусловленного мировоззренческими различиями.

В современных экономических и социальных условиях не только невозможно, но и не имеет смысла ожидать от молодёжи достижения успеха по традиционной траектории. Ригидная система пожизненного найма не способна приспособиться к новым условиям глобального мира, ранние браки и деторождения, ныне потерявшие популярность среди молодёжи, — не единственный способ поддержания рождаемости, как показывает опыт Скандинавии. Оптимальным выходом видится пересмотр концепции успеха и переход к активно распространяющимся в глобальном пространстве гибким формам занятости.

В итоге, жизнь молодёжи Японии и Республики Корея была определена кризисами 1990-х годов, навсегда изменивших социальную реальность и отрезавших их от исторического опыта старших поколений. Одно из наиболее существенных различий — разочарование в конфуцианской этике: даже самый усердный труд может не окупиться в изменившихся экономических условиях, следовательно, нет смысла посвящать жизнь служению фирме или государству. Социально-экономические проблемы, зачастую вменяемые в вину молодежи — сокращение рождаемости, упадок системы пожизненного найма, «моральное разложение» — являются не более чем следствием изъянов общественной модели, построенной предыдущими поколениями. Изменение жизненных паттернов молодежи следует рассматривать не как социальную проблему, а как возможность для необходимой общественной трансформации.

Список литературы

1. «Апхын чхончхун ... опхо чхильпхо номо “n-пхо сэдэ’ чвачжоль» 아픈 청춘... 5포→7포 넘어 ‘n포 세대’ 좌절 [Больная молодость ... От поколения опхо до поколения чхильпхо, отчаяние поколения “ n-пхо”] // Кукмин Ильбо (국민일보). Дата обновления: 28.08.2015. URL: <http://news.kmib.co.kr/article/view.asp?arcid=0923219431&code=11131100&cp=nv> (дата обращения: 11.09.2019)

2. Дубин Б. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 61–79.
3. Майбин С. (2018) Поколение сампо: почему женщины в Южной Корее не хотят детей и отношений // Би-би-си. Дата обновления: 17.08.2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45209116> (дата обращения: 24.12.2019)
4. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состоятельность. Экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000. 164 с. С. 8–63.
5. Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // М. Мид. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.
6. Нора П. Поколение как место памяти // НЛО. 1998. № 2. 56–78.
7. Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея // Избранные сочинения. М.: Весь мир, 1997. С. 233–403.
8. Dasgupta R. Re-reading the Salaryman in Japan: Crafting Masculinities. Abingdon: Routledge, 2012. 210 p.
9. Dimock M. (2019) Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins // Pew Research Center. Дата обновления: 17.01.2019 URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/> (дата обращения: 15.07.2020)
10. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N.Y.: William Morrow & Company, 1991. 554 p.
11. The Global Youth Wellbeing Index [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://www.youthindex.org/> (дата обращения: 28.09.2019)

Бакунькина К. А.

karina.bakunkina@inbox.ru

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ЦИНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ВОСПРИЯТИИ БРИТАНЦЕВ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ БРИТАНСКОЙ ПОСОЛЬСКОЙ МИССИИ ЛОРДА АМХЕРСТА

Аннотация: На основе дневника одного из участников британского посольства 1816 года в Китае рассматриваются основные черты характера китайских чиновников и ключевые особенности цинской дипломатии первой четверти XIX века, ставшие возможными предпосылками последующего обострения отношений двух сторон.

Ключевые слова: восприятие Китая британцами, посольство лорда Амхерста, церемония коутоу, цинская дипломатия, англо-китайские отношения первой четверти XIX века, формирование стереотипов о Востоке.

Keywords: Qing dynasty diplomacy, British perception of China, formation of «orient» stereotypes, Sino-British Relations in the first quarter of the XIX century, Lord Amherst embassy.

При изучении внешней политики Китая невозможно игнорировать необходимость рассмотрения роли Англии в делах Поднебесной, так как вплоть до Первой мировой войны (1914–1918 гг.) англо-китайские отношения определяли практически всю ситуацию в сфере связей Европы со странами Востока.

Рассматриваемая в этой работе чрезвычайная посольская миссия лорда Амхерста, предпринятая Англией в 1816 году с целью стабилизации торговых отношений с Китаем, незаслуженно была оставлена без внимания историков. Оставаясь в тени на фоне двух других масштабных событий, посольства Макартни и Первой Опиумной войны (1839–1842 гг.), посольство Амхерста зачастую преподносится как неиграющее важной роли в ходе англо-китайских отношений ввиду своего неудачного исхода, либо вообще не освещается исследователями. Лишь в последние годы появились статьи, посвященные этому посольству.

Цель моего доклада — на примере данной посольской миссии рассмотреть восприятие Китая и его жителей британцами.

Для этого мной предпринята попытка проанализировать преобладающие настроения в ходе дипломатических переговоров с китайскими чиновниками и выявить основные черты цинской дипломатии.

Методологическая база данной работы была обусловлена историко-генетическим методом, позволяющим исследовать изменения конкретных элементов в восприятии Китая англичанами при рассмотрении соответствующих событий, формировавших их взгляды и мнения. Для демонстрации определенных важных эпизодов, ярко отражающих анализируемый феномен, использовался нарративный метод. Контекстуальный анализ применялся для определения исторического контекста, в котором формировались определенные представления о Китае.

В рамках данной работы основным источником будет являться книга британского дипломата Генри Эллиса (1 сентября 1788 — 28 сентября 1855) «Дневник деятельности последнего посольства в Китае». В ходе посольской миссии лорда Амхерста Генри Эллис был назначен на должность государственного секретаря с официальным званием третьего комиссара, так что он был очевидцем всех происходящих событий.

Данный источник отражает уникальный взгляд европейца, никогда до этого не бывавшего в Китае, на эту далекую и неизвестную страну.

Основные черты характера китайских чиновников

До начала переговоров Генри Эллис сосредотачивает свое описание на причинах посольства, его составе, природе и населении Китая. С началом переговоров в дневнике начинают появляться описания основных черт, присущих китайским чиновникам. Большинство выводов делается исходя из дипломатических методов, которые избираются ими для коммуникации с англичанами.

Члены посольства не раз отмечали у чиновников такую черту, как двуличие. Приветливое и любезное общение наблюдалось только до того момента, пока все условия китайской стороны беспрекословно принимались и выполнялись: «*Выполните тартарский обряд, и я ваш друг в Пекине*» [3, с. 170], но если что-то шло не по их плану, отношение в корне менялось. После очередной смены настроений в переговорах Генри Эллис писал, что «*двуличие и обман являются для него*

[китайца] привычными и неизменными» [3, с. 133]. Китайские чиновники, назначенные для сопровождения послов в Пекин для аудиенции с императором, первое время казались англичанам вполне дружелюбными. С некоторыми из них им удалось наладить доверительные отношения — так считали англичане, недостаточно знакомые с культурой страны. Члены посольства, долгое время прожившие в Китае, понимали, что китайский их менталитет не позволяет показывать реальные эмоции. Китаец никогда по-настоящему не откроется иностранцу.

Высокомерие — еще одна заметная черта цинской дипломатии. Эта особенность была выявлена еще во время посольства Макартни [2, с. 28], так что в этот раз англичане были готовы проявлять внешнюю покорность в делах, задевающих статус Поднебесной. Наиболее полно эта черта проявилась во время переговоров насчет китайской церемонии *коуту*¹, но и в перерывах между обсуждением этого «унизительного» для англичан ритуала в речах китайских чиновников прослеживалось пренебрежительное отношение к англичанам и желание «*понизить относительное значение Англии по сравнению с другими европейскими нациями и доказать бессмысленность того, что наш [британский] Государь претендует на соперничество с китайским Императором*» [3, с. 196]. Церемония *коуту* стала ключевым препятствием для англичан. Проследив изменение отношения послов к данному обряду, можно сделать вывод, что уступчивость Британии постепенно сменялась на бескомпромиссное отношение к Китаю [4, с. 18].

Отношение к подаркам английского короля как к дани зависимого государства [3, с. 87], отказ идти на любые уступки в вопросах выполнения *коуту* и желание возвыситься за счет принижения достоинства противоположной стороны хотя и были ожидаемы, все равно оказывали негативное влияние на ход событий, раздражая англичан и снижая их мотивацию, необходимую для преодоления разногласий.

Если к предыдущей особенности китайцев члены посольства относились как само собой разумеющейся черте их характера, то к присущей им, по мнению англичан, так называемой «лживости» они не

¹ Коуту — церемония тройного коленопреклонения и девятикратного челобитья, исполнявшаяся для демонстрации высокого уважения к человеку. Этикет цинской дипломатии предполагал выполнение иностранным послом этой церемонии при приближении к императору.

могли оставаться равнодушными. *«Китайцы настолько ограничены в своих представлениях о принципах поведения и настолько беззастенчиво лживы в своих утверждениях, что даже самые здравые доводы отвергаются ими»* [3, с. 133] — к такому выводу Эллис пришел в результате постоянно меняющихся показаний чиновников на счет событий, происходивших во время предыдущего посольства. Одним из ключевых вопросов в ходе переговоров был прецедент лорда Макартни, а точнее его согласие или отказ выполнить церемонию *коуту*, а также разное понимание сторонами реальности, касающейся этого события. В этом плане китайская сторона, несомненно, пыталась доказать соблюдение послом всей полноты условий. Они всеми силами старались не внимать показаниям лорда Стаунтона, который принимал участие в том посольстве и был очевидцем событий, более того, чиновники зывали к нему для признания истинности их утверждений. По мнению Генри Эллиса, это был очередной *«пример беззастенчивой наглости и лживости китайцев»* [3, с. 100].

Нельзя точно сказать, было ли такое поведение вызвано искренней верой в исключительность китайского народа и его императора как Сына Неба, правящего всем остальным «варварским» миром [1, с. 241], или такие действия провоцировались только страхом перед гневом императора, способного одним указом уничтожить репутацию чиновника.

При сложившихся обстоятельствах в отношениях между китайской и английской сторонами описание китайских чиновников в исключительно негативном ключе не кажется удивительным. Различия в культуре, менталитете и традициях сыграли важную роль в восприятии характера государственных служащих.

Способы ведения переговоров

Мистер Моррисон считал одной из главных черт цинской дипломатии метод выжидания, чтобы вынудить противников действовать первыми. Таким образом, они подстраивали свои решения под ситуацию, использовали всевозможные способы для провокации и манипулирования, чтобы в итоге обвинить противоположную сторону в неподобающем поведении [3, с. 70].

Сложная система рангов создавала препятствия, которые не позволяли добиться встречи с императором. Членам посольства необходимо было пройти через массу переговоров, начиная с мандаринов

низшего ранга и заканчивая непосредственными секретарями императора. Китайские чиновники часто прибегали к таким дипломатическим методам, которые в глазах англичан представлялись равноценными обману. Неудивительно, что в скором времени китайская сторона потеряла доверие послов, и *«поскольку мало кто может быть уверен в точности китайских донесений»* [3, с. 75], почти все их слова перестали восприниматься как что-то серьезное и имеющее вес.

Педантичность и придирчивость китайцев, которые проявлялись в неоднократных переносах даты отправления в Пекин из-за малейших отклонений от стандарта, негативно сказывались на отношении к ним англичан. Такие действия могли применяться китайцами для описанного выше метода провокации и выжидания.

Китайцы также зачастую *«использовали запугивание и обман для достижения своих целей»* [3, с. 197] во время переговоров. Для описания китайских чиновников, с которыми англичанам предстояло встретиться, китайцы использовали определенные эпитеты, отражающие строгость и непреклонность характера их служащих, давая этим понять, что послам было бы выгоднее согласиться с ними. Стоит сказать, что это никаким образом не действовало на англичан, так как они сразу понимали цель таких устрашающих предостережений: *«Если намек на характер Кун-яй¹ направлен на запугивание, он был в высшей степени унижительным; если он был рассчитан на предупреждение, то нелепым»* [3, с. 143–144].

Высшей точкой в серии неправомерных действий китайцев, по мнению англичан, стал эпизод в Юаньминьюане², где в ночь прибытия посольства *«с некоторой грубостью, но под предлогом дружеского принуждения»* [3, с. 179] Хо схватил лорда Амхерста за руку, чтобы вывести из покоев и доставить к императору, который немедленно хотел видеть его у себя. Если до этого момента в мемуарах мнение насчет императора складывалось в результате действий его подданных, то теперь, при непосредственной близости к самому государю, англичане могли более четко сформировать представление о нем.

Рассматривая данные сюжеты, не стоит забывать, что представленное выше описание деятельности китайских чиновников выражает

¹ Кун-яй (англ. Koong-yay) — чиновник высшего ранга (эквивалентен титулу герцога в Англии).

² Старый Летний дворец императора.

исключительно точку зрения самих англичан и показывает их восприятие китайской дипломатии. Если смотреть на те же самые эпизоды со стороны китайцев, то их поведение может показаться совершенно оправданным в условиях напряженных отношений с Англией. Также стоит учитывать мировоззрение китайцев, для них англичане — варвары и чужаки, перед которыми нет причин открываться и показывать себя с хорошей и дружественной стороны. С китайской точки зрения подобный способ выстраивания отношений был проявлением здоровой подозрительности, присущей дипломатической деятельности.

Помимо различий в обычаях и культурных традициях, которые осложняли понимание мотивов друг друга, установлению союза мешало разное отношение к дипломатии. Если Англия, являясь передовой индустриальной державой, стремилась к развитию широкомаштабных внешнеторговых связей, то средневековый по своей сути Китай в данной ситуации, наоборот, всяческими способами старался избежать проникновения капиталистических отношений в экономику страны. Именно поэтому здесь произошло столкновение двух политических стратегий, где Китай занял обороняющуюся позицию, не желая допустить влияния западных веяний, а Англия продолжала усиливать экспансию для установления господства на Дальнем Востоке. Нестабильная обстановка внутри Китая, вызванная массовыми восстаниями¹ недовольного цинской политикой народа, ослабляла внешнеполитический потенциал Поднебесной, ставя ее в безысходное положение в ситуации с приближающейся угрозой, исходящей от Англии.

Изначально не самые радостные настроения англичан в связи с предстоящим плаванием в Китай, усугубившиеся во время многочисленных переговоров уже на территории Поднебесной, вылились в негативные отзывы о стране в целом. Британцы, порой игнорируя собственное, далеко не идеальное, поведение, клеймили китайских чиновников, приписывая им такие черты характера, как лживость, высокомерие и двуличие. Неблагоприятные представления о китайской цивилизации, циркулировавшие в Англии и ранее, в этот раз были продемонстрированы с не вызывающей возражений убедительностью, тем самым оправдывая дальнейшие действия англичан по отношению

¹ Например, крестьянские восстания 1796—1804 годов под предводительством тайного общества «Белый лотос» (Байляньцзяо).

к Китаю. Вывод о решающем влиянии цинского правительства на ситуацию в стране позволил посольской миссии инкриминировать ему создание непреодолимых препятствий на пути к развитию китайской цивилизации и заложил основу для нарастающего враждебного отношения Англии к Китаю.

Список литературы

1. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этническая история китайцев: на рубеже 3. средневековья и нового времени. М.: «Наука», 1987. 312 с.
2. Сладковский М. И. Китай и Англия. М.: «Наука», 1980. 351 с.
3. Ellis H. Journal of the Proceedings of the Late Embassy to China. 1st edition. London: J. Murray, 1817. 526 p.
4. Gao H. The “Inner Kowtow Controversy” During the Amherst Embassy to China, 1816–1817 // Diplomacy and Statecraft. 2018. Vol. 27 (4). 31 p.

Бахвалова А. А.
anastasiia_bakhvalova@yahoo.com
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

«ДЕВЫ ВЕСЕЛЬЯ» В ЯПОНИИ XVIII ВЕКА НА ПРИМЕРЕ КВАРТАЛА ЁСИВАРА

Аннотация: В статье анализируется повседневная жизнь *ю:дзё* квартала Ёсивара в XVIII веке на основе данных периодического издания «Ёсивара-сайкэн», произведений жанра *ю:дзё-х:ёбанки* и трёхстиший *сэнрю:*.

Ключевые слова: веселые кварталы, *ю:дзё*, Ёсивара-сайкэн, *хё:банки*, *сэнрю:*, Ёсивара.

Keywords: pleasure quarters, *yuijo*, Yoshiwara Saiken, *hyoubanki*, *senryuu*, Yoshiwara.

Проблема гендерного неравенства и насилия в отношении женщин актуальна и в наши дни, однако образ «веселых кварталов», а также популяризированный посредством произведений массовой культуры образ «*гэйся*», остается чрезмерно романтизированным. Поэтому данный доклад посвящен «девам веселья» (яп. 遊女; *ю:дзё*) — обительницам веселых кварталов Японии.

Ёсивара был единственным кварталом в г. Эдо, где можно было легально открыть «веселый дом». Он являлся отражением богатой и процветающей городской культуры периода Эдо (1603–1868). *Ойран до:тю* (花魁道中) — роскошные шествия главных законодательниц мод страны вдохновляли художников на создание гравюр *укиё-э*, драматургов — написание пьес театра Кабуки. Ёсивара называли одним из *Эдо сандзэн-рё* (江戸三千両) — трех популярных достопримечательностей, где за один вечер можно потратить тысячу *рё* (денежная единица в период Эдо).

«Девы веселья» являлись ключевыми фигурами, без которых было бы невозможно представить само существование веселого квартала. Эти женщины оказывались в Ёсивара по разным причинам: многих еще в детстве продавали попавшие в трудное материальное положение

родители, других приводили в квартал указы правительства, некоторые, овдовев и лишившись средств к существованию, приходили по собственной воле. Жизнь *ю:дзэ* в Ёсивара называли *кугай дзю:нэн* (苦界十年; десять лет страданий). Несмотря на то, что большинство обитательниц квартала подвергались жестокой эксплуатации, большую часть времени проводили в замкнутом пространстве и страдали от различных заболеваний (например, венерических), они должны были любыми средствами сохранять привлекательность. Положение *ю:дзэ* низкого ранга было самым тяжелым: некому было взять на себя расходы на их медицинское обслуживание.

Тем не менее, место достоверного описания этой социокультурной среды в массовом сознании как в самой Японии, так и на Западе занимает романтизированный образ «районов красных фонарей», и сама тема веселых кварталов Японии разработана историографически очень слабо. Среди японских исследований можно выделить работы ученых Исии Рёсукэ [17], Сато Ёдзин [16], Андо Юитиро [5] и др. Среди американских — монографию Сесилии Сэгава Сейгл «Ёсивара: сверкающий мир японский куртизанок» [4], среди немногочисленных российских исследований — монографию искусствоведа-япониста А. Э. Пушаковой «Квартал удовольствий» [3] и статью А. Л. Барковой [1].

Объектом данного исследования является социокультурная среда горожан Японии XVIII в. на примере квартала Ёсивара, предметом исследования — быт *ю:дзэ* квартала Ёсивара.

Цель работы — охарактеризовать повседневную жизнь *ю:дзэ* квартала Ёсивара в XVIII в.

Задачи исследования: проанализировать иерархическую систему женщин в квартале Ёсивара, определить средний возраст *ю:дзэ*, выявить основные виды их изящных искусств, охарактеризовать основные аспекты их быта, повседневные «ритуалы», а также провести анализ имен *ю:дзэ* и выявить наиболее популярные.

Источниковая база данного исследования делится на три группы источников. Первая группа представлена выпусками периодического издания «Ёсивара-сайкэн» (吉原細見) [7–13]. Вторая — произведениями в жанре *ю:дзэ-хё:банки* (遊女評判記) [6, 14, 15]. В третьей группе были *сэнрю:* (川柳), которые вошли в сборник Сато Ё. [16].

Для реконструкции повседневной жизни *ю:дзэ* в работе используются методологии таких востребованных в настоящее время отраслей научного знания как «история повседневности» (everyday life history),

рассматривающая сферу человеческой обыденности в разнообразных исторических, культурных, политических, контекстах, и гендерная история, предметом изучения которой являются социальные отношения, основанные на гендерных различиях.

Рост городов и усиление позиций торгового сословия в период Эдо активно способствовал развитию культуры, доступной ремесленникам и купцам. Городское общество характеризовалось сравнительно высоким уровнем грамотности, что обуславливало потребность в массовых печатных изданиях, одними из которых являлись *сайкэн* и *хё:банки*.

В период Эдо процветала торговля «Ёсивара-сайкэн» (吉原細見), которая носила название *сайкэн-ури* (細見売り). Главная функция «Ёсивара-сайкэн» состояла в каталогизации всех заведений, расположенных в квартале: большая часть информации приводится в таблицах и содержит только короткие сегменты текста. В основном это ранжированные списки *ю:дзё* и прочего персонала, доступного для найма (*синдо:*, *онна-гэйся*, *отоко-гэйся* и т. д.). Информация о каждой *ю:дзё* в «Ёсивара-сайкэн» передается с помощью символов, поэтому, даже не имея возможности точно прочитать их имена, возможно провести демографические исследования, а гербы *мон* (紋) публичных домов позволяют следить за судьбой каждого заведения.

На протяжении XVIII в. численность *ю:дзё* квартала Ёсивара колебалась от 2000 до 5000 чел., на нее оказывали влияние различные факторы: указы *бакуфу*, пожары, стихийные бедствия и т. д. [2, 5]. Прослеживалась тенденция роста численности за счет *ю:дзё* низких рангов. Высокоранговые *ю:дзё* составляли обычно не более 1% от общего числа. *Ю:дзё* высокого ранга содержались в одних и тех же домах в разные периоды времени: Тамая, Огия, Накамандзия, Эбия, Окамотоя и др.

Высшим рангом *ю:дзё* считался ранг *таю:* (太夫; великий муж). Далее по нисходящей шли: *ко:си* (格子; решетка), *сантя* (散茶; порошок чай), *умэтя* (梅茶; сливовый чай), *какои* (囲; ограда) и *цубонэ* (局; придворная дама). В годы Мэйва (1746–1772) *таю:* и *ко:си* исчезают из Эдо, вытесненные *ёбидаси* (呼出し; по приглашению), *тю:сан* (昼三; днем три бу) и *цукэмаваси* (付廻し; оплата через посредника). Все три ранга причислялись к высшим и уважительно назывались *ойран* (花魁) — «предводительница цветов».

Ю:дзё-хё:банки (評判記; *хё:банки*, записи различных толков) — это книги, содержащие в себе рейтинги *ю:дзё*, сопровождаемые

подробными комментариями и яркими иллюстрациями. Основной функцией *хё:банки* была помощь неопытным посетителям Ёсивара в ориентировании в запутанном этикете, заведенном в веселых кварталах.

Первые *хё:банки* XVII в. представляют собой собрания разрозненных сведений, однако уже к XVIII в. в них усиливается повествовательное начало, точные факты из жизни *ю:дзё* обрастают вымышленными эпизодами и анекдотическими подробностями.

Помимо иерархии среди *ю:дзё*, существовала также иерархия среди их учениц-прислужниц. Для них не было графических обозначений, но положение учениц определялось местом, на котором записывалось их имя в «Ёсивара-сайкэн» или в *хё:банки: камуро* (禿; «короткостриженные», младшие ученицы) — непосредственно рядом с именем *ойран, синдзо*: (新造; «свежеизготовленные», старшие ученицы) — отдельным списком внизу страницы.

Камуро были также одним из важнейших показателей статуса *ойран*: только у высших *ю:дзё* могло быть две-три ученицы. Популярными именами *камуро* были имена из романа «Гэндзи моногатари», так называемые Гэндзи-на, такие как, например, Вакамурасаки, Уцусэми, Ханатирусато и др. [5, 13, 14]. Среди взрослых *ю:дзё* также были широко распространены *гэндзи-на*: Агэмаки, Укифунэ, Усугумо, всевозможные вариации Мурасаки (Комурасаки, Коимурасаки, Вакамурасаки, Ханамурасаки и др.) и т. п. Также были распространены имена, созвучные известным географическим названиям (Ёсино, Такао, Сираито и др.).

В 5–9 лет девочки попадали в Ёсивара и становились *камуро*, затем, в среднем с 13 до 16 лет, они находились в статусе *синдзо*:. Согласно «Ёсивара-сайкэн», в возрасте 15–18 лет *ю:дзё* уже могла вступить в ранг *таю*:. Средняя продолжительность срока деятельности *ю:дзё* составляла 10 лет, т. е. средним возрастом *ю:дзё* можно считать 17–27 лет.

Трёхстишия *сэнрю*:, издававшиеся в антологии «Хайфу Янагитару» с 1765 г., являются еще одним уникальным по полноте источником, освещающим быт *ю:дзё* в квартале Ёсивара.

Благодаря *сэнрю*:, мы можем иметь представление о книгах, которые были популярны у *ю:дзё* («Тосисэн», «Кокинсю», «Гэндзи-моногатари» и др.), и обнаруживаем подтверждения их высокого уровня грамотности, упоминания о таких уникальных привычках, как отказ от ношения носочков *таби*, описания обуви и причесок, отличающих *ю:дзё* от других горожанок. Большое количество *сэнрю* посвящено

традиции чернения зубов *о-хагуро*, а также взаимоотношениям *ойран* и *камуро*. Благодаря *сэнрю*:, можно представить, какие денежные расходы несли *ю:дзё*, помимо выплаты основного долга, какой у них был распорядок дня и как они употребляли табак и алкоголь.

Таким образом, хотя ни один источник не дает нам исчерпывающего описания быта *ю:дзё* в XVIII в., сопоставление данных *хё:банки* и *Ёсивара-сайкэн* с содержанием *сэнрю*: позволяет нам сложить более детальное представление о жизни *ю:дзё*. Было установлено, что *ю:дзё* должны были обладать изысканными манерами, высоким уровнем образования и привлекательной внешностью.

Список литературы

1. Баркова А. Л. Жизнь как произведение искусства: Японские куртизанки // Человек. 2012. № 3. С. 149–165.
2. Прасол А. Ф. От Эдо до Токио и обратно. Культура, быт и нравы Японии эпохи Токугава. М.: АСТ, 2012. 479 с.
3. Пушакова А. Э. Квартал удовольствий. М.: ГМВ, 2016, 144 с.
4. Seigle C. S. Yoshiwara: The Glittering World of the Japanese Courtesan. Honolulu: University of Hawaii Press, 1993. 310 p.
5. 安藤優一郎。江戸の色町遊女と吉原の歴史 江戸文化から見た吉原と遊女の生活 [Андо Юитиро. Эдо-но иромати ю:дзё то ёсивара-но рэкиси эдо-бунка кара мита ёсивара то ю:дзё-но сэйкацу; Веселый квартал в Эдо. История Ёсивара и его ю:дзё. Повседневная жизнь ю:дзё в Ёсивара сквозь призму культуры периода Эдо. Токио: Кандзэн, 2016, 230 с.]
6. 一目千本 [Итимоку сэмбон] // 江戸吉原叢刊刊行会 : 遊女評判記 [Эдо Ёсивара сокан канкокай: юдзё-хёбанки 5. Токио: Хатибоку, 2011. С. 473–511.]
7. 吉原細見 [Ёсивара-сайкэн 1720 г.] // Национальная парламентская библиотека: цифровая коллекция. URL: [<http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2605800>] (дата обращения: 30.04.2019)
8. 吉原細見 [Ёсивара-сайкэн 1733 г.] // Национальная парламентская библиотека: цифровая коллекция. URL: [<http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2539872>] (дата обращения: 30.04.2019)
9. 吉原細見 [Ёсивара-сайкэн 1745 г.] // Национальная парламентская библиотека: цифровая коллекция. URL: [<https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2539486>] (дата обращения: 29.03.2020)
10. 吉原細見 [Ёсивара-сайкэн 1768 г.] // Национальная парламентская библиотека: цифровая коллекция. URL: [<https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2539482>] (дата обращения: 29.03.2020)

11. 吉原細見 [Ёсивара-сайкэн 1775 г.] // Национальная парламентская библиотека: цифровая коллекция. URL: [<https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2539485>] (дата обращения: 29.03.2020)
12. 吉原細見 [Ёсивара-сайкэн 1781 г.] // Национальная парламентская библиотека: цифровая коллекция. URL: [<https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2539484>] (дата обращения: 29.03.2020)
13. 吉原細見 [Ёсивара-сайкэн 1795 г.] // Национальная парламентская библиотека: цифровая коллекция. URL: [<https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2539846>] (дата обращения: 29.03.2020)
14. 吉原出世鑑 [Ёсивара сюссэ кагами] // 江戸吉原叢刊刊行会 : 遊女評判記 [Эдо Ёсивара сокан канкокай: юдзё-хёбанки 5. Токио: Хатибоку, 2011. С. 311–335.]
15. 傾城つれづれ草 [Кэйсэй цурэдзурэгуса] // 江戸吉原叢刊刊行会 : 遊女評判記 [Эдо Ёсивара сокан канкокай: юдзё-хёбанки 5. Токио: Хатибоку, 2011. С. 279–287.]
16. 佐藤要人。川柳吉原便覧 [Саго Ёдзин. Сэнрю: ёсивара бэнран; Справочник сэнрю Ёсивара. Токио: Сансэйдо, 1999. 416 с.]
17. 石井良助。江戸時代漫筆 江戸の遊女その他 続 [Исии Рёсукэ. Эдо дзидай манхицу эдо-но ю:дзё соно хока цудзуки; Эссе периода Эдо: юдзё из Эдо и др. Токио: Иноуэ Сёбо, 1961. 328 с.]

Власов М. К.
mkvlasov@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ХО ШИ МИН И КИТАЙ (1924–1944гг.): ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: В данной работе проведён комплексный анализ проблем историографии и исследование различных точек зрения на спорные моменты биографии Хо Ши Мина, связанные с его пребыванием в Китае. Подпольная деятельность, по линии Коммунистического интернационала, связи с местными организациями, практически неизученная семейная жизнь и загадочное освобождение из гонконгской тюрьмы — все эти вопросы до сих пор являются предметом оживлённых дискуссий.

Ключевые слова: Хо Ши Мин, Коминтерн, СССР, Китай.

Keywords: Ho Chi Minh, Comintern, USSR, China.

Хо Ши Мин и его биография на протяжении полувека являются объектом пристального изучения как вьетнамских, так и зарубежных исследователей. Проводятся научные конференции, издаются книги и статьи, посвящённые жизни этого человека, анализируются архивные материалы. Однако и по сей день в наших представлениях о жизни и деятельности Хо Ши Мина сохраняются значительные лакуны и противоречия, которые обусловлены тем, что несмотря на значительную роль, которую вьетнамский революционер сыграл в истории Юго-Восточной Азии XX в., большая часть информации о Хо Ши Мине до сих пор недоступна. Например, отдельные эпизоды жизни и деятельности Хо Ши Мина в Китае (1924–1944) до сих пор малоизучены. Внимание исследователей привлекают обстоятельства его освобождения из гонконгской тюрьмы, семейная жизнь, а также проблема авторства некоторых из его работ.

Интересно, что Хо Ши Мин сам описал эти годы в нескольких произведениях биографического характера, например, «Истории, рассказанные по дороге» [9], а также первая биография Хо Ши Мина, автором которой значится Чан Зан Тиен [10]. Вьетнамская историография

опирается в основном на тексты, в создании которых участвовал Хо Ши Мин, однако есть основания предполагать, что некоторые факты своей биографии он предпочёл скрыть [4, с. ix]. Связано это с тем, что, скорее всего, он хотел донести до соотечественников и мирового сообщества именно ту информацию о своей жизни и деятельности, которую считал уместной для распространения.

Актуальность данной работы обуславливается тем, что информация о пребывании и деятельности Хо Ши Мина в Китае в обозначенный период времени изучена недостаточно полно. Данная работа предполагает историографический анализ различных точек зрения, отражённых не только в отечественных, но и в зарубежных (вьетнамских, западных и китайских) исследованиях.

Таким образом, в данной работе целью ставится попытка объективного историографического анализа наиболее противоречивых эпизодов жизни и деятельности Хо Ши Мина в Китае (1924–1944).

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать, как представлены в официальной биографии Хо Ши Мина периоды жизни, связанные с его деятельностью в Китае;

2. Проанализировать источники, по которым описаны данные периоды;

3. Изучить вопросы, которые могут быть поставлены при сопоставлении версий, изложенных в официальных и альтернативных источниках;

4. Проанализировать причины, по которым некоторые аспекты не получили отражения в официальной биографии.

В ходе выполнения исследования, было использовано несколько методов. Основным стал историко-описательный метод, который позволил выявить основную последовательность исторических событий и связь между ними. Биографический метод позволил сделать анализ личности Хо Ши Мина через рассмотрение основных этапов его жизненного пути. При изучении литературных источников, автором которых считается Хо Ши Мин, был использован метод контент-анализа. Также использовался метод обобщения, позволивший систематизировать точки зрения различных авторов и провести историографический анализ.

В ходе исследования первичных и вторичных источников, автором данной работы были выделены некоторые историографические проблемы, связанные с пребыванием ХШМ в Китае, требующие дальнейшего, более углублённого изучения, с привлечением более широкого круга источников.

1924–1927: Первое пребывание в Китае

В контексте первого пребывания Хо Ши Мина в Китае (1924–1927), можно выделить следующую проблему: данный период и связанные с ним обстоятельства достаточно подробно описаны как вьетнамскими, так и зарубежными биографами, однако главная проблема, с которой сталкиваются исследователи, заключается в умалчивании в официальной вьетнамской историографии информации о личной жизни Хо Ши Мина (в частности, в отрицании его отношений с Танг Туэт Минь). Причина, по которой семейная жизнь не получила отражения в официальной биографии Хо Ши Мина, заключается в поддержании канонического образа народного героя, всецело отдавшего себя лишь борьбе за освобождение Вьетнама. Вследствие этого, главными источниками, содержащими значительное количество информации по данной проблеме, являются китайские [11].

1930–1934: Второе пребывание в Китае

Одним из главных проблемных мест биографии Хо Ши Мина в контексте данного периода, является его тюремное заключение: причины ареста и обстоятельства освобождения. Не совсем ясно, кто финансировал работу Лозби — адвоката, отстаивавшего интересы Хо Ши Мина в суде. В историографии можно найти следующие версии по данному вопросу. Как утверждал сам Хо Ши Мин, Лозби согласился ему помочь бесплатно, так как решил «отстаивать его интересы из-за чести, а не из-за денег» [9, с. 35]. Такая же версия описана и в официальной биографии [2, с. 270]. Очевидно, что данная точка зрения носит весьма сомнительный характер. Более реальной представляется версия, что Лозби и его команда финансировались Коминтерном, в частности, французской секцией МОПРа, как одним из его подразделений. Однако эта точка зрения не до конца состоятельна, так как известно о существовании писем Лозби неким «друзьям Хо Ши Мина», покрывавшим все расходы [1, с. 97]. Доподлинно неизвестно, кто они, коминтерновцы или же просто влиятельные люди?¹ Таким образом,

¹ В своей статье Дункансон упоминает Вильгельма Мюнценберга, весьма состоятельного немецкого коммуниста, основателя Международной рабочей помощи [6, с. 97]. Зусманович предполагает, что Мюнценберг мог быть одним из этих «друзей» [1, с. 100].

данный вопрос требует дальнейшего прояснения. К сожалению, на данный момент пока нет такой версии, которая смогла бы объяснить все обстоятельства освобождения Хо Ши Мина из гонконгской тюрьмы, в связи с чем этот вопрос требует дополнительных исследований.

1938–1940: Третье пребывание в Китае

Обстоятельства третьего пребывания Хо Ши Мина в Китае вызывают меньше вопросов у исследователей ввиду того, что как вьетнамские, так и зарубежные источники практически не имеют разночтений. Главной проблемой, с которой сталкиваются исследователи, является не до конца понятная причина, по которой Хо Ши Мин был отправлен Коминтерном в Китай с новым заданием, подробности которого также в точности неизвестны. Что касается деятельности Хо Ши Мина в рядах китайской армии, версия о том, что это наилучшим образом соответствовало его интересам, направленным на подготовку будущей революции, представляется самой состоятельной. Однако информации, имеющейся в доступных источниках не вполне достаточно, чтобы утверждать это однозначно. Вполне возможно, что более тщательное исследование китайских источников могло бы пролить свет на данные события.

1942–1944: Четвёртое пребывание в Китае

Исследователь Ле Дык Хоанг, тщательно проанализировав как вьетнамские, так и китайские источники, посвящённые данному периоду, выделяет следующие проблемы, требующие дальнейшего изучения [Lê Đức Hoàng, 2015]. Во-первых, причина поездки Хо Ши Мина в Китай. Во вьетнамской историографии считается общепринятым, что главная цель, которую он преследовал, состояла в поиске союзников для будущей революции. Вместе с тем, в китайских источниках существует версия, что Хо Ши Мин планировал провести переговоры с ЦК Коммунистической партии Китая напрямую, однако план несостоявшихся переговоров неизвестен. Во-вторых, причины ареста. Большая часть зарубежных исследователей полагает, что главная причина ареста заключается в просроченных документах. Вьетнамская биография дополняет эту версию тем, что Хо Ши Мин был обвинён в шпионаже. Таковую же версию приводит в «Тюремном дневнике» и сам вьетнамский революционер: «назвали шпионом вражеским здесь...» [3, с. 21].

В «Тюремном дневнике» Хо Ши Мин выборочно описывает условия тюремного заключения, а также свои мысли. Вьетнамской историографией это произведение оценивается достаточно высоко, как с исторической, так и с художественной точки зрения [2, с. 343]. Очевидно, что данное произведение является практически единственным оригинальным источником, посвящённым этому периоду, однако из этого следует главная проблема, с которой сталкиваются исследователи: можно ли всецело доверять «Тюремному дневнику» как историческому источнику? Например, существует версия, что Хо Ши Мин не является автором данного произведения, которая впервые была озвучена в 1990 г. Ле Хыу Муком [8], автором из числа вьет-киеу.¹

Подводя итоги вышеизложенного, можно сказать, что недостаточная изученность биографии Хо Ши Мина в целом, и китайских периодов, в частности, имеет под собой серьёзные основания. Во-первых, исследователи сталкиваются с целым рядом трудностей, связанных не столько со скудностью информации в источниках, сколько с их многообразием. Необходимость масштабного поиска материалов, разбросанных по десяткам и сотням архивных дел по всему миру, многие из которых остаются закрытыми до сих пор, значительно усложняет работу исследователей, превращая процесс реконструкции биографии Хо Ши Мина в самую настоящую источниковедческую и историографическую головоломку. Вероятнее всего, именно по этим причинам на данный момент не существует ни одного исследования биографии Хо Ши Мина и «китайских периодов» его жизни, в значительной степени заслуживающего доверия. Официальные вьетнамские биографы, советские и российские авторы, исследователи из числа вьетнамских эмигрантов, западные историки — каждый из авторов сталкивался с проблемой недостатка источников, при этом, исследователи интерпретировали имеющиеся по-своему, что не могло не отразиться на содержании опубликованных к настоящему времени материалов.

Список литературы

1. Зусманович Д. Д. Хо Ши Мин. Побег из Гонконга // Причерноморье. История, политика, культура. 2018. № 25. С. 94–102.

¹ Вьет-киеу (вьет. Việt kiều) — этнические вьетнамцы, проживающие за рубежом.

2. Фан Ван Как, Нгуен Хуи Хоан, Нгуен Ван Кхоан. Хо Ши Мин: биография. Ханой: Политическая теория, 2016.
3. Хо Ши Мин. Тюремный дневник. Стихи. Пер. с вьет. П. Антокольского. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1960.
4. Brocheux Pierre. Ho Chi Minh: A Biography. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
5. Duiker William J. Ho Chi Minh: A Life. New York: Hyperion, 2000.
6. Duncanson Dennis J. Ho-Chi-Minh in Hong Kong, 1931–32 // *The China Quarterly*. 1974. Vol. 57, pp. 84–100.
7. Lê Đức Hoàng (2015). Sự kiện Bác Hồ đi Trung Quốc tháng 8/1942 [Ле Дык Хоанг: Факты о пребывании Дяди Хо в Китае в августе 1942 года] // *Khoa học xã hội & nhân văn Nghệ An*. [Электронный ресурс]. URL: <http://kxhnhvnghen.gov.vn/m/?x=141/thu-vien-khxhvn/su-kien-bac-ho-di-trung-quoc-thang-81942> (дата обращения: 01.11.2019).
8. Lê Hữu Mục. Hồ Chí Minh không phải tác giả Ngục Trung Nhật Ký [Ле Хыу Мук. Хо Ши Мин не является автором «Тюремного дневника»]. Toronto: Văn bút Việt-Nam hải ngoại, 1990.
9. Thanh Lan. Vừa đi đường vừa kể chuyện (Một số mẩu chuyện về Bác Hồ trước 1945) [Тхань Лан. Истории, рассказанные по дороге (Некоторые истории о дяде Хо до 1945 года)]. Hà Nội: Nhà xuất bản sự thật, 1963.
10. Trần Dân Tiên. Những mẩu chuyện về đời hoạt động của Hồ chủ tịch [Чан Дан Тиен. Рассказы о жизни и деятельности президента Хо Ши Мина]. Hà Nội: Nhà xuất bản văn học, 2001.
11. Кун Кэли 孔可立, Ху Чжи Мин хэ тадэ Чжунго фужэнь Цзэн Сюэмин 胡志明和他的中国夫人曾雪明 [Хо Ши Мин и его китайская супруга Цзэн Сюэмин] // Ухань вэньши цзыляо 武汉文史资料, 2001. № 2. С. 7–10.

Еремян А. Г.
ani.eremyan26@gmail.com
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

РОЛЬ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В УЛУЧШЕНИИ ПРАВОВОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ КОРЕЙСКИХ ЖЕНЩИН

Аннотация: В статье анализируются предпосылки появления первых женских объединений на Корейском полуострове, их роль в борьбе за равный доступ к образованию, за социальную и политическую свободу корейских женщин, а также ключевые этапы деятельности представительниц женского движения в Корее в период японской оккупации.

Ключевые слова: Республика Корея, правовое и социальное положение женщин, гендерное неравенство, феминизм, общество.

Keywords: South Korea, gender inequality, women's movement, feminism, women's policy.

Закрепившееся в государстве Чосон (1392–1910) конфуцианство затронуло все сферы жизни, сформировало ключевые ценности традиционного корейского общества, социальные нормы, политические институты и т. д. В традиционном корейском обществе женщины напрямую зависели от мужчин и в социальном, и в экономическом плане. Именно в этот период отношение к женщине как к равному сменяется отношением к женщине как зависимому от мужчины существу. У большинства женщин, за исключением отдельных представительниц аристократии, не было возможности получить качественное образование, так как социальные роли корейских женщин были ограничены материнством и домашними делами. Женщины находились в зависимом положении, поэтому все ключевые решения за них принимали отцы, мужья или сыновья. То есть преобладало заметное неравенство в законодательной, социальной и политической сферах.

От женщин ожидалось, что они будут верными, целомудренными и покорными, а все свое время посвятят семье. Изначально их обязанности были строго регламентированы [10, с. 101]. После замужества

женщину называли не иначе как «жена...» или «мать...» [10, с. 102], она теряла свою индивидуальность, превращаясь в продолжение мужа или сына. Практически на каждом этапе своей жизни женщины должны были подчиняться мужчинам [6, с. 3]. В своде законов «Чосон кёнгукчон» («Законы для управления государством Чосон») были строго прописаны правила поведения для женщин, на законодательном уровне ограничивалась их физическая свобода. Женщинам было запрещено кататься на лошадях, играть в игры и посещать мероприятия, которые проходили вне дома. То есть любые соприкосновения женщины с окружающим её миром были сведены к строжайшему минимуму. За нарушение указанных законов нередко применялись физические наказания.

Улучшение положения женщин в Корее впервые стало проследиваться в конце XIX века. В это время в США и европейских странах сформировалось движение суфражисток, основная цель которого выражалась в предоставлении женщинам избирательных прав, политической и экономической свободы. Эти идеи проникли на территорию Корейского полуострова и пользовались популярностью среди корейских женщин. Их распространению способствовало «открытие» Чосон западными державами. Также, изменилась внешняя политика государства Чосон; был взят курс на сближение и активное взаимодействие с западными странами, такими как Соединенные Штаты Америки. Поэтому в 90-х годах XIX века в страну начали прибывать американские миссионеры и основывать просветительские школы, в том числе для обучения женщин. Там преподавались литература, искусство, основы христианства и многое другое. Первым женским учебным заведением в Корее становится университет Ихва, основанный в 1886 году американской миссионеркой Мэри Флэтчер Скэрнтон (1832–1902). Фактически, западные христианские миссионеры стали одними из первых, кто проложил корейским женщинам путь к доступному образованию.

В конце XIX века стали возникать первые корейские женские организации, которые преследовали цель дать корейским женщинам доступ к образованию, повысить их уровень грамотности. Понимая, что образование было доступно лишь мужской части населения, а правительство не разработало никакого плана по предоставлению образования женщинам, такие общества призывали власть к созданию женской школы [5, с. 7]. Таким образом, в 1898 году с целью создания первой школы для девочек в Сеуле была основана первая автономная женская организация «**Общество содействия**» («Чханянгхве», кор.

찬양회). Инициаторами создания этой организации выступили женщины, вышедшие из аристократических кругов, а количество участников организации насчитывало более 100 человек. Они опубликовали свой манифест в газете «Тоннип синмун» 9 сентября 1898 года, в котором призвали к достижению равенства между мужчинами и женщинами. Этот манифест считается «первой декларацией женских прав» в истории Кореи [8, с. 190]. 11 октября 1898 года, спустя более месяца после образования «Общества содействия», правительству был направлен меморандум [5, с. 8], призывающий предоставить женщинам право получать образование наравне с мужчинами. Представительницы «Общества содействия» надеялись, что император ознакомится с меморандумом, и Корея станет одной из первых стран в Азии, которая сделает образование для женщин доступным. Тем не менее, план по созданию женской школы был отклонен на заседании корейского правительства в январе 1900 года [5, с. 10]. В качестве официальной причины отказа называлась нехватка финансирования, однако корейские женщины понимали, что конфуцианско-патриархальное общество еще не было готово к серьезным переменам.

Тем не менее, спустя несколько лет на средства, собранные женскими организациями, была создана первая женская школа, где обучались будущие женщины-лидеры национально-освободительного движения. Для женщин из разных социальных групп открылась возможность получить начальное образование, обучаться грамоте. Благодаря этому, впоследствии корейские женщины смогли принять участие в различных политических движениях наряду с мужчинами. Они активно боролись против японского колониального режима, занимались просветительской деятельностью. Самым важным и самым крупным движением сопротивления против японского колониализма было «Движение за независимость», организованное 1 марта 1919 года, в котором женщины присоединились к мужчинам в борьбе против общего врага. В восстании против японского колониализма участвовало около 10 тыс. женщин по всей Корее, из которых 587 были арестованы и 129 осуждены [1, с. 109]. Во время Первоапрельского движения многие демонстрации были проведены студентками из университета Ихва. Деятельность женского студенческого движения не ограничилась Кореей: наряду с западными организациями, выступавшими за эмансипацию женщин, они направили петицию на Парижскую мирную конференцию 1919 года с призывом к справедливости, к достижению гендерного равенства, а также выступили за независимость Корейского полуострова

[3, с. 48]. В апреле 1919 г. на волне Первоапрельского движения, женщины основали «**Общество женщин-патриоток Кореи**» («Дэханэгукбуинхве», кор. 대한애국부인회) во главе с Ким Марией [2, с. 270]. Базируясь в Пхеньяне, организация создала филиалы в разных частях страны и уже через год насчитывала около 2000 членов [12, с. 66]. Первоапрельские события изменили жизнь корейских женщин и послужили отправной точкой в дальнейшем развитии национального женского движения. Корейские женщины обрели уверенность в себе, а также заслужили уважение и признание со стороны мужчин; теперь женщины воспринимались как люди, способные внести вклад в развитие общества и корейской нации. Еще больше корейских женщин стремились получить начальное образование, а некоторые даже уезжали учиться за границу. Одним из главных последствий Первоапрельского движения стало то, что оно привело к улучшению социального и экономического положения женщин в Корее в последующее десятилетие.

Благодаря деятельности американских миссионеров на Корейском полуострове, в 1922 году образовалось корейское крыло «**Христианской ассоциации молодых девушек**» («Дэханёджакидоккёчхоннёнхваёнхвапхва», кор. 대한여자기독교청년회연합회) [11, с. 1146]. Христианство особенно повлияло на корейских женщин: оно предоставило возможности, которые ранее были для них недоступны. Посещение церкви и чтение Библии стало для них шансом покинуть дом, стать грамотными и образованными, узнать о внешнем мире, взаимодействовать с людьми за пределами семейного круга и, наконец, участвовать в общественной жизни страны [3, с. 42]. Несмотря на то, что на Западе христианство считается патриархальной религией, некоторые корейские женщины нашли в ней успокоение, ведь мужчины и женщины были равны перед Богом [9, с. 386]. Вначале ассоциация была сосредоточена на организации образовательных встреч для женщин: проведении лекций, изучении Библии и занятиях в вечерних школах. С течением времени ассоциация постепенно расширялась и проводила кампании по искоренению неграмотности и отмене ранних браков и проституции, выступала за поддержку потребления корейских продуктов и воздержанию от употребления алкоголя и курения. Деятельность ассоциации стала своего рода примером для последующих организаций христианского толка, возникших после освобождения Кореи и умело сочетавших в себе как религиозные, так и социально-политические задачи [2, с. 273].

После начала промышленного переворота в Корее (1911 г.) многие японские текстильные компании перебрались на Корейский полуостров,

эксплуатируя дешевый женский труд в производстве тканей. Женское движение обратило особое внимание на ужасающие условия труда. Были созданы социалистические группы, такие как **«Содружество женщин Чосона»** («Джосонёсонъдонъухве», кор. **조선여성동우회**, 1924) и женские профсоюзы, они откликнулись на бедственное положение трудящихся женщин и начали организовывать частые забастовки, выступая против низкой заработной платы, тяжелых условий труда и сексуальных домогательств со стороны высокопоставленных лиц [8, с. 183]. В этот период также было образовано общество **«Содружество Мугунхва»** (прим. Мугунхва, или цветок гибискуса — это государственный символ Республики Корея) («Гынухве», кор. **근우회**, 1927), которое на тот момент являлось самой большой и самой влиятельной женской социалистической группой [4, с. 183]. Представители данного общества ставили перед собой цель добиться социально-экономической независимости женщин и продолжить воспитание женского движения уже не только в кругах христианских школ, но и путем организации общественных собраний, лекций и просветительских встреч. В обществе был принят манифест, который заканчивался фразой: «В день, когда женщины станут независимыми, мир будет свободным!» [7, с. 199] Положения манифеста включали в себя требования о ликвидации феодальных обычаев и предрассудков в отношении женщин, запрет ранних браков, проституции, продажи женщин, дискриминации в оплате труда, введение оплачиваемого отпуска по беременности и запрет опасного ночного труда для женщин. В обновленной версии манифеста в 1929 г. появились еще более прогрессивные требования: право развода, свобода слова, печати и собраний, создание медицинских учреждений и детских садов для рабочих и крестьян [7, с. 199]. «Содружество Мугунхва» было распущено в 1933 году после арестов его основных членов и возникновения внутренних идеологических разногласий.

Главной целью женского корейского движения первой половины XX века стало объединение молодых женщин в единый фронт для пересмотра ряда законов и изменения роли женщины в историческом контексте патриархальной Кореи. Однако в 30-х годах XX века японское колониальное правление стало ещё сильнее подавлять все националистические движения внутри страны, вынуждая любые корейские организации, группы и движения сворачивать свою деятельность вплоть до 1945 года, когда Корейский полуостров освободился от колониальной зависимости. Несмотря на это, за годы японской оккупации в Корее были заложены основы женского политического лидер-

ства, что стало совершенно новым явлением в корейской политической культуре. Первая половина XX в. стала в Корее периодом возрастания социальной активности женщин в различных сферах общественной жизни — политической, культурной и экономической. Появление женских журналов и различных общественно-политических организаций, становление и развитие государственного женского образования наряду с частным — все это способствовало формированию новой социальной идентичности корейских женщин как активных и равных мужчинам членов общества.

Список литературы

1. Ким Н. Н., Хохлова Е. А. Эволюция социального положения женщин в Корее: от традиционного общества к современному // Восток. 2017. № 3. С. 106–122.
2. Ким Н. Н. Эволюция женского общественного движения в Республике Корея // КНДР И РК 70 ЛЕТ. 2018. С. 263–276.
3. Bonnie B. Oh. From Three Obediences to Patriotism and Nationalism: Women's Status in Korea Up to 1945 // Korea Journal. Vol. 22. 1982. № 7. P. 37–55.
4. Broadbent Jeffrey, Brockman Vicky. East Asian Social Movements: Power, Protest, and Change in a Dynamic Region. N.Y.: Springer, 2011. 509 p.
5. Choi Sookkyung. Formation of Women's Movements in Korea: from the Enlightenment Period to 1910 // Korea Journal. Vol. 25. 1985. № 1. P. 4–15.
6. Katrina Maynes. Korean Perceptions of Chastity, Gender Roles, and Libido; F, Gender Roles, and Libido; From Kisaengs to the Twenty First Century // Grand Valley Journal of History Vol. 1. 2012. Article 2. P. 1–19.
7. Kenneth M. Wells. The Price of Legitimacy: Women and the Kunuhoe Movement, 1927–1931 // Colonial Modernity in Korea. Ed. By Giwook Shin and Michael Robinson. Cambridge: Harvard University Press, 1999. P. 191–221.
8. Kim Seung Kyung, Kim Kyunghee. Mapping a Hundred Years of Activism: Women's Movements in Korea // Women's Movements in Asia: Feminisms and Transnational Activism. N.Y.: Routledge, 2010. P. 189–206.
9. Kwon Insook. 'The New Women's Movement' in 1920s Korea: Rethinking the Relationship Between Imperialism and Women // Gender History. Vol. 10, 1998. № 3. P. 381–405.
10. Lee Bae Yong. Women In Korean History. Seoul: Ewha Womans University Press, 2008. 319 p.
11. Marian Lief Palley. Women's Status in South Korea: Tradition and Change // Asian Survey. Vol. 30. 1990. № 12. P. 1136–1153.
12. Michael. J. Seth. A History of Korea From Antiquity to the Present. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010. 552 p.

Краенский С. В.
svkraenskiy@edu.hse.ru
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ЯПОНСКИЙ СЛЕД В КОРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ: КОЛОНИЗАЦИЯ КОРЕИ 1910–1937 ГГ.

Аннотация: В работе анализируются нововведения Японии в экономике, образовании и законодательстве за время колонизации Кореи и приводятся примеры и причины, по которым эти реформы были восприняты отрицательно жителями Корейского полуострова.

Ключевые слова: Оккупация, колонизация, колониальные власти, Япония, Корея.

Keywords: Occupation, colonization, colonial rule, Japan, Korea.

Начало XX в. — это время, когда Корея постепенно теряет государственную независимость, а 22 августа 1910 г. входит в состав Японской империи в качестве генерал-губернаторства. Особенность последнего заключается в том, что высшую должность генерал-губернатора занимают военные или отставные военные. С момента потери независимости на полуострове начинаются преобразования, которым еще не было аналогов в корейской истории. Данная работа нацелена на выявление нововведений в культуре и экономике Кореи под властью Японии, которые не всегда носили однозначный характер. Анализ работы современника тех событий, американского профессора университета Южной Калифорнии, историка Кларенса Восбурга Гиллиланда (Clarence Vosburgh Gilliland (1885–1950)), и сравнение с данными из работ российских исследователей, представляет интерес для изучения проблемы колониального прошлого Кореи. Важно отметить, что информации о Кларенсе Восбурге Гиллиланде крайне мало, но известно, что он не был в Корее, которой посвящена его работа. Выбор данной статьи обоснован и тем, что работа Гиллиланда, несмотря на свои любопытные данные, осталась незамеченной в научном сообществе, хотя на момент публикации проблема оккупации Кореи была актуальной, и многие исследователи посвящали ей свои труды.

Период с 1910 по 1919 гг. — время военного правления, когда новыми властями активно проводилась политика ассимиляции местного населения и насаждения японской культуры и японского образа жизни. Сопровождалось это внедрением суровой дисциплины и постоянного контроля над жителями полуострова. Однако необходимо выяснить, было ли это действительно временем жестких репрессий, направленных против корейского народа. В своей работе Кларенс Гиллиланд приводит несколько примеров положительного влияния японской оккупации. Среди них он выделяет: развитие транспортной инфраструктуры, увеличение посевных площадей и соответственно увеличение урожая, озеленение земель, улучшение системы образования и строительство новых школ [7, с. 52]. Немаловажным является «... введение новой монетарной системы, основанной на золотом стандарте» [7, с. 53] наравне с созданием «судов, заслуживающих доверия» [7, с. 53]. На первый взгляд, все приведенные нововведения выглядят гуманными и цивилизованными, но на деле, большинство из вышеперечисленного было реализовано совсем иначе, а именно с активным использованием репрессивного аппарата, и подобная двойственность колониальной политики четко отражена в работе Гиллиланда.

Стоит рассмотреть земельный вопрос. Действительно под японским управлением количество посевных площадей увеличивалось на 15 процентов в год [7, с. 52]. Однако с установлением колониальной администрации все бывшие королевские земли, земли храмов и муниципалитетов были конфискованы и подлежали распределению, но отдавались они в аренду или вовсе продавались исключительно японцам [7, с. 54]. Как отмечает известный кореевед-историк Курбанов С. О., конфискации так же подлежали земли «... владельцы которых не могли подтвердить права владения документально...» [3, с. 257], а таких было подавляющее большинство. Ко всему прочему японские землевладельцы, перекрывая доступ к ирригационным системам, вынуждали корейцев продавать свое аграрное имущество японским поселенцам по очень низким ценам [7, с. 54]. Один из знаменитых корееведов Тихонов В. М. замечает, что «... абсолютное большинство корейских крестьян было вынуждено частично (около миллиона дворов) или полностью (также около миллиона дворов) арендовать земли средних и крупных землевладельцев» [6, с. 77], которые зачастую принадлежали японцам.

Бесспорно, усилиями японских властей была «... более чем в два раза...» [6, с. 78] увеличена железнодорожная сеть в период с 1907

по 1919 гг., которая позволила в будущем сформировать единый общенациональный рынок и способствовала ликвидации региональной замкнутости [6, с. 78], но строилось это все для превращения Кореи в точку сбыта японской промышленной продукции и для более эффективного вывоза необходимых товаров и ресурсов, к примеру риса, из нее, и, как подчеркивает Тихонов В. М., «...за строительство инфраструктуры платили, в конечном счете, корейцы...» [6, с. 79]. Стоит отдать должное японским властям, они действительно, обладая большинством земельных и природных ресурсов Кореи, «...ускорили развитие добывающей промышленности, энергетики, транспорта, средств связи и т. п.» [1, с. 281]. Но опять же, предполагалось, что все это будет служить как «...основной стратегический тыл...» [1, с. 281] для дальнейшей японской военной экспансии на материке.

Однозначно, за колониальный период в Корее увеличилось количество школ, и система образования была приведена к японским стандартам тех лет: Гиллиланд замечает, что появились «...обычные школы, старшая школа, коммерческие, индустриальные, агрокультурные и медицинские школы» [7, с. 52]. Однако, как упоминает Курбанов С. О., активно пропагандировалось «...искоренение или по меньшей мере игнорирование корейской культуры» [3, с. 257]. Происходило навязывание японской интерпретации истории Кореи, которая должна была оправдать ее порабощение. Например, в учебниках по истории можно было найти утверждения о подношении дани представителями Пэкче и Силла императорскому двору Ямато [5, с. 4], что должно было показать вассальную зависимость Кореи и обосновать право Японии на колонизацию полуострова. Сам Кларенс Гиллиланд подчеркивает, что корейские студенты были лишены права изучать продвинутые курсы или отправляться на обучение за границу в отличие от японцев [7, с. 54]. Более того, из системы образования было исключено изучение корейского языка, и предметы преподавались на японском языке.

Если рассматривать реформу судебной системы, то она предполагала справедливое разрешение возникающих конфликтов, но в реальности приговоры в отношении корейцев могли выноситься без каких-либо веских доказательств. Корейское население в ряде случаев оказывалось в позиции незащищенности даже со стороны закона. Здесь особое внимание стоит уделить полиции и институту жандармов. Приказ 1912 г. давал неограниченную свободу полиции в вынесении

наказания вплоть до пыток и физической расправы над подозреваемыми [6, с. 72]. Также была создана изошренная система по «...расколу и разобщению патриотических организаций...» [2, с. 106], главной целью которой являлось недопущение развития движения за независимость. основополагающими методами поддержания власти являлись «...сыск и террор...» [4, с. 165]. Что интересно, чуть больше половины стражей правопорядка было набрано из местного населения, и это не позволяет в полной мере переложить ответственность за полицейский беспредел на плечи колонизаторов.

Поворотным моментом стало движение Первого Марта в 1919 г. и его жесточайшее подавление, которое, как выразился Гиллиланд, «на самом деле повергло в шок весь цивилизованный мир» [7, с. 56], который, к слову, не осуждал захват Кореи Японией, но был против жестких методов подавления корейского народа. Расправы над протестующими и преследования всех причастных к выступлениям, когда истреблялись целые деревни при наличии подозрений в сокрытии там бунтовщиков, обнажили истинный характер существующего режима. Тем не менее, выступления вынудили Японию, начиная с 1919 г. отвергнуть идею «военного правления» и сделать ставку на смягченную политику по отношению к корейцам. К сожалению, в конце работы Кларенс Гиллиланд кратко упоминает подавления Первомартовского движения и задается риторическим вопросом относительно дальнейшей колониальной политики Японии: «Будет ли Япония мудрой и извлечет ли она свой урок?» [7, с. 57]. Из работ уже современных исследователей известно, что в соответствии с новой колониальной политикой, часть администрации могла быть набрана из числа местного населения, были разрешены выборные органы самоуправления и понижена цензура в СМИ, но параллельно с этим «...японцы расширили репрессивный аппарат» [3, с. 263]. Также были ликвидированы «...унизительные телесные наказания для корейцев» [6, с. 98]. С другой стороны, спонсирование полиции и ее общая численность были увеличены. В системе образования тоже произошли изменения, наиболее важным из которых является возврат изучения корейского языка. Колониальные власти не могли отказаться от политики ассимиляции, и стали проводить ее в более медленном темпе и поэтапно, соответственно, «...большинство предметов корейским детям по-прежнему преподавалось на японском языке» [6, с. 99]. Заметим, что процент корейцев, посещающих школы или университеты, оставался на низком уровне: «...к 1925 г.

только 15% корейских детей школьного возраста ходило в школы» [6, с. 99], а если говорить об университетах, к примеру, об открывшемся в 1924 г. японском государственном университете, то «...обычно процент корейских студентов там был не более 25–35%» [6, с. 99]. В отличие от периода до 1919 г. корейцам было разрешено основывать свои компании, но меры по стимуляции развития в этой сфере не проводились.

Новый виток ужесточения контроля выпадает на период начиная с 1937 г., когда пресекались любые движения за независимость, вновь повысилась цензура СМИ и корейская самобытная культура вновь оказалась под тяжелым ударом японского империализма. Связано это прежде всего с началом боевых действий в Маньчжурии. Япония нуждалась в надежном тыле, которым являлась Корея. Пропорционально усилению репрессий развивались патриотические движения, и борьба за независимость перешла в фазу партизанского сопротивления.

Резюмируя, работа Гиллиланда наглядно показывает, что реформы, проводимые оккупационными силами, были действительно важными для развития Кореи, однако практически каждое нововведение или изменение имело темную сторону. Отдавая приоритет японским интересам, ущемлялись интересы и права местных жителей полуострова. Более того, многое, привнесенное в Корею хоть и повлияло на постколониальное развитие Северной и Южной Корей, изначально многое строилось и эксплуатировалось для поддержания военной мощи метрополии. Тем не менее, в настоящей работе представлены далеко не все изменения, которые произошли за колониальный период на полуострове. Более углубленное исследование специфики развития отдельно взятых регионов во время колониальной зависимости позволит более точно оценить особенности экономического и политического развития обеих Корей в 1940–1970-е гг.

Список литературы

1. История Кореи (Новое прочтение) / Под ред. А. В. Торкунова и др. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 430.
2. Корейский полуостров в эпоху перемен / Отв. ред. А. З. Жебин. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2016. 416 с.

3. Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. С. 680.
4. Корея: десятилетие новых возможностей. Доклады, представленные на XV научной конференции корееведов России и стран СНГ (Москва, 24–25 марта 2011 г.). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2011. 280 с.
5. Суть и цель изменения японскими властями учебников истории. Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках, 2001. С. 24.
6. Тихонов В. М., Кан Мангиль, История Кореи: в 2 т. Т. 2 Двадцатый век / Корея: 1905–1945 гг. (В. М Тихонов); Южная Корея 1945–1992 гг. (Кан Мангиль). М.: Наталис, 2011. 514 с.
7. Clarence Vosburgh Gilliland. Japan and Korea since 1910// Annual Publication of the Historical Society of Southern California. 1920. Vol. 11(3), pp. 47–57.

Маслов М. М.
maslov.maximmaslov04112001@yandex.ru
Санкт-Петербургский государственный университет

ИСТОКИ АГРЕССИВНОГО ЭКСПАНСИОНИЗМА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Аннотация: В статье анализируются процессы и явления, послужившие истоками агрессивного внешнеполитического курса Японской империи в Восточной и Юго-Восточной Азии в конце XIX — первой половине XX вв.

Ключевые слова: внешнеполитическая агрессия, Японская империя, экспансионизм, Восточная Азия, Мэйдзи.

Keywords: foreign policy aggression, Empire of Japan, expansionism, East Asia, Meiji.

В конце XIX — первой половине XX вв. Япония явилась центром внешнеполитической агрессии в Азии. Подобные события в системе международных отношений не случаются беспричинно, поэтому необходимо изучить процессы и события, послужившие истоками японского экспансионизма.

Исторически внимание Японии было приковано к Восточной Азии. В ходе Имдинской войны (1592–1598 гг.) войсками Тоётоми Хидэёси была захвачена Корея, также в план входил захват Китая и Индии [9, с. 240–241]. В 70-е гг. XIX Япония присоединила королевство Рюкю в качестве 47-й префектуры Окинава [15, с. 45]. Также Окинава и Хоккайдо, чье присоединение началось в 1869 г., носили неофициальный статус колоний [19, с. 8–13]. Указанные события свидетельствуют, что у японского экспансионизма в конце XIX — начале XX веков были исторические и геополитические предпосылки.

Важно рассмотреть политическую систему Японской империи, начавшую формироваться в конце XIX века. Согласно Конституции Японии 1889 года, монарх мог в период парламентских каникул издавать указы, имеющие силу закона, без объяснений отклонить любой законопроект, одобренный парламентом. Кабинет министров не нес

ответственности перед парламентом [14, с. 40–42]. Правительство не формировалось в соответствии с расстановкой партийных сил [17, с. 197]. Существенное влияние на политический курс оказывали приближенные к императору органы, изначально имевшие рекомендательные функции. Тайный совет обладал широкими полномочиями, включая вопросы внешней политики: санкционировал императорские указы, был независим от правительства и парламента, выражал мнение при формировании правительства. Также существовал Совет старейшин, состоявший из пожизненно назначенных представителей императорской фамилии, бывших премьер-министров, бывших представителей юго-западных княжеств [14, с. 43]. Совет старейшин обладал «надправовыми» функциями, его решения всегда одобрялись императором и непременно выполнялись исполнительной властью [5, с. 254–255]. Природа указанных органов говорит об авторитарном политическом режиме, сложившемся к концу XIX века в Японии.

Значительное положение занимали военные, имевшие широкие полномочия. Военный и военно-морской министры, являвшиеся одновременно командующими армией и флотом, имели право обращения к монарху в обход премьер-министра. При конфликте военных министров с главой Кабинета первые могли подать в отставку, чем автоматически приводили к падению правительства [14, с. 43]. В 1928 г. в ответ на требования премьер-министра Японии наказать офицеров, виновных в убийстве ставленника в Маньчжурии Чжан Цзолиня, военные выразили отказ, сославшись на то, что армия подчиняется монарху (верховному главнокомандующему), не правительству [4, с. 314–315]. В начале XX века в Японии оформился «военно-бюрократический режим» с агрессивным внешнеполитическим курсом [14, с. 45].

Следующий аспект связан с системой международных отношений. В середине XIX в. западные державы вынудили Японию подписать неравноправные договоры, предоставлявшие иностранцам значительные преимущества. На протяжении второй половины XIX века лейтмотивом японской дипломатии являлся пересмотр навязанных договоров [13, с. 11–17]. С самого начала европейский экспансионизм заставлял Японию относиться к Западу враждебно [8, с. 55]. Агрессивная западная политика вызвала опасения у Японии, стремившейся заработать международный авторитет, но беспокоившейся за собственную безопасность. После Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в Японии обрела популярность идея паназиатизма, главной целью которой являлось искоренение западного колониализма из Азии.

Ведущая роль отводилась Японии, которая должна была создать «сферу процветания Великой Восточной Азии» [3, с. 38–39], блок стран Восточной Азии, свободных от западных держав. За фасадом благородной идеи скрывались империалистические амбиции по захвату соседних государств Восточной и Юго-Восточной Азии и созданию собственной сферы влияния. В 1940 г. в японском правительстве был представлен план по захвату Китая, стран Юго-Восточной Азии, Австралии, Новой Зеландии [13, с. 92]. В этом же году по Тройственному пакту Япония получила признание Германии и Италии в установлении господства в Восточной Азии [6, с. 63–64]. Япония переняла европейскую тактику экспансионизма и колониализма, чтобы самой не оказаться ее жертвой.

Японский экспансионизм во внешней политике был обусловлен экономическими вопросами. Несмотря на успехи модернизации Мэйдзи (1868–1912 гг.) страна продолжала отставать в финансовом секторе, имела пассивную внешнюю торговлю, низкое качество жизни большинства населения [11, с. 14]. Япония обладала малым количеством пахотных земель, минеральных ресурсов. Для решения проблемы Япония проводила операции по перекачиванию ресурсов из Кореи, Тайваня и Маньчжурии [20, с. 60]. В условиях строившегося индустриального общества отсутствие сырья препятствовало полноценному развитию отраслей производства. Единственным источником ресурсов оказались соседние малоразвитые государства, ставшие рынком сбыта японских товаров [4, с. 242]. Ввиду ограниченных условий, в которых находилась японская экономика в процессе модернизации, единственным способом ее поддержания явился захват ресурсообеспеченных стран.

Следующим аспектом является духовная сфера. В основу японской идеологии была положена концепция «*кокутай*» (国体 — тело нации), закреплявшая божественность императорского дома, общность монарха как первосвященника синто с японским народом, которая подчеркивала уникальность японской нации. В эпоху Мэйдзи (1868–1912 гг.) вводились государственные праздники: День основания империи, День рождения здравствующего императора [4, с. 34–35]. Данные мероприятия свидетельствовали о государственной программе формирования авторитета императора, определения японской нации как исключительной.

Религия в руках государства стала инструментом идеологической политики через «государственный синто». В 1868 г. был утверждён

принцип «единства ритуала и управления». С 1877 г. в компетенции министерства внутренних дел добавились вопросы синтоистских святилищ. В дальнейшем произошло сращивание синто с государственным аппаратом [4, с. 35–37].

Подобная идеологическая политика проводилась для создания централизованного государства. Российский японист А. Н. Мещеряков отмечал, до эпохи Мэйдзи японцы не ощущали себя единой нацией [10, с. 5]. Государственные шаги привели к качественным сдвигам: на рубеже XIX–XX вв. подданные Японии начали воспринимать себя подданными Японской империи [7, с. 59–60]. В период Мэйдзи появились новые национальные символы: государственный флаг с восходящим солнцем, гимн «*кими га ё*» (君が代 — правление императора), восклицание «*банзай*» (万歳 — десять тысяч лет), святилище Ясукуни, в котором поклонялись погибшим воинам. Национальную значимость все эти символы приобрели благодаря японской системе образования и пропаганды [18, с. 148–149]. Так, политика по консолидации японского общества осуществлялась на основе древних институтов и новых элементов, органично дополнивших предшествующие.

Дополнительному импульсу способствовали успехи японской внешней политики и дипломатии. Китайско-японская война (1894–1895 гг.) привела к падению авторитета Китая в Азии [1, с. 164]. Заключение Портсмутского мира (1905 г.) превратило Японию наравне с Англией в своеобразного сюзерена Восточной Азии [16, с. 101–104]. Благоприятным оказалось сотрудничество с державами Антанты. В 1902 г. Япония заключила союзный договор с Великобританией, в 1907, 1912 и 1916 гг. с Россией подписала соглашения о разделе сфер влияния на Дальнем Востоке [2, с. 59]. Решающим ударом оказался мировой экономический кризис (1929–1933 гг.). В начале 1930-х гг. в Японии импорт и экспорт сократились на 30% и 31% соответственно, число безработных увеличилось до 3 млн человек. Это привело к взрыву националистических настроений [11, с. 118–120]. На фоне экономического кризиса японское общество повернулось в сторону мэйдзийских идей — «сильная страна, сильная армия» [12, с. 82–83]. Резкое ухудшение социально-экономического положения населения, производственный спад спровоцировали усиление праворадикальных тенденций.

Закрытая политическая система с «декоративным» парламентом, большой ролью аристократических и военных кругов; стремление

Японии занять место среди мировых держав, перенятая у Запада политика колониализма; ограниченность ресурсов в условиях модернизации; идеологическая политика государства пропаганды культа монарха, превосходства японского народа; усиление националистических настроений в Японии. Дополнительными катализаторами послужили события империалистических завоеваний Японии, успехов дипломатии и внешние факторы, пагубно повлиявшие на империю. Все рассмотренные аспекты вместе создали основу для агрессивного экспансионизма во внешнеполитическом курсе Японии.

Список литературы

1. Бабенко О. В., Макито С. Китайско-японская война и рождение японского национализма // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. 2012. № 3. С. 163–168.
2. Базин О. А. Позиция Японии по поводу участия в Первой мировой войне // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 8. С. 58–62.
3. Бригадина К. А. Паназиатская политика в концепциях японских идеологов 30–40-х гг. XX в. // Уральское востоковедение. 2008. № 3. С. 38–43.
4. Жуков А. Е. История Японии. Т. II. 1868–1998. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. 703 с.
5. Кантур Р. А. Институт гэнро в системе органов государственнополитической власти Японии эпохи Мэйдзи // Ежегодник Японии. 2015. Т. 44. С. 253–262.
6. Кошкин А. А., Плотников А., Зиланов В., Пономарев С. Русские Курилы: История и Современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М.: Сампо, 1995. 179 с.
7. Крупянко М. И., Арешидзе Л. Г. Формирование патриотического самосознание японцев в начале XX в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. № 5. С. 47–60.
8. Крупянко М. И., Арешидзе Л. Г. Японский национализм. Идеология и политика. М.: Международные отношения, 2012. 416 с.
9. Крупянко М. И., Арешидзе Л. Г. Японский опыт участия в миропорядках прошлого: как японцам удавалось сохранять независимость и не становиться колонией Запада // Нестабильность геостратегического пространства в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока: актуальные проблемы. — 2019. № 1. С. 232–247.

10. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М: Автор, 2009. 950 с.
11. Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. История Японии. XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2007. 528 с.
12. Носов М. Г. США и начало японской агрессии в Китае: прелюдия Второй мировой войны // РАН (М). 2013. № 12. С. 81–98.
13. Панов А. Н., Саркисов К. О., Стрельцов Д. В. История внешней политики Японии 1869–2018 гг. М.: Международные отношения, 2019. 456 с.
14. Стрельцов Д. В. Политическая система современной Японии. М.: Аспект Пресс, 2013. 384 с.
15. Пустовойт Е. В. Деятельность японского правительства по преобразованию княжества Рюкю в префектуру Окинава в 70-х гг. XIX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 4. С. 44–49.
16. Сен Ир Ан. Русско-японская война и передел международной системы в Восточной Азии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 3. С. 85–106.
17. Тадагава С. Конституция Японии 1889 г. и «модернизация» страны // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 4. С. 193–199.
18. James L. H. Modern Japan: An Encyclopedia of History, Culture, and Nationalism. NY: Routledge, 2013. 352 p.
19. Michele M. Dominant narratives of colonial Hokkaido and imperial Japan: envisioning the periphery and the modern nation-state. NY: Palgrave Macmillan, 2012. 232 p.
20. Shigemitsu M. Japan and Her Destiny. My Struggle for Peace. NY: E. P. Dutton and Co., 1958. 401 p.

Нежибицкая О. Д.
odnezhbitskaya@edu.hse.ru
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

БОРЬБА ЗА ПРАВА АЙНУ КАК НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА В ЯПОНИИ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: В тексте рассматривается проблема признания и закрепления в законе прав айну как коренного народа Японского архипелага и история развития движения айну.

Ключевые слова: айну, национальное меньшинство, борьба за права, дискриминация.

Keywords: ainu, indigenous people, human rights, discrimination.

Айну — население северной части Японских островов — сохраняло автономность вплоть до периода Мэйдзи (1868–1912), когда Японская империя начала проводить политику расширения территорий и ассимиляции коренного народа. Актуальность темы обуславливается тем, что вопрос о правах айну как ущемленного национального меньшинства остается нерешенным и стороны не могут прийти к компромиссу. Айну продолжают борьбу за закрепление своих прав в законодательстве.

Целью доклада является выделение этапов развития движения айну.

Для этого были изучены научные труды, посвященные истории взаимоотношений айну и японцев, законы, принятые японским правительством с XIX в. в отношении национального меньшинства, законопроект и требования айну в 1984 году и в 2019 году.

Был использован метод классификации для выделения этапов развития движения айну в XX в. С помощью сравнительно-исторического метода были проанализированы условия жизни и права айну со второй половины XIX в. Также были изучены цели Ассоциации айну Хоккайдо, основанной в 1946 году, чтобы понять, какие проблемы волновали население северных островов в послевоенное время, и прослежена динамика изменения положений законов правительства.

В ходе изучения вопроса было выделено три этапа:

1) Во второй половине XIX в. и первой половине XX в. к айну применялась дискриминационная политика, которая вызывала недовольство среди коренного населения северных островов.

2) После Второй мировой войны айну предпринимали попытки улучшить условия жизни, однако не смогли добиться признания со стороны японской власти. Правительство не гарантировало айну права как отдельной нации.

3) После участия айну в заседании ООН в 1987 году началась работа по поддержанию и развитию культуры и языка айну, которая продолжается и сейчас.

Теперь рассмотрим каждый период подробнее.

Считается, что многие проблемы между айну и японцами берут начало из периода Мэйдзи. Во второй половине XIX в. полезные ресурсы (железная руда, уголь, золото, серебро) на Хоккайдо привлекли внимание правительства Японии, и начался этап заселения [2, с. 195–208].

Для исследования острова и строительства дорог приглашались иностранные специалисты из Европы и Америки. Хоккайдо заселялся самураями, подчинявшимися правительству, которые должны были расширить владения империи, подавить бунты айну и обезопасить территории от русских переселенцев.

В 1899 году был принят «Закон о защите бывших аборигенов Хоккайдо», в котором рассматривались вопросы территории, образования, медицины. Например, земли могли быть пожалованы для развития сельского хозяйства. Однако из-за географических особенностей местным жителям было невыгодно заниматься земледелием, они обеспечивали свое пропитание охотой и ловлей рыбы [4, с. 38–42].

С. Ч. Лим выделяет несколько периодов ассимиляционной политики:

— В начале периода Мэйдзи предпринимались поверхностные меры для поддержания населения, так называемое «заботливое воспитание». Например, оказывалась некоторая финансовая поддержка населению, задействованному в рыбном промысле и земледелии.

— Японское правительство опасалось влияния на айну со стороны Российской империи, которая к тому времени уже начала осваивать остров Сахалин, поэтому были введены запреты на охоту, рыболовство, традиционные обряды. Также ограничивалось использование айнского языка.

Эти действия предпринимались с целью подавления национального самосознания айну, однако дали обратный эффект — развитие

националистического движения. В 1946 г. была создана первая организация айну — Айнская Ассоциация Хоккайдо (北海道ウタリ協会, Hokkaidō Utari Kyōkai). Она ставила перед собой несколько целей: сохранить земли, которые были даны айну для земледелия, даже если сельское хозяйство на них не развивалось; вернуть территории в Ниикаппу и в Асихикава на Хоккайдо.

Ассоциация выступила за отмену «Закона о защите бывших аборигенов Хоккайдо», так как он затрагивал лишь часть проблем, волновавших айну. В 1984 году организация предложила свой вариант законопроекта [7]. Во введении акцентировалось внимание на признании айну как коренного народа. Основные пункты документа приведены ниже:

1. Искоренение дискриминации против айну;
2. Предоставление представителям мест в органах местного и государственного управления и создание органов власти, которые бы занимались делами айну;
3. Меры для развития образования и изучения айну;
4. Развитие рыболовства, лесоводства, торговли и производства среди айну;
5. Создание денежного фонда, который бы принадлежал именно айну;

Законопроект был принят к рассмотрению, но айну предстоял ещё долгий путь. В 1986 году премьер-министр Накасонэ Ясухиро (1918–2019) [6] выразил идею, что Япония — страна, в которой проживает моноэтническое население. Другими словами, существование айну как национального меньшинства всё ещё не признавалось.

Ситуация сдвинулась с мертвой точки после того, как в 1987 году представители айну приняли участие в пятом заседании ООН в Женеве как ущемляемое в правах национальное меньшинство.

В 1997 году парламент принял «Новый закон о правах айну» [7], аннулировав «Закон о защите бывших аборигенов Хоккайдо». В его основе лежали следующие тезисы:

1. Стимулирование проектов по изучению айну;
2. Распространение языка и культуры айну;
3. Углубление понимания между японцами и айну.

При претворении закона в жизнь возникло несколько проблем. Первая — ограниченное понимание «культуры айну» (лишь музыка, танцы и ремесленные изделия). Кроме того, оставался открытым вопрос признания статуса айну как национального меньшинства.

Закон вызвал разную реакцию. Кто-то, как Цунэмото Тэруки, директор Исследовательского центра по изучению айну и других коренных народов, поддержал его. Другие, как Дуду Дьен, специальный докладчик ООН [1], считали закон бесполезным, так как он охватывал лишь малую часть проблемы.

Ещё в 2006 году японское правительство придерживалось позиции, что айну как аборигены не могут иметь такие же права, что и японцы, однако уже в 2007 году под влиянием мирового сообщества оно поддержало Декларацию ООН о правах коренных народов и приняло резолюцию о признании айну коренными жителями Хоккайдо и Хонсю в 2008 году.

В 2009 году был предложен проект [5] для дальнейшего развития политики в отношении айну. Были приведены следующие меры для улучшения жизни айну:

1. Углубление осознания различия между айну и японцами и уважение айну как коренного населения;

2. Развитие культуры за счет создания мемориалов, развития бизнеса и туризма и выделения стипендий, развития инфраструктуры.

15 февраля 2019 году был принят новый законопроект — «Постановление о продвижении мер по созданию общества, в котором уважается гордость народа айну», на который население отреагировало по-разному. Среди айну и людей, поддерживающих их, было много несогласных. 1 марта состоялась пресс-конференция, на которой представители организаций айну (Симидзу Юдзи, Хатакэяма Сатоси, Маруяма Хитоси и Итикава Морихиро) выступили с критикой законопроекта [3].

Среди основных проблем документа были следующие тезисы:

1. Закон принимался без учета мнения айну;
2. Закон является переработанной версией предыдущего закона;
3. В законопроекте не представлены конкретные меры для достижения целей.

Критикуя, айну выдвинули свои предложения:

1. Обеспечение возможности айну участвовать в обсуждениях закона перед принятием;
2. Признание коренным народов айну Курил и Южного Сахалина;
3. Извинения от правительства за политику, проводимую ранее;
4. Создание независимого совещательно-консультативного органа по делам айну и закрепление прав айну в Конституции и других законах.

Таким образом, новый закон не удовлетворяет требования национального меньшинства. Проблема признания прав айну всё ещё требует решения. На пресс-конференции в 2019 году айну стремились показать свое несогласие с документом, тем самым подтолкнув правительство к дальнейшей работе.

Заключение

Движение за права айну уходит корнями в середину XIX в., когда местное население северных островов столкнулось с жестокой колониальной политикой со стороны Японии. В отношении айну устанавливались запреты, которые теснили население на север Хоккайдо, лишали земли и запрещали охоту и рыболовство. Из-за неразрешенных территориальных конфликтов между Японией и Россией айну были вынуждены переезжать и пытаться приспособиться к новым условиям жизни, что вело к большой смертности.

В конце XIX — начале XX вв. развивались националистические настроения и была создана первая организация по защите прав айну. В первые десятилетия с ее основания были предприняты попытки улучшить условия жизни айну. Несмотря на это, серьезные изменения произошли уже после привлечения внимания мирового сообщества к данной проблеме.

Было предпринято много шагов, направленных на развитие культуры, языка айну, повышения уровня жизни среди национального меньшинства, однако правительству Японии и представителям айну всё ещё не удалось прийти к компромиссу, который бы устраивал обе стороны. В пресс-конференции айну потребовали от японских властей принести извинения за причиненный ранее вред, однако требование осталось без ответа.

Согласно опросу 2017 года на Хоккайдо проживает около 13 тысяч айну, на 11 тысяч меньше, чем в 2006 году. Столь резкое уменьшение численности можно объяснить стремлением айну скрыть свою национальную принадлежность и раствориться в японском обществе. В свою очередь, это вызвано нежеланием подвергнуться дискриминации на работе или в учебе. Несмотря на то, что проблема остается нерешенной, можно заметить положительные изменения политики в отношении айну. На пресс-конференции 2019 года айну высказали надежду, что правительство пересмотрит законопроект и учтет желания национального меньшинства.

Список литературы

1. Дуду Дьен. Доклад, представленный Специальным докладчиком по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. М.: Информационный центр ООН, 2008.
2. Левковская А. Ю. История народа айну и их современное положение // Вестник Сахалинского музея. 2010. № 17(1). С. 195–208.
3. Пресс-конференция: «Неужели айнов в Японии, наконец-то, признают?». URL: <http://ihaefe.org/files/news/2019/12-03/press-conf-rus.pdf> (дата обращения: 22.07.2020).
4. Чекункова Е. С. Влияние политики Мэйдзи на жизнь коренного населения острова Хоккайдо // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2018. № 5. С. 38–42.
5. Final Report. Advisory Council for Future Ainu Policy, July 2009. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/ainu/pdf/090629report_e.pdf (дата обращения: 19.07.2020).
6. Nakasone Puts Foot In Melting Pot // Chicago Tribune. September 28, 1986. URL: http://articles.chicagotribune.com/1986-09-28/news/8603120570_1_prime-minister-yasuhiro-nakasone-puerto-ricansjapan-doesn-t (дата обращения: 30.07.2020).
7. Scott H. (2008). The Indigenous Ainu of Japan and the “Northern Territories” Dispute. URL: https://uwspace.uwaterloo.ca/bitstream/handle/10012/2765/Scott%20Harrison_GSO_Thesis.pdf;jsessionid=6DB62BA149261E75B4243DA6CD0001A9?sequence=1 (дата обращения: 19.07.2020).

Николаева Т. Д.

tatianikolaeva@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университе

**ПРИДАНОЕ НЕВЕСТЫ В БЫТОВОМ КОНТЕКСТЕ
ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ
(ЮЖНАЯ МЕСОПОТАМИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2 тыс. до н. э.)**

Аннотация: В статье анализируются старовавилонские клинописные тексты (брачные контракты и модельные письма), содержащие описание приданого невесты, в контексте повседневной жизни городской семьи в Южной Месопотамии в первой половине 2-го тыс. до н. э.

Ключевые слова: Южная Месопотамия, городская семья, клинописные тексты, приданое, болотные арабы.

Keywords: Southern Mesopotamia, urban family, cuneiform texts, dowry, marsh arabs.

Предметом исследования является изучение бытового контекста повседневной жизни обычной городской семьи, из числа тех, которые жили в городах Южной Месопотамии в первой половине 2 тыс. до н. э. (так называемый старовавилонский период, далее стВ). Источниками для такого исследования являются данные археологических раскопок, проводившихся в этих городах, и свидетельства найденных там клинописных документов. В качестве сопоставительного этнографического материала были использованы сведения о быте болотных арабов, современного населения южного Ирака.

В стВ период в Южной Месопотамии как сыновья, так и дочери имели право на долю в имуществе своего отца. Доля дочери, как правило, выделялась ее отцом или другим старшим родственником не после смерти владельца имущества, как обычно бывает при разделе наследства, а когда дочь покидала дом отца, т. е. при вступлении в брак или же посвящении в жреческий сан. Наиболее распространенной формой предоставления дочери ее доли в семейном имуществе было приданое [12, с. 397–398]. Отличительной чертой приданого являлось то, что оно достаточно часто не выделялось девушке из уже имеющегося в доме отца имущества, а покупалось, причем как на деньги семьи

невесты, так и семьи жениха. Связано это, вероятно, было с тем, что главной задачей приданого было помочь девушке обустроить свое хозяйство на новом месте [7, с. 105–106]. Состав приданого мог очень сильно варьироваться в зависимости от финансовых возможностей семьи невесты.

В стВ период законодательство регулировало только права девушек, посвященных в жрицы, на их долю в семейном имуществе, предоставление же приданого дочерям при вступлении в брак государством не контролировалось [12, с. 397–398]. Тем не менее сохранилось множество документов, описывающих порой достаточно богатое приданое [1, с. 101–102; 3, с. 57–60]. Связано это, вероятно, с тем, что в стВ период существовала устоявшаяся социальная норма, и вопрос предоставления приданого и его состава решался между семьями жениха и невесты.

Приданое, как правило, включало предметы быта, необходимые для повседневной жизни. Таким образом, при его изучении можно частично воссоздать черты домашней обстановки нуклеарной семьи (малой семьи, включающей мужа, жену и неженатых детей) в стВ период. Это особенно ценно потому, что тростниковые и деревянные предметы домашней обстановки не сохранились в климатических условиях Южной Месопотамии [2, с. 113].

Чтобы воссоздать возможный состав приданого, в ходе моего исследования был проанализирован ряд клинописных текстов стВ периода, в частности, три модельных письма (CUSAS 43 28, UET 5 42, AbV 9 9) и три брачных контракта (PBS 8/2 252, CT 48 50, CT 48 55).

Состав приданого, упомянутого в этих брачных контрактах и модельных письмах (model letters), явно отличается по ценности и количеству предметов. Условно состав приданого можно разделить на три категории: мебель, кухонную утварь и личные вещи. Примечательно, что приданое могло включать денежную сумму в серебре (см. CT 48 55).

Основываясь на этих документах, можно предположить, что практика предоставления приданого дочери при заключении брака была широко распространена во всех слоях населения в стВ период в Южной Месопотамии, несмотря на то, что она не нашла отражения в законодательных сборниках того времени. Сравнительно небольшое количество документов, в которых перечисляется приданое, свидетельствует скорее о том, что далеко не всегда передача приданого фиксировалась документально и в полном объеме [6, с. 505–506]. В договорах обычно перечисляли наиболее ценное имущество, которое

жена приносила в дом мужа: каменные зернотерки, мебель или личные рабы. Тростниковая же и глиняная кухонная утварь, которую, вероятно, получали большинство невест и которую до сих пор принято давать дочерям в качестве приданого среди болотных арабов южного Ирака [8, с. 129], просто не было принято фиксировать письменно.

Т а б л и ц а 1. Сопоставительная таблица приданого, упомянутого в брачных контрактах PBS 8/2 252, СТ 48 50, СТ 48 55 и приданого, упомянутого в модельных письмах CUSAS 43 28, AbB 9 9

Документы	Мебель	Кухонная утварь	Личные вещи и слуги	Серебро
PBS 8/2 252 , брачный контракт	1 кровать, 3 табурета	1 круглая корзина, наполненная 40 л «еды»	2 «плагья», 2 головных убора, 1 сосуд, наполненный 4 л масла	
СТ 48 50 , брачный контракт	2 кровати, 2 табурета, 1 стол	2 корзины, 1 корзина (емкостью) 1 бан (10 л), 1 зернотерка, 1 другая (зернотерка для) гороховой муки	1 пустой сосуд для масла	10 сиклей серебра (выплата <i>terḫatu</i> за невесту)
СТ 48 55 , брачный контракт	1 кровать, 2 табурета, 1 стол,	1 корзина	1 рабыня, 1 сосуд для масла емкостью 5 литров	
CUSAS 43 28 , модельное письмо	3 кровати из дерева <i>mēsum</i> , 4 табурета из дерева <i>mēsum</i> , 3 стола	15 ложек из дерева <i>mēsum</i> , 4 зажима из дерева <i>mēsum</i> ,	10 бронзовых «блюдов», 5 головных уборов.	
AbB 9 9 , модельное письмо			2 раба, 3 рабыни	

Таким образом, доступные нам немногочисленные клинописные документы, содержащие сведения об имуществе, которое получала девушка, выходя замуж, составлялись, вероятно, только в самых обес-

печенных городских семьях. Главной целью письменной фиксации состава приданого была защита прав на это имущество самой невесты в случае будущего развода или семьи невесты в случае смерти девушки [1, с 104–105].

Как было отмечено ранее, перечень приданого, помимо брачных договоров, упоминается в так называемых модельных письмах, т. е. письмах, которые составлялись в писцовых школах и служили своего рода учебными пособиями. В целом, приданое, упомянутое в модельных письмах, разобранных в данном исследовании, выглядит значительно богаче, чем приданое, указанное в брачных договорах. Связано это, вероятно, с тем, что модельные письма представляли собой теоретический список покупок, включающий предметы, которые могли входить в состав приданого в рассматриваемый период (первая половина 2 тыс. до н. э.), но крайне редко встречаются в настоящих брачных контрактах в таком количестве [5, с. 47]. Тем не менее, практически все предметы, упомянутые в проанализированных модельных письмах, находят свои аналоги и в брачных договорах.

Приданое, упомянутое в трех брачных контрактах, разобранных в моем исследовании, включает практически одинаковый набор предметов. В брачном контракте PBS 8/2 252 описано самое скромное приданое, которое включает кровать, 3 табурета, одежду и головные уборы, сосуд с маслом и корзину с едой. Брачные контракты СТ 48 50 и СТ 48 55 содержат такое же приданое (за исключением одежды, вероятно, она просто не была включена в опись). Помимо этого имущества, в состав одного приданого входила также зернотерка (СТ 48 50), а в составе другого упоминается рабыня (СТ 48 55).

На основании проанализированных писем и документов невозможно точно восстановить полный состав приданого, так как письменно фиксировались, как уже указывалось выше, только наиболее ценные предметы, входившие в него. Тем не менее на их основании можно сделать некоторые выводы о домашней обстановке и быте городской нуклеарной семьи Южной Месопотамии в начале 2 тыс. до н. э.

Состав приданого отражал материальное положение городской семьи, неразрывно связанное с ее социальным статусом. Родители передавали своей дочери часть семейного имущества в качестве приданого и на этом их формальные обязательства в ее отношении, по видимому, заканчивались. Приданое должно было не только упростить девушке организацию собственного быта в доме мужа, но и послужить

материальным фундаментом ее дальнейшей жизни. В какой-то степени, состав приданого также зависел и от условий, в которых предполагала жить молодая семья. Например, будут ли молодые жить в доме семьи мужа вместе с его родителями (дом со внутренним двором) и, как следствие, делить кухню и другие подсобные помещения с родителями, братьями и незамужними сестрами мужа [10, с. 231], или же отдельно в линейном доме, в котором ей придется организовывать свое собственное хозяйство [11, с. 53, 153]. Безусловно, первый вариант был более распространен. По этой причине приданое редко включало большое количество кухонной утвари, как правило, только корзины для хранения еды. Также следует учитывать, что большая часть дешевой кухонной утвари, особенно глиняной, просто не упоминалась в документах [2, с. 113]. Из проанализированных брачных контрактов только СТ 48 50 предполагает, что молодые могли поселиться отдельно, но все же вариант совместного проживания расширенной семьи в доме с внутренним двором более вероятен и для него. В целом, плотность городского населения в стВ период в Южной Месопотамии была достаточно высокой, поэтому совместное проживание расширенной семьи было распространено даже среди достаточно богатого населения [11, с. 123–124].

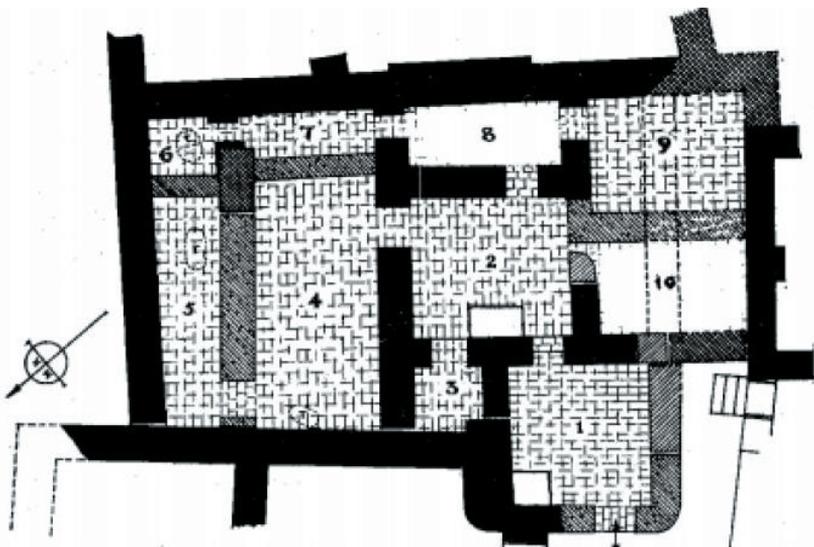

Рис. 1. План стВ дома со внутренним двором [13, с. 98, 113]

Когда сын женился, ему и молодой жене, как правило, выделялось отдельное помещение в доме родителей мужа, чтобы они могли вести свое относительно независимое хозяйство при наличии такой возможности [4, с. 2]. По этой причине все три брачных контракта включают мебель, необходимую для того, чтобы обустроить жилую комнату, в которой, вероятно, будут проживать молодые: кровать и табуреты, а также стол в случае более богатого приданого. Вероятно, приданое также могло включать различные тростниковые циновки, которые не указывались в контрактах. Судя по жилищам современных болотных арабов, эти предметы могли составлять основу домашней обстановки в стВ период [8, с. 4].

Также приданое включало личные вещи девушек, такие как одежда и масло для умощения, необходимые для повседневной жизни. Можно с определенной долей уверенности предположить, что даже если эти предметы не упомянуты в приданом, девушки должны были, по крайней мере забрать свои вещи из дома. Девушки из более богатых семей также могли получить в качестве приданого личных рабов (как правило, рабынь, которые должны были помогать им вести хозяйство и заботиться о детях) [9, с. 50, 55].

Основываясь на южномесопотамских документах начала 2 тыс. до н. э., свидетельствах археологии и данных этнографии о болотных арабах южного Ирака, можно заключить, что обустройство жилого помещения молодой семьи ложилось на семью невесты, и все необходимое для этого молодая жена приносила в новую семью в виде приданого.

Список литературы

1. Козырева Н. В. Спор из-за наследства жрицы из старовавилонского города Ларса Вестник Древней Истории. М., 1982 № 2. С. 101–106.
2. Козырева Н. В. Древняя Ларса (Очерки хозяйственной жизни). М., 1988.
3. Dalley S. Old Babylonian Dowries // Iraq, Vol. 42. No. 1 (Spring, 1980), pp. 53–74.
4. Gelb I. J. Household and Family in Early Mesopotamia // Lipinski E. (Ed.) State and Temple Economy in the Ancient Near East. Leuven, 1979.
5. George A. R., Spada G. Old Babylonian Texts in the Schøyen Collection; P. 2 School Letters, Model Contracts, and Related Texts // Cornell University Studies in Assyriology and Sumerology. Vol. 43. CDL Press, 2019.

6. Greengus S. The Old Babylonian Marriage Contract // *Journal of the American Oriental Society* Vol. 89. No. 3 (Jul. — Sep., 1969). P. 505–532.
7. Harrell S., Dickey S. A. Dowry Systems in Complex Societies // *Ethnology* Vol. 24. No. 2 (Apr., 1985). P. 105–120.
8. Ochsenschlager E. L. *Iraq's Marsh Arabs in the Garden of Eden*. Philadelphia, 2004.
9. Seri A. Domestic Female Slaves during the Old Babylonian Period // Culbertson, L (Ed.). *Slaves and Households in the Near East*. Chicago, 2010.
10. Stone E. Houses, Households and Neighborhoods in the Old Babylonian Period: the Role of Extended Families // Veenhof K. R. (Ed.) *Houses and Households in Ancient Mesopotamia*. Leiden, 1993. P. 229–235.
11. Van de Mierop M. *Society and Enterprise in Old Babylonian Ur*. Berlin, 1992.
12. Westbrook R. (ed.) *A history of ancient Near Eastern law*. Leiden, 2003.
13. Woolley C. L. and Mallowan M. *The Old Babylonian Period*. *Ur Excavations* Vol. 7. London, 1976.

Покусаева О. А.
pokusaeva.leya@mail.ru
Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД РФ

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО И ПРОБЛЕМА ТАИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В ТАИЛАНДЕ

Аннотация: В статье рассмотрен процесс нациестроительства в Королевстве Таиланд на примере трех наиболее многочисленных этнических меньшинств: тайландских китайцев, малайцев и лаосцев-исанцев; описан комплекс мер, принимаемых правительством для формирования национальной идентичности у населения.

Ключевые слова: национальные меньшинства, этногенез, таизация, национальная политика.

Keywords: Ethnic Minorities, Ethnogenesis, Thaification, National Policy.

Издавна Юго-Восточная Азия являлась плавильным котлом для многих культурных и религиозных традиций, носителями которых были представители различных этносов, народностей и племен, автохтонных или попавших в регион в результате миграции. Созданию национальных государств в регионе способствовало появление на Индокитайском полуострове европейских колонизаторов. Сиам, формально никогда не бывший колонией, также испытывал давление, оказавшись зажатым между колониальными владениями Франции и Великобритании. Для защиты национальных интересов государства необходимо было повысить уровень национального самосознания народа, и с этого периода начинается планомерное формирование тайской нации, одним из неотъемлемых элементов которого становится «таизация» («таификация») — процесс ассимиляции проживающих на территории Таиланда представителей различных этносов под влиянием культуры доминирующего титульного этноса — тайцев. В данной работе внимание будет уделяться таизации как инструменту национальной политики Таиланда, то есть официальному курсу, в соответствии с которым правительство стимулирует население приобретать подданство Королевства Таиланд, менять имена, фамилии и жить

в соответствии с культурными и религиозными традициями, характерными для тайского этноса.

Объектом данного исследования является комплекс мер, составляющих политику таизации, а предметом — инструменты реализации этой политики и ее влияние на внутривластительскую обстановку в стране.

Рассматривая нацию, не как естественное образование, но как социальный конструкт, исследователи неизбежно приходят к выводу, что в результате ее формирования часть населения страны, проживающая в пределах этнического ареала, будет исключена из «национального сообщества». Таким образом, для сплочения «одних» их необходимо противопоставить неким «другим, чужим». Характерная черта тайской этнической идентичности заключается в том, что четкого определения и конкретных ее признаков нет, зато легко определить, кто ею не обладает [3, с. 245]. Такая идентификация тайского национального самосознания «от обратного» приводит к тому, что национальная идея строится на поиске чужаков в рядах законных «господ» на тайландской земле. Размытость определения и вкладываемый в понятие глубокий патриотический посыл позволяет использовать идею тайской национальной идентичности не только как инструмент сплочения народа, но и для поддержания стабильности в государстве, в том числе стабильности правящего режима, посредством подавления оппозиционных движений. Таким образом, таизация становится удобным инструментом в руках власти предрержащих, которые могут направлять ее против любых неугодных, если удастся доказать, что они не чистокровные тайцы. А доказать это, часто, очень легко ввиду многонациональности государства.

К рубежу XIX–XX вв. политика таизации в сфере экономики выражалась в широком применении протекционистских мер. Однако протекционизм пресекал путь в Таиланд не только западному капиталу. Все большую роль в национальной экономике Таиланда начинает играть китайский капитал.

В период с 1880–1910 гг. в Сиам иммигрировало более 1 млн. китайцев [1, с. 2], при этом они составили большую часть всех предпринимательских и трудовых ресурсов в государстве в период быстрого капиталистического развития экономики. Монополизируя национальную экономику и попадая под влияние Гоминьдана и КПК, они представляли все большую угрозу абсолютной монархии династии Чакри.

Король Рама VI называет китайцев «евреями Востока» [2, с. 267], а генерал-майор Луанг Вичитватхакам, соратник Плека Пибунсонг-

крама и человек, внесший наибольший вклад в развитие концепции тайской национальной идентичности, считал китайцев главной угрозой для тайской нации, предлагая взять на вооружение опыт этнических чисток Третьего Рейха и применить его против китайского населения.

Для противостояния усилению китайской диаспоры государственной идеологии необходимо было придать националистический оттенок: основными ценностями для каждого тайца провозглашались почитание королей династии Чакри, исповедание буддизма тхеравады и защита тайской нации. Китайцам же пытались вменить комплекс неполноценности по отношению к титульной нации.

Политика дискриминации китайцев заключалась не только в протекционистских экономических мерах в отношении тайских предпринимателей. Давление, оказываемое на детей школьного возраста, является, лучшей инвестицией в будущее, если речь идет о формировании у населения конкретных поведенческих паттернов. Дети китайских иммигрантов вынуждены были всеми силами скрывать свои китайские имена и фамилии, акцент, традиции, родителей, если не хотели быть осмеянными [2, с. 271].

Единственным результатом продолжительного психологического давления на китайцев в Таиланде и последовательного ущемления их в правах на культурную автономию стало формирование особого субэтноса — лук-тинов. Их образ мысли и действия, равно как и ценности, остались китайскими, но при этом они присвоили себе некоторые атрибуты тайской идентичности, усвоили тайскую модель поведения и изучили психологию тайского народа. Они глубоко уважают короля, носят тайские имена и фамилии, но проявляя свой патриотизм в отношении Таиланда, они думают не о благе государства вообще, а о том, чтобы создать в этом государстве наиболее благоприятные для себя условия [2, с. 276].

Южные провинции Таиланда являются одной из самых горячих точек Юго-Восточной Азии, где мирное население по сей день гибнет в результате терактов и вооруженных столкновений между полицией и организациями, представляющими интересы местных мусульманских меньшинств. Поводом для недовольства населения является жесткая политика таизации, проводимая правительством в отношении национальных и религиозных меньшинств.

Почву для непрекращающихся конфликтов подготовили британские колонизаторы, заключив в 1909 г. договор с Сиамом, по которому

четыре провинции — бывшие малайские султанаты — перешли к Сиаму [1, с. 56]. Новая южная граница государства была проведена без учета этно-религиозной и культурной принадлежности региона, в результате чего подавляющее большинство населения там составили малайские мусульмане. Оказавшись в чуждой им языковой и культурной среде, в рамках буддийского государства, малайцы стремились сохранить свою культурную, религиозную и этническую идентичность вопреки политике таизации, проводимой Таиландом в отношении национальных меньшинств. Устойчивость конфликта между правительством и этническими меньшинствами мусульманского Юга во многом объясняется упрямым нежеланием сторон видеть, что они преследуют одну цель: благополучие населения. С той лишь разницей, что методы достижения этого благополучия продиктованы особенностями исторического и культурного развития. Бангкок навязывает малайцам-мусульманам интеграцию в тайское общество, тайское образование, язык и веру, чтобы развивать один из регионов единого государства, а не способствовать усилению провинций, которые однажды обретут достаточно ресурсов, чтобы объявить о своей независимости и отделиться от Таиланда. Таизация преследует цель создания прочных этнокультурных связей региона с центром, обеспечения территориальной целостности королевства, однако неумелая и непоследовательная реализация национальной политики вызывает отторжение со стороны местных мусульманских меньшинств, создавая угрозу не только территориальной целостности государства, но и безопасности мирных подданных, населяющих четыре южные провинции.

Чем больше ужесточалась политика таизации, тем решительнее становилась борьба за территориальное отделение, а возможность мирно ужиться с тайской властью представлялась все менее реалистичной. По сей день полумеры и уступки сепаратистам, наподобие предоставления автономии региону не рассматриваются правительством как конструктивные действия — слишком велик риск окончательной потери региона. Однако продолжать кровопролитие также недопустимо. Оптимальным решением видится продолжение курса на постепенное преодоление изолированности районов, вовлечение малайского населения в тайскую общественную жизнь, а главное, снижение влияния радикальных исламистских групп на общественное мнение местных жителей.

Концепция тайского превосходства над всеми прочими этносами, в соответствии с которой идеологи тайского национализма лелеяли

идеи пантаизма, подразумевает, что братский тайскому, лаосский, народ также является низшим и достойным, если не презрения, то снисходительного взгляда свысока. Лаосцы — народ, о котором тайцами, воспитанными в духе шовинистско-великодержавной идеологии, отпускаются уничижительные шуточки и комментарии, чья неполноценность, не имеющая никаких исторических подтверждений, тем не менее не подвергается сомнению среднестатистическим тайцем, — составляют около тридцати процентов населения Таиланда. Сегодня Исан (северо-восток Таиланда, граничит с Лаосом) — самый бедный регион Таиланда, где проживает около трети всего населения. Средняя зарплата на северо-востоке в двенадцать раз ниже, чем в Бангкоке, чем объясняется массовая трудовая миграция исанцев в столицу, где они занимаются теми видами работ, до которых не опускаются столичные тайцы. Таким образом пренебрежительное отношение к лаосцам северо-востока, как к обслуживающему персоналу или низшему сословию, входит в привычку у тайцев, воспитанных в духе великодержавного шовинизма.

Целенаправленная политика таизации в их отношении не проводилась, так как лаосцы, с точки зрения трех главных тайских ценностей, не нуждаются в планомерном «перевоспитании», поскольку так же, как и тайцы, исповедуют буддизм хинаяны. Единственным инструментом таизации, применяемым к ним, было и остается общественное мнение. Сегодня на противоположном берегу Меконга темпы развития Лаоса уже превосходят таиландские, и хотя какие-либо прогнозы на столь отдаленную перспективу делать рано, нельзя исключать вероятность того, что однажды Лаос, с которым так глубоки и крепки историко-культурные связи, станет более привлекательным для жителей Исана, чем Таиланд, где их презирают и осмеивают. Тогда вопрос о сепаратизме станет актуален и на северо-востоке, особенно принимая во внимание, возможно, не всегда озвучиваемые вслух, но существующие, территориальные претензии в отношении исконно лаосских земель на западном берегу Меконга. В таком случае пренебрежение политикой таизации в отношении этнически лаосского населения северо-запада страны окажется важным стратегическим просчетом таиландского правительства.

Целью политики таизации с момента ее разработки Рамой V и до наших дней является защита суверенитета, территориальной целостности и неделимости, а также сохранения культурных традиций Таиланда. Кроме того, таизация призвана обеспечивать стабильность

властному аппарату и политическому режиму. Основными инструментами таизации являются: пропаганда тайских ценностей («Нация, религия, король!»), распространение тайского языка и унификация письменности, введение обязательного тайского образования, отмена строки «национальность» в паспорте и замена ее на «подданство» (тайландское), психологическое давление на представителей этнических меньшинств с целью побуждения их к добровольному отказу от своей этнической принадлежности, в том числе посредством СМИ и художественных произведений, протекционистские меры в экономике, привилегии тайцам при трудоустройстве, вооруженное подавление этно-религиозных конфликтов и др. Однако в зависимости от ситуации вокруг каждого из этнических меньшинств, набор мер может варьироваться. Чрезмерно жесткие меры и откровенная дискриминация приводят к обострению конфликтов и росту напряженности в отношениях между национальными меньшинствами и правительством, а также представителями титульной нации. Тем не менее, проводимая последовательно, избегая рывков и перегибов, политика таизации положительно сказывается на внутривластной обстановке в королевстве, предотвращает сепаратистские настроения, сплачивает народ и укрепляет национальное самосознание.

Список литературы

1. Симонёнок А. В. Этнотерриториальные Конфликты в Современном Индокитае. URL: [<https://cyberleninka.ru/article/n/etnoterritorialnye-konflikty-v-sovremennom-indokitae>] (дата обращения: 25.04.2020)
2. Charles Keyes, G William Skinner and the Study of Chinese in Thailand. The Study of Thai Society. URL: [https://www.academia.edu/16415295/G_WILLIAM_SKINNER_AND_THE_STUDY_OF_CHINESE_IN_THAILAND_AND_THE_STUDY_OF_THAI_SOCIETY] (дата обращения: 30.04.2020)
3. Kasian Tejapira, The misbehaving jeks: The evolving regime of Thainess and Sino-Thai challenges. URL: [https://www.researchgate.net/publication/254212366_The_misbehaving_jeks_The_evolution_of_Thainess_and_Sino-Thai_challenges] (дата обращения: 17.04.2020)
4. Poowin Bunyavejchewin, Constructing the 'Red' Otherness: The Role and Implications of Thainess on Polarised Politics. URL: [https://www.researchgate.net/publication/49605200_Constructing_the_'Red'_Otherness_The_Role_and_Implications_of_Thainess_on_Polarised_Politics] (дата обращения: 20.04.2020)

Сёмочкина А. С.

adelya_semochkina@inbox.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

К ПРОБЛЕМЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛА ОБ УБИЙСТВЕ СУН ЦЗЯОЖЭНЯ (1882–1913)

Аннотация: Убийство Сун Цзяожэня (1882–1913)¹ — самое резонансное политическое убийство начала XX века в Китае. Причины убийства молодого человека, мотивы, а также личности лиц, стоявших за убийством, до сих пор остаются загадкой для историков. За всё время изучения данного вопроса ими было выдвинуто множество версий относительно «дела об убийстве Сун Цзяожэня», поэтому автор ставит перед собой цель исследовать существующие в научной литературе версии убийства Сун Цзяожэня.

Ключевые слова: убийство Сун Цзяожэня, Синьхайская революция, Гоминьдан, Юань Шикай.

Keywords: assassination of Song Jiaoren, 1911 Revolution, Guomindang, Yuan Shikai.

Исследователями была четко установлена череда следующий событий: 9 марта 1913 г. революционер приехал в Шанхай, где должны были пройти два заседания — его политической партии и членов нового Парламента — на которых собравшиеся должны были разработать четкую политическую программу. Сун Цзяожэнь решил пред-

¹ Сун Цзяожэнь (1882–1913) — это китайский политический деятель конца XIX — начала XX вв., один из видных деятелей партии Тунмэнхуй (同盟会, «Объединенный союз»), создатель партии Гоминьдан (国民党, «Национальная партия»). Несмотря на его короткую политическую карьеру, Сун Цзяожэнь стал выдающимся политиком начала XX века. Так, с его именем связано издание журнала Миньбао (民報, «Народ»), который являлся влиятельным органом пропаганды, создание Центрального офиса Тунмэнхуй, разработка первой Конституции Китайской Республики и создание партии Гоминьдан. Однако, на пике славы, в марте 1913 года на Сун Цзяожэня было совершено покушение, в результате которого политическая карьера, как и жизнь революционера, резко прервались — он скончался 22 марта 1913 года.

ставить её лично на заседании Парламента в Пекине [3, с. 190]. 20 марта 1913 г. в 22:40 революционер сел в Шанхае на поезд, следующий в столицу, где на него было совершено покушение: убийца трижды выстрелил в молодого человека. Сун был доставлен в больницу, где по прошествии двух дней — 22 марта 1913 года — скончался. Вскрытие показало, что смерть наступила в результате отравления: головки пуль были пропитаны ядом [4, с. 34].

Смерть Сун Цзяожэня произвела огромное впечатление на общественность: не только сторонники Гоминьдана и товарищи Суна, но и круги буржуазии требовали открытого расследования, чтобы найти убийцу. Вести расследование было поручено генеральному прокурору английской концессии в Шанхае — Брюсу (卜罗斯), кроме того, Хуан Син, Чэнь Цимэй и ряд других товарищей Суна учредили большую награду в 10.000 юаней тому, кто поймает убийцу [4, с. 34].

Первые зацепки в деле появились незамедлительно после объявления о смерти Суна: 23 марта в генеральную прокуратуру концессии пришел Ван Афа — пожилой владелец антикварного магазина, который был знаком с Ин Гуйсином. От него Брюс узнал, что за несколько дней до убийства Ин показал ему фотографию «своего смертельного врага», и предложил 300.000 юаней за убийство этого человека [5, с. 55]. Однако Ван ответил отказом, после чего Ин улыбнувшись сказал, что это была лишь шутка. Спустя некоторое время, Ван, читая газету, наткнулся на статью об убийстве Сун Цзяожэня, где на развороте увидел ту же самую фотографию. Именно поэтому Ван считал необходимым доложить об их с Ином разговоре генеральному прокурору.

Кроме того, следователю удалось частично установить портрет убийцы: от работницы билетной кассы на вокзале, где было совершено убийство, следствие узнало, что нападавший — человек низкого роста, с черными густыми бровями. Управляющий гостиницы «Лю-е» также доложил, что в его гостинице поселился очень странный постоялец — У Ши-ин: ночью 19 марта он вернулся пьяный в новом европейском костюме и говорил о том, что «завтра у него будет много денег». На следующий день он выехал рано утром [5, с. 56].

Далее события развивались стремительно: в 10 часов вечера того же дня Брюс вместе с нарядом китайско-иностранный полиции направился в дом Ин Гуйсиня. Консьерж сообщил, что Ин находится у своего друга в борделе, куда и отправилась группа во главе с Брюсом, вторая группа осталась обыскивать дом. Во время обыска был обнаружен мужчина, одетый в европейский костюм: «низкого роста,

с густыми бровями и широким ртом, в его глазах плескалась паника» [5, с. 56]. Незнакомца звали У Фумин, уроженец Шаньси, по заверениям домочадцев, он являлся близким другом Ин Гуйсиня, недавно приехал в Шанхай и остановился у него. Внешне У Фумин подходил под описание, услышанное от управляющего и билетёра. Вскоре догадки Брюса подтвердились: они оба подтвердили, что это и есть человек, которого они описывали. В результате следователем были задержаны двое: У Ши-ин (псевдоним — У Фумин) — убийца и Ин Гуйсинь — заказчик.

Однако на этом следствие не закончилось: при обыске в доме Ина в его спальне под матрасом был обнаружен пистолет и две пули, дальнейшая экспертиза показала, что из тела Сун Цзяожэня были извлечены пули той же модели, что и найденные [5, с. 56]. Также под подушкой лежали письма, адресованные Ину, от Чжао Биньцзюня¹ и Хун Шуцзу². Данные улики косвенно указывали и на возможную причастность президента Юань Шикая к убийству Сун Цзяожэня.

После задержания подозреваемого У Ши-ина поместили в изолятор, где 24 марта его нашли мертвым. На срочном заседании партии Гоминьдан счел обстоятельства смерти заключенного подозрительными и запросили у правительства Шанхая, представителей английской концессии и Красного Креста проведения экспертизы [5, с. 56]. Тем не менее, её результаты так и не были опубликованы, и вскоре расследование по делу У Ши-ина вовсе было закрыто [5, с. 56].

Другой подозреваемый — Ин Гуйсинь — содержался в казарме Морского бюро. В середине июля 1913 года ему удалось бежать из тюрьмы в Циндао, после чего он несколько раз отправил Юань Шикаю телеграмму с требованием некой «компенсации» [5, с. 56–57]. Ин также рассчитывал на получение должности за свои «выслуги», однако кроме денег и предостережения покинуть столицу он ничего не получил. Сообщается, что после этих событий Ин пришел на местный рынок, где рассказывал прохожим об убийстве Суна и планах президента. 18 января 1914 года Ин Гуйсинь сел на поезд, следовавший из Пекина в Тяньцзинь, где и был убит: он скончался от кровопотери в результате полученных множественных ножевых ранений [5, с. 57].

¹ Чжао Биньцзюнь — на момент убийства Сун Цзяожэня занимал пост премьер-министра Китайской Республики.

² Хун Шуцзу — на момент убийства Сун Цзяожэня занимал пост министра внутренних дел Китайской Республики.

Как было сказано ранее, в доме Ин Гуйсиня были найдены письма от Чжао Биньцзюня и Хун Шуцзу. Когда данные факты были обнаружены, общественность обвинила премьер-министра в убийстве Суна и потребовала привлечь его к ответственности. Генеральная прокуратура Шанхая прислала Чжао повестку в суд, вскоре после чего тот подал в отставку и вовсе слег с болезнью. В июле 1913 года его сняли с должности и назначили на пост губернатора провинции Чжили. Когда в январе 1914 года до Чжао Биньцзюня дошли новости об убийстве Ина, он вновь слег с болезнью и 27 февраля неожиданно скончался [5, с. 57].

Последний подозреваемый Хун Шуцзу скрылся в иностранной концессии в Циндао, где пребывал вплоть до смерти Юань Шикая в июне 1916 года. В 1917 году он вернулся в Шанхай, где его узнал и задержал сын Сун Цзяожэня — Сун Чжэньлюй. Хуна экстрадировали в Пекин, где 7 сентября на заседании окружного суда его приговорили к пожизненному заключению. Он попытался обжаловать приговор в Верховном суде, но его иск был отклонен. В то же время Сун Чжэньлюй также не хотел примириться с легкой участью убийцы его отца. С помощью членов Гоминьдана ему удалось добиться пересмотра дела, и 27 марта 1919 года Хун Шуцзу был приговорен к смертной казни через повешение. Приговор был исполнен 5 апреля 1919 года [5, с. 57].

Таким образом, все основные подозреваемые по делу об убийстве Сун Цзяожэня скончались, трое из пятерых, фактически друг за другом, умерли при до конца невыясненных обстоятельствах.

Изложенная выше версия является лишь одной из множества существующих версий убийства Сун Цзяожэня. Если не брать в счет натянутые отношения между Гоминьданом в лице Суна и Юань Шикаем, то в сухом остатке мы получаем следующее: Ин Гуйсинь желал избавиться от своего врага, по этой причине им за большие деньги был нанят У Ши-ин, который 20 марта в поезде выстрелил в Сун Цзяожэня и скрылся с места преступления. 23 марта обоих задержала генеральная прокуратура. Роли премьер-министра и министра внутренних дел в данном деле могут трактоваться по-разному: они знали о плане Ина и либо являлись непосредственными «спонсорами» убийства, либо являлись наблюдателями, не предпринимая никаких действий, чтобы помочь той или иной стороне.

Хоть в деле и нет никаких прямых доказательств причастности Юань Шикая, не считая слов Ина, наиболее распространенной всё же

остается версия с заказом убийства Чжао Биньцзюнем или Юань Шикаем. Нельзя отрицать политическое соперничество между Гоминьданом в лице Суна и группировкой Юань Шикая, особенно усилившееся после победы Партии на парламентских выборах [2, с. 195]. Известно, что Ин Гуйсинь являлся сподвижником Юань Шикая и занимался шпионажем в Шанхае в пользу президента. За убийство ему обещали крупную сумму денег — 300.000 юаней [1, с. 2]. Кроме того, некоторые историки, например Тан Дэган, склонны считать, что У Ши-ин на самом деле не причастен к убийству: У Ши-ин в то время являлся членом Гоминьдана и даже присутствовал на похоронах Суна [1, с. 3].

Иная версия — менее распространенная, но логически возможная — заключается в том, что за убийством именитого политика стоит никто иной как его товарищ — Чэнь Цимэй¹. В качестве основных причин выделяют стремление Чэня возглавить партию после отставки с министерской должности, а также его близкие отношения с одним из главных подозреваемых — Ин Гуйсином. Кроме того, в это время у Чэнь Цимэя в руках находилась большая власть над военными силами Шанхая, поэтому ему могло не составить особого труда проникнуть в камеру, где содержался У Ши-ин, и покончить с ним [4, с. 34]. Тем не менее, в данной версии имеются и свои пробелы: отношения между Чэнь Цимэем и Сун Цзяожэнем были намного крепче, чем между первым и Ином, так как Чэнь и Сун не только стояли у истоков Тунмэнхуй, но и вместе организовали штаб-квартиру общества. Также сообщается, что Чэнь первым прибыл в больницу после новостей о покушении, купил ему гроб и первым выступил с речью на похоронах Суна [4, с. 34–35]. Таким образом, нельзя сделать никаких однозначных выводов относительно причастности близкого товарища молодого человека к убийству.

Очевидно, что в этом деле об убийстве Сун Цзяожэня больше вопросов, чем ответов: данная страница истории Китая до сих пор остается камнем преткновения для историков. Ряд вопросов подлежит дальнейшему исследованию: так, например, большой интерес представляет личность владельца антикварного магазина, который

¹ Чэнь Цимэй (1878–1916) — китайский политический деятель конца XIX — начала XX в. в Китае. В 1906 уехал на учебу в Токио, где вступил в контакт с Сунь Ятсеном и стал членом Тунмэнхуй. В 1908 вернулся в Китай, где создал отделы Тунмэнхуй в Шанхае и других китайских городах. Один из создателей партии Гоминьдан.

не единожды упоминается в работах китайских историков. Именно он безошибочно указал на одного из главных подозреваемых: можно ли это считать счастливой случайностью расследования или же частью некоего плана для отвода глаз? Дополнительную сложность в построение логических цепочек составляют и выдуманные факты. Один из исследователей упоминает интересный эпизод, связанный с казнью Хун Шуцзу: «после того, как палач убрал из-под Хуна доску, он недолго брыкался. Внезапно, с громким шумом, петля исчезла с шеи, и тело упало в яму. Оказалось, что Хун был настолько тяжелым, что голова оторвалась от тела...немедленно были вызваны три врача, которым пришлось пришивать её [голову] на место...тело отдали семье Хуна для захоронения» [5, с. 58]. Однако автор данной работы склонен считать, что это не более, чем выдумки дальнейших редакций документов. Тем не менее, именно такие факты заставляют исследователей скептически относиться ко всей информации о деле Суна, что создает дополнительные сложности и заводит исследование в тупик.

Со дня смерти Сун Цзяожэня прошло более 107 лет, однако в расследовании его дела никто не смог продвинуться дальше уже известных фактов: с каждым новым открытым фактом или предложенной версией появляется все больше белых пятен, которые не дают возможности установить точную картину событий. Поэтому вопрос: «кто же убил Сун Цзяожэня» все ещё остается открытым.

Список литературы

1. Ah Xiang. Song Jiaoren's assassination and Second Revolution. [Электронный ресурс] URL: http://www.republicanchina.org/Second_Revolution.pdf (дата обращения: 11.10.2020)
2. Boorman, H. L., Cheng, J. K. H., Krompart, J. Biographical Dictionary of Republican China. V. 3. Columbia University Press, 1967. 467 p.
3. Liew, K. S. Struggle for democracy: Sung Chiao-jen and the 1911 Chinese Revolution. Australian national university press Canberra, 1971. 260 p.
4. Ань Юйминь Сун Цзяожэнь юйци ань июнь (安玉民 宋教仁遇刺案疑云 Сомнения в деле об убийстве Сун Цзяожэня) // Миньцзянь чуаньцигуши А цюань (民间传奇故事 A卷; Народные рассказы глава «А»). 2011. № 9. С. 34–35.
5. Лю Сяншань Циша Сун Цзяожэнь у да сёншоудэ цзуйхоу цзецзю (刘向上 刺杀宋教仁五大凶手的最后结局 Участь пяти главных убийц Сун Цзяожэня) // Данши цзунхэн (党史纵横; Полная история партии). 2007. № 12. С. 55–58.

Соловьева А. И.
tonysolovyeva@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

ФЕНОМЕН АДИВАСИ: СУЩНОСТЬ И ИСТОРИЯ

Аннотация: В статье освещается сущность феномена адиваси в Индии, дается краткая история политической борьбы адиваси, а также излагаются основные проблемы с которыми сталкивается племенное население Индии и по сей день.

Ключевые слова: адиваси, племенное население, Индия.

Keywords: Adivasi, tribes, India.

Адиваси — это собирательное понятие, под которым понимают множество коренных народов Индии. Термин «*adivāsi*» имеет санскритское происхождение и дословно переводится как «первые обитатели»: *ādī* — начальный, первый и *vāsin* — обитатель, житель. Термин «адиваси» имеет искусственное происхождение, он был создан в тридцатые годы двадцатого века в результате деятельности активистов племенного движения, для укрепления чувства единства между различными племенными группами [1]. Несмотря на то, что в Индии также используются и другие термины по отношению к племенам: «*vanavāsi*» («лесные жители») и «*girījan*» («горные жители»), именно «адиваси» является названием, которые используют сами представители племен, считая именно его наиболее точным и универсальным. В конституции адиваси называются «зарегистрированные племена», однако вошедший туда список неполный, и включает не все народы, которые относятся к коренному населению Индии.

Термин «адиваси» критикуют по нескольким причинам. Ученые и исследователи подвергают сомнению не только состоятельность этого термина, но и применимость самого понятия «племя» в индийском контексте. Индийский социолог Андре Бетей (Andre Beteille) указывает на то, что на практике довольно трудно разделить племена и касты в Индии из-за их многовекового культурного обмена [2]. Другие исследователи, например Говинд Садашив Гурье (Govind Sadashiv Ghurye) и Сумит Гуха (Sumit Guha) указывали на колониальное

происхождение термина «племя» в Индии [3, 4]. Сумит Гуха также отмечает то, как высококастовые индийцы вслед за некоторыми английскими управленцами стали активно заниматься антропометрией, чтобы доказать собственное сходство с европейцами, на основе общего индоарийского происхождения, и подчеркнуть отличие от «аборигенов» [5].

Адиваси не представляют культурного, этнического и языкового единства. Многие из них находятся на абсолютно разных уровнях социального и культурного развития (например, малочисленное и полностью изолированное племя онге, проживающее на Андаманских островах и интегрированное племя мунда, численность которого составляет более двух миллионов человек) [1].

Однако у всех племен есть и общие черты: они занимают ограниченную территорию, имеют черты племенной организации, говорят на едином племенном языке, верят в общее происхождение и не входят в индийскую кастовую систему. Но тем, что в настоящее время роднит такие разные индийские племена друг с другом, к сожалению, оказывается их угнетенное положение в индийском обществе. При этом с 1951 года в отношении представителей зарегистрированных племен проводится политика «положительной дискриминации», которая гарантирует им политическое представительство и квоты при устройстве на государственную службу [1].

Такие меры действительно привели к росту занятости представителей племен, однако несмотря на рост числа адиваси на низких государственных должностях, высокие должности все еще остаются для них недоступны. Также не наблюдается роста числа адиваси в частном секторе. Кроме того, политика «позитивной дискриминации» на деле не всегда и не везде претворяется в жизнь, а в некоторых случаях существует лишь «на бумаге», и на места, отведенные для адиваси, берут индийцев не-племенного происхождения [6, с. 3]

Несмотря на то, что используемое представителями племен самоназвание «адиваси» дословно переводится как «первые жители», индийское правительство их такими не признает. Правительство подписало декларацию ООН 2007 года о правах коренных народов, однако сделало это с оговоркой о том, что коренными народами считается все население Индии, которое исторически противопоставляется английским колонизаторам [7].

Адиваси по-прежнему сталкиваются с предрассудками, агрессией и насилием со стороны индийского общества. Большинство населения

Индии считает племена примитивными, а правительство вместо поддержки самобытности адиваси стремится интегрировать их в сообщество большинства. Практически по всем социо-экономическим показателям племенные жители находятся на самых низких позициях. Их положение лишь усугубляется в связи с уничтожением их мест проживания и разрушением их традиционной экономической системы. Это может привести к исчезновению более мелких племенных групп, существующих за счет традиционного хозяйства.

В попытках улучшить ситуацию правительство Индии предоставляет квоты для адиваси на рабочие места и места в учебных заведениях, однако это не приносит значимых результатов, ведь примерно 68% студентов племенного происхождения бросают учебу, не закончив среднюю школу, так как вынуждены начать работать [1].

Адиваси находятся в столь уязвимом положении уже более чем полвека, однако нельзя сказать, что на протяжении всей истории своего существования они безропотно подчинялись власти британцев и индийцев не-племенного происхождения. Племена вставали на защиту собственной земли и идентичности еще с конца восемнадцатого века, когда британцы только начали вмешиваться в их жизнь, и далее на протяжении многих лет, когда внешние захватчики пытались их подавить [8]. Племенные восстания не были единичными и организованными. В разных частях страны в разное время вспыхивали очаги восстания, когда власть захватчиков добиралась до определенного племени. Одним из самых активных было Джаркхандское движение, оно не только изменило положение адиваси на политической арене, но и дало культурный толчок и во многом повлияло на творчество многих джаркхандских деятелей искусства.

Джаркхандское движение

На примере Джаркханда, небольшого штата на северо-востоке Индии, можно проследить основные проблемы, с которыми сталкиваются представители племен по всей стране. История борьбы адиваси из Джаркханда также является примером, показательным и для других племен.

Первые восстания в Джаркханде начались около двух веков назад с передачей этой территории Ост-Индской компании в 1771 году. Представители различных племен были недовольны передачей их земель в руки английских помещиков и боролись за возвращение своих

территорий. Сначала взялись за оружие представители племени мунда под предводительством Бинсу Манки. Восстание тогда ограничилось небольшим регионом в районе Ранчи и было стремительно подавлено. Однако в скором времени восстания начали вспыхивать и в других частях региона, например, восстание племени Бхумиджи в Манбхуме (1798–99 гг.) и восстание племени Черу в Паламу (1800 г.) [8].

Далее следовали восстания племени коль (1830–33 гг.), первое объединенное восстание племени мунда, ораон и хос и восстание санталов 1855–57 гг. Несмотря на то, что между первыми и этими восстаниями прошло практически полвека, причины и цели восстания оставались прежними — вернуть свои земли. Эти восстания уже получили больше внимания и поддержки, но также были подавлены британским правительством.

Значимым для племенной истории событием стало второе восстание племени мунда 1896–1901 гг. под предводительством Бирсы Мунда, который смог эффективно объединить людей для общей цели. Основной идеей Бирсы Мунда было возрождение единой племенной религии и противодействие христианизации с ее помощью. Но из-за своей узкой антихристианской направленности движение не получило широкой поддержки среди племенного населения по всей Индии и окончательно потерпело неудачу после ареста Бирсы Мунда в 1901 году [там же, с. 2].

До обретения Индией независимости основной целью Джаркхандского движения было создание отдельного «штата адиваси», то есть вопрос этнического единства стоял в то время на первом месте, однако после 1947 года ситуация изменилась. Основным штатообразующим признаком адиваси начали считать для себя не единый этнос, а единый регион совместного проживания племен различных этносов. Такое решение было принято после того, как оказалось, что по переписи населения 1941 года представители племен составили лишь 44% от всего населения Джаркханда, что исключало возможность удовлетворения их требования о создании отдельного племенного штата.

В 1950 году на волне борьбы за создание в Джаркханде отдельного штата возникла партия Джаркханда, куда входили не только представители племен. В течение 50 лет индийское правительство отказывалось признавать Джаркханд из-за отсутствия единого языка и разобщенности политических партий Джаркханда. Только в 2000 году Джаркханд был официально выделен из состава Бихара и объявлен отдельным штатом [6].

Увенчавшаяся успехом борьба представителей племенного населения Джаркханда за создание для них отдельного штата — наиболее яркий пример проявления единства адиваси. Однако племенное население Джаркханда демонстрирует единство не только в борьбе за частичную политическую автономию, но и в решении различных общих проблем, наиболее болезненными из которых являются следующие:

1. Отчуждение лесных территорий

Основной причиной первых восстаний в Джаркханде можно считать отчуждение лесных территорий, заселенных племенами. После законов 1793 года и 1859, племенные территории Джаркханда повсеместно начали переходить в руки крестьян не из племен [8]. Для племен леса были не только в буквальном смысле родным домом, но и единственным возможным источником средств существования. Кроме того, в самой племенной культуре заложена глубокая связь с лесом и природой, которая ее окружает, поэтому переселение племенного населения за пределы родных лесов и заселение «чужаков» на их землю воспринималось очень болезненно.

Следующим ударом по племенам был закон о лесах 1878 года, ограничивающий сбор лесных благ. Племена пострадали от него в большей степени, потому что их жизнь полностью зависела от лесных продуктов. Последствиями принятия этих законов стали восстание санталов и движение Бирсы Мунда. Это в некоторой степени затормозило процесс передачи племенных земель промышленникам, но вскоре крупные компании, — в частности, Tata Steel, индийская компания по добычи алюминия, угля и меди, — начали активно использовать лесные территории племен.

Племена же вместо своих богатых лесных угодий получили земли куда более низкого качества, которые не хотел осваивать никто другой.

После обретения Индией независимости ситуация для племен не многим улучшилась, поскольку для строительства крупных энергетических предприятий было отчуждено еще больше принадлежащей племенам земли [6, с. 2–3].

2. Отсутствие рабочих мест

С развитием промышленности и энергетических предприятий на племенных землях увеличилась потребность в обслуживающих их высококвалифицированных специалистах. Все они приезжали из других штатов Индии. Это привело к тому, что Джаркханд стал одним

из самых быстрорастущих регионов страны. Обратной стороной этого процесса стало то, что представителям племен приходилось искать низкооплачиваемую работу в других частях Индии, таких как Пенджаб и Ассам. Из-за притока населения из других штатов и эмиграции представителей племен соотношение племенного и не-племенного населения Джаркханда также изменилось. В 1996 году 70% населения Джаркханда были не-племенного происхождения, а четверть десятилетиями ранее в 1951 году их было лишь 40% [8, с. 3–4].

В настоящее время ситуация лишь продолжает усугубляться, несмотря на то, что правительство выделяет квоты на рабочие места специально для представителей племен, однако джаркхандская пресса регулярно сообщает о том, что работодатели не используют их и отдают эти места людям не-племенного происхождения.

3. Уничтожение племенной культуры

Одним из важнейших элементов племенной культуры является сохранение природного баланса и бережное отношение к лесу и всем его обитателям. Поэтому эксплуатация и уничтожение природных богатств развивающейся промышленностью было ударом не только по самой природе, но и по культуре племен. Кроме того, все племенные устои — демократическое мышление, экономика, основанная на равном разделении продуктов труда, эгалитарная социальная структура — оказались разрушены после массового заселения этой территории людьми не-племенного происхождения и носителями абсолютно иной культуры. Сохранению племенной культуры не способствовало и то, что представителям племен приходилось эмигрировать в различные регионы Индии в попытках найти хоть какой-то заработок, в результате чего происходило разрушение этнической общности.

Попытка сохранить собственную культуру и традиции была одним из главных движущих факторов Джаркхандского движения [6, с. 3].

В заключение можно сказать, что адиваси составляют неотъемлемую часть этнического разнообразия Индии, их языки, культура, история и обычаи могут стать объектом множества исследований и значительно расширить существующие представления об Индии в целом. Несмотря на свое угнетенное положение на протяжении многих лет, адиваси продолжали отстаивать свою идентичность и сохранять собственные традиции. В настоящее время в России данную тему можно назвать малоизученной, поэтому главный вывод, который можно сделать — это необходимость дальнейшего глубокого изучения индийских племен.

Список литературы

1. Adivasis [Электронный ресурс] // Minority rights group. URL: <https://minorityrights.org/minorities/adivasis-2/> (дата обращения: 14.05.2020)
2. Beteille Andre. The Concept of Tribe with Special Reference to India // European Journal of Sociology. XXVII. 1986, pp. 297–318.
3. Ghurye Govind Sadashiv. The Scheduled Tribes. Bombay: Popular Prakashan, 1959.
4. Guha Sumit. Environment and Ethnicity in India, 1200–1991. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
5. Baviskar Amita. Indian Indigeneities: Adivasi Engagements with Hindu Nationalism in India, in Indigenous Experience Today // Economic and Political Weekly. Oxford, 2007, pp. 275–303.
6. Horo Albert. Jharkhand movement // International Journal of Humanities and Social Science Invention. Vol. 2 (4). 2013.
7. Rousseleau Raphael. Claiming Indigenoussness in India — books and ideas. 2013
8. Munda Ram Dayal. Jharkhand Movement: A Historical Perspective in Social change. Vol. 18(3) 1988.

СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ»

Ахунова А. А.

adelinaakhunova9@gmail.com

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПРОБЛЕМА ТОЛКОВАНИЯ СИМВОЛОВ В КИТАЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ ЦАНЬ СЮЭ)

Аннотация: В статье анализируются символические рассказы Цань Сюэ. Анализируются символические образы, используемые писательницей для передачи своих мыслей и чувств.

Ключевые слова: Модернистская литература Китая; Цань Сюэ; символизм; значение символа в литературе Китая; значение символических образов в рассказах Цань Сюэ; трудности перевода.

Keywords: Chinese modernist literature; Can Xue; symbolism; the meaning of symbol in Chinese literature; the meaning of symbols in Can Xue's stories; translation difficulties.

Цань Сюэ — одна из самых сложных фигур на литературной арене Китая. Дэн Сяохуа (Цань Сюэ — литературный псевдоним) родилась в 1953 году в городе Чанша провинции Хунань. Новаторская проза этой писательницы не совсем привычна для литературы КНР, где в течение долгих лет внимание к потаенным глубинам человеческой души не считалось достойным «революционной литературы».

Целью данного исследования являлось определение понятия символа в произведениях Цань Сюэ и возможности его толкования. Поставленные же задачи ограничивались изучением особенностей символических образов в ее рассказах и их значений. Источниками данного исследования являются многочисленные исследовательские работы как зарубежных авторов, так и отечественных. Основной источник — серия рассказов «Беседы Раю», изданная в Америке в 1989 г. Научные труды представлены работами американских исследователей творчества Цань Сюэ — Рональда Дженссена, Джона Соломона, Майкла С. Дюка и др. Отечественные исследования представлены трудами С. Торопцева, материалами Н. К. Хузиятовой и др.

Цань Сюэ окрестили «аномальным» явлением в китайской литературе. В ее рассказах не описываются конкретные места, временные рамки или сюжетные линии, главная роль в них всегда отведена человеку с его потоком мыслей и чувств. Чаще всего их выражение осуществляется с помощью символов, которые могут иметь самые причудливые и необычные формы.

Символизм — неотъемлемая часть китайской культуры. Символ — это идеал, исходящий из сердца писателя. Автор воспроизводит окружающую действительность с помощью символики, недосказанности, намеков, таинственности, загадочности. Именно символические формы являются преобладающими в произведениях Цань Сюэ, а особенно в ее рассказах.

Символы, представленные в произведениях Цань Сюэ, свидетельствуют о глубине разных по содержанию ситуаций, которые на первый взгляд кажутся непримечательными. Особенно «пустыми» эти ситуации могут показаться читателям во время чтения рассказов Цань Сюэ на русском языке, так как сама писательница не раз говорила в своих интервью о том, что чтение ее рассказов — это своего рода состояние в потоке, который необходимо прочувствовать глубоко внутри, но, конечно, это гораздо труднее сделать, когда рассказ переведен с китайского языка на русский. Переведенные символические образы могут иметь совсем другой оттенок или характер.

Имя Цань Сюэ быстро стало известно во всем мире. Ее творчество взбудоражило литературные круги не только Китая и всей Азии, но заинтересовало Европу и Америку. Так, особенно известными стали ее символические рассказы «Хижина в горах», «На пустыре», цикл рассказов «Беседы в раю» и др. Большинство ее романов и критических эссе переведено на английский язык. Особое внимание в данном исследовании уделено именно рассказам («Беседы в раю», «Буйвол» и др.)

Биография Цань Сюэ невероятно насыщена различными событиями. События, которые непосредственно затронули семью Цань Сюэ, определенно повлияли на ее творчество, а особенно на способы выражения своих идей и мыслей. Возможно, что перенесенные испытания нужно было обличить именно в такие символические формы, которые позволили бы человеку прочувствовать всю тяжесть этих событий. Ведь не зря эти символы носят глубинный, психологический характер. Они обращаются именно к сознанию человека, заставляя его переживать что-то глубоко внутри себя, поэтому так важно уметь

расшифровывать эти символы, принимая во внимание время и события, на которые выпал пик творческой активности Цань Сюэ. Сложность состоит не только в толковании символов, но и в их верном переводе на русский язык. Каждый символ несет за собой важный культурно-исторический и личный подтекст, поэтому при переводе необходимо уметь подобрать грамотный эквивалент в русском языке, который бы в полной мере мог передать всю глубину переживаний, передаваемых автором. Однако есть определенная закономерность, которая облегчает задачу. Символы в рассказах Цань Сюэ всегда существуют группами. Слова или фразы, которые часто встречаются в контексте и особенно в названиях рассказов, обычно являются символами для людей, объектов или событий за пределами слов и фраз.

Цикл рассказов «Беседы в Раю» изобилует многими личными символами Цань Сюэ. Действительно, читать их «так же трудно, как расшифровывать какой-то секретный код», как признает сама Сюэ [4, с. 165]. Однако ее комментарий раскрывает другую сторону этих историй: поскольку они написаны так называемым «секретным кодом», то, безусловно, существует способ расшифровки «секретного кода» [1, с. 23], иначе рассказы будут совершенно бессмысленными. Под секретным же кодом можно понимать личные символы Цань Сюэ, связанные с ее переживаниями и чувствами. Однако даже самые глубокие и личные символы Цань Сюэ не могут быть полностью изолированы от истории китайской традиционной культуры и китайского языка. Именно поэтому «частные» символы Цань Сюэ не являются абсолютно личными и «частными» в полной мере, «и в какой-то степени могут быть поняты посредством соответствующей интерпретации» [3, с. 186].

Кроме того, личные символы Цань Сюэ не существуют изолированно в одной истории. Скорее, одни и те же или похожие символы не только повторяются в одном и том же рассказе, но и часто появляются во многих других рассказах. Писательница отрицает сознательное вкладывание символического смысла в свои произведения и называет творческий процесс бессознательно-интуитивным. Однако, как бы не происходил сам процесс созидания, мы видим, что предметы быта (лампа, антресоли, зеркало), музыкальные инструменты (китайская скрипка эрху, дудка), внешность персонажей, их одежда, окружающие их животные, насекомые, растения, даже цвета — все приобретает особый смысл, далекий от обыденного понимания. Каждое слово — код, за которым может прятаться поток

ассоциаций. Посредством общечеловеческих образов-символов, именуемых архетипами, таких как зеркало, змея, рыба, дом, дерево, ветер и многих другие, в произведениях Цань Сюэ реализуются архетипические мотивы.

Одними из наиболее часто повторяющихся символов в цикле рассказов Цань Сюэ выступают «черная кошка величиной с леопарда», «пчела», безымянный «маленький мальчик», «буйвол» и «он» — символы идеального мужчины. В китайской культуре бык может выступать символом мужской силы, а в классической литературе мужчин, которые были одержимы женщинами, называли «прожорливыми котами». Так, например, в романе «Сон в красном тереме», в котором «прожорливым котом» называют одного из героев, обвиненного в прелюбодеянии [5, с. 609]. В рассказах Цань Сюэ «черный кот», наряду с «черным леопардом», всегда используется для обозначения внебрачного любовника или некоего женского желания. Незнаванный «молодой человек» и «он» почти во всех символических историях Цань Сюэ, всегда являются идеальными любовниками, по которым женщина-рассказчица очень тоскует. «Шелковица», «ива», «тубероза» и «вода» («источник воды», «колодец», «река», «озеро», «родник», «потоп») — это символы, связанные с романтическими желаниями [6, с. 142]. В рассказах Цань Сюэ муж или любовник рассказчицы обычно живет в доме под шелковицей, так и в «Беседах в Раю» муж главной героини жил под шелковицей в счастливый период их жизни. Цань Сюэ называет ее «похотливым растением» [7, с. 103]. Ива — символ весны и любви, так как весна — это время пробуждения природы. В китайском языке фраза «ивовые чувства и цветочные желания» означает любовное желание. В традиционной китайской культуре «вода, кроме того, символизирует инь, первобытное женское начало и любые выражения, обозначающие половое сношение, имеют отношение к воде» [2, с. 309]. Подобным образом «вода» является общим символом для идеала женщины в символике Цань Сюэ. Женщина-рассказчица часто превращается в рыбу и плавает в воде. Безымянный герой «он» часто роет «колодец» в поисках весны. «Родник» — это символ источника любви, потому что семантически он связан с понятием «происхождение» и фактически является своего рода «источником воды».

Другой важный символ — кровь. «В китайском языке различают два вида крови: свежая, красная кровь, та, что течет из ран и является символом жизни» [2, с. 163]. В древних ритуалах такая кровь

размазывалась по предметам, чтобы сделать их священными. Темно-красная густая кровь, напротив, несла за собой негативную энергетику. В рассказах Цань Сюэ есть аналогичное различие между видами крови. «Свежая кровь» символизирует энергию и желание, в то время как «черная кровь» является символом печали, ограниченности и супружеской дисгармонии. Кроме того, в качестве символа часто используется «змея», которая отражая влияние как западной, так и восточной культуры, связана с ощущением греха. «Пустыня» («пустошь», «пустынный остров», «пустынный холм», «засушливое место», «серое нагорье») появляется во многих рассказах Цань Сюэ. С помощью этого символа писательница выражает свое разочарование в существовании идеальной социальной жизни и личной эмоциональной гармонии в мире.

Таким образом, символы, которые использует Цань Сюэ в «Беседах в Раю» напрямую связаны с китайской традиционной культурой, однако их значение передается через личный опыт автора. Многие из этих символов используются несколько раз в одном рассказе. Творчество Цань Сюэ требует от читателей активного участия в процессе чтения, поэтому значение наиболее повторяющихся символов очень важно для понимания настроения и чувств цикла ее рассказов.

Символические рассказы Цань Сюэ в большей степени являются ее личными переживаниями, она буквально исследует себя, применяя самые иррациональные методы. Однако из-за символической формы ее рассказы имеют неоднозначную природу. Каждый может интерпретировать их в соответствии со своим собственным опытом, ассоциациями и даже ожиданиями. Поэтому эти символические рассказы в каком-то смысле обладают универсальным смыслом и требуют активного участия и сопереживания со стороны читателей. Без поиска дополнительной информации и попыток проникнуть в самую суть символов Цань Сюэ, вы можете не оценить произведений этой замечательной писательницы. Именно поэтому так важно уметь толковать используемые ей символы и передавать настроения и чувства автора при переводе рассказов на русский и другие языки. Безусловно, мастерство и восприимчивость переводчика в данном случае играет особенно важную роль, потому как значение символов и переживаний в рассказах Цань Сюэ будет передаваться именно через призму его ощущений, потому что ощущение — это основа произведений Цань Сюэ.

Список литературы

1. Can Xue. *Dialogues in paradise*, Northwestern University Press, 1989.
2. Eberhard, Dictionary.
3. Penelope Mesic Review on *Dialogues in Paradise*», *Booklist* (July 1989), p. 186.
4. Quote from Ronald Janssen's «Afterword» to *Dialogues in Paradise*, Trs. Ronald R. Janssen and Jian Zhang. (Eranston: Northwestern UP, 1989), p. 165.
5. See Honglou Meng (*Dream of the red chamber*), (Beijing: Renmin wenxue chubanshe, 1982), p. 609.
6. Shi Shuging «Writing fiction for vengeance-discussing writing with Can Xue», in *Bafang* (1986, no. 9), p. 142.
7. 残雪. 天堂里的对话 [Цань Сюэ. Беседы в раю; Тяньтанлидэ дуйхуа] / 中国当代作家选集丛书 [Сборник произведений современных китайских писателей; Чжунго дандай цзоцзя сюаньцицуншу] — 北京:人民文学出版社 [Пекин: народное литературное издательство; Бэйцзин:жэньминь вэньсюэ чубаньшэ], 2000. С. 89–125.

Волкорезова А. И.

alinavolk2000@mail.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

НОВОЕ В ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОГО ИРАНА: РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО МОНИРУ РАВАНИПУР

Аннотация: В данном докладе предложен литературоведческий анализ одного из ранних рассказов Мониру Раванипур. В работе продемонстрировано, как при помощи различных художественных средств писательница создаёт новаторский подход к изображению женщины в литературе, и в чем заключается оригинальность ее произведения.

Ключевые слова: женская проза, Мониру Раванипур, современная персидская литература, постреволюционный Иран.

Keywords: women's literature, Moniru Ravanipour, modern Persian literature, post-revolutionary Iran.

Введение

В докладе будет предложен литературоведческий анализ одного из ранних рассказов Мониру Раванипур, крупной современной иранской писательницы, — «Серая пятница». Основная цель доклада — продемонстрировать, как при помощи различных художественных средств М. Раванипур, поднимая в своем произведении остросоциальную тему — неоднозначное положение разведенной женщины в постреволюционном Иране, — создает новаторский для персидской прозы подход к изображению женщины. Автор доклада произвел литературоведческий анализ рассказа Мониру Раванипур (в собственном переводе), в частности, нарратологический анализ. Образ героини романа был сопоставлен с женскими образами в произведениях таких писателей, как М. Мошфек Каземи, С. Хедаят, С. Данешвар. Также для того, чтобы выяснить, как соотносится ситуация, описанная в рассказе, с внелитературной действительностью, были использованы данные о разводах в Иране в 80-е годы на материалах статей зарубежных иранистов-социологов.

Мониру Раванипур — одна из наиболее влиятельных женщин в культуре и литературе постреволюционного Ирана. Она одна из первых иранских писательниц, кто попытался честно и без прикрас отразить противоречивые послереволюционные реалии Ирана в литературе, и ей, безусловно, это удалось.

В докладе будет проанализирован рассказ «Серая пятница», который описывает один день из жизни немолодой разведенной иранской женщины. Произведение входит в сборник рассказов «Канизу», написанный в 1988 году. Это первая работа Мониру в качестве профессиональной писательницы. В сборнике отражены особенности подхода Мониру к написанию произведения, главными чертами которого являются экспериментальность и новаторство.

Кроме того, необходимо упомянуть о послереволюционных преобразованиях, которым новоиспеченная власть подвергла иранское общество. Были установлены строгие правила поведения и взаимодействия между полами, сильно повлиявшие на институт семьи и брака. Более подробно я рассмотрю ситуацию с процедурой развода в Иране в 70–80-х годах, так как это напрямую влияет на понимание анализируемого мной рассказа. В 1979 году Особым Гражданским судом был принят закон, который позволял паре разойтись по обоюдному согласию, зарегистрировав свой развод в нотариате при двух свидетелях [1, с. 751]. Процедура довольно несложная, однако имеет для женщины гораздо больше неприятных последствий, чем для мужчины. Статистика показывает, что, начиная с 1983, количество разводов в Иране выросло [1, с. 750], отмечается, что работающие женщины более склонны к разводам, так как имеют свое имущество и обладают относительной независимостью [1, с. 753]. Правительство, обеспокоенное данной ситуацией, в поздних 1980-х модифицирует закон о браке, тем самым ограничивая права женщины касательно развода, например, решение мужчины взять вторую жену перестает считаться поводом для расторжения брака [2, с. 37].

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод, что тема рассказа «Серая пятница» была довольно остросоциальна.

Представленный ниже краткий анализ произведения важен для понимания новаторского характера творчества Мониру Раванипур, так как для написания рассказа она выбрала нетипичный для своего времени жанр и использовала литературные приемы, к которым мало кто из ее современников прибегал ранее.

Рассказ был определен как модернистский с элементами постмодернизма, автор прибегает к имплицитному изображению нарратора, который имеет относительно высокую нарративную компетентность, его точка зрения совпадает с точкой зрения героини в перцептивном, временном, пространственном, языковом и идеологическом плане. Такой нарратор усиливает главный конфликт рассказа — противоречие между воображаемой действительностью и реальностью. Мониру Раванипур использует два типа текстовой интерференции — несобственно-прямую речь и несобственно-авторское повествование, что предоставляет читателю свободу трактовать тот или иной отрывок со своей точки зрения. В ходе анализа рассказа не было выявлено формальных эквивалентностей, за исключением лексических, которые связаны с символикой серого цвета. Тем не менее произведение богато на тематические эквивалентности, основная параллель была обозначена как «поиск близости». Эта эквивалентность служит отличным средством передачи состояния героини, разведённой женщины в Иране конца 80-х, — она одинока и чувствует себя потерянной. Основным мотивом рассказа является мотив одиночества.

Стоит подробнее остановиться на том, как, при помощи вышеописанных приемов, в частности, тематических эквивалентностей, подчеркивается основной конфликт рассказа. По большей части именно этот прием придает произведению новаторские черты и позволяет Мониру Раванипур точно передавать психологическое состояние персонажа.

Сюжет рассказа строится вокруг немолодой женщины, принявшей решение развестись со своим мужем, театральным режиссёром, который относился к ней неуважительно, заводил интрижки с начинающими актрисами, что и стало одной из причин развода. Бывший муж вынудил героиню отказаться от всего, что ей было дорого — от игры в театре и личной свободы. Развод позволяет ей вновь обрести последнее, но готова ли она к этому?

Здесь и раскрывается главный конфликт рассказа, основная тематическая эквивалентность, — противоречие между воображаемой действительностью, которую создала для себя героиня, и суровой реальностью, жертвой которой она становится.

В целом намеки на противостояние между реальным и придуманным тщательно вплетены автором в сюжетную канву рассказа, и пронизывают его от первой до последней страницы, героиня постоянно уходит в себя, пытаясь спрятаться от действительности.

Отдельного внимания заслуживает фрагмент, в котором героиня вспоминает про свою подругу Сорайю, которой в действительности не существует. Этот небольшой отрывок чрезвычайно важен для понимания внутреннего состояния героини и акцентирует внимание читателя сразу на нескольких моментах.

Здесь максимально подчеркнут главный конфликт рассказа и максимально ярко выражен основной мотив. Во-первых, важно отметить образ придуманной Сорайи. Это собирательный образ идеальной подруги для героини, который в критический момент родился в ее подсознании. Придуманная Сорайя отражает нежелание женщины вспоминать о своей прошлой жизни в замужестве и попытку героини найти себе новое подходящее ей общество. Как раз в этом и выражается основной мотив произведения — мотив одиночества женщины, который пронизывает весь рассказ.

После развода героиня осталась совсем одна, по описанным выше причинам ей не всегда удается общаться со старыми друзьями, которые связаны с театром, а новых еще не получилось завести. Она отчаянно ищет общества, но не находит его у людей. Ее бессознательно тянет к живым существам (та самая эквивалентность, которую я выше обозначила как поиск близости).

Особенно это заметно в конце рассказа, в эпизоде с голубем. Женщина, уставшая и опустошенная, возвращается домой, и неожиданно замечает у себя в комнате голубя. У нее сразу же поднимается настроение, она буквально молодеет, начинает разговаривать с птицей, как с человеком.

Она вновь обрела существо, которое она может любить и о котором можно заботиться, тем самым женщина пытается заполнить моральную пустоту, характеризующую всю ее жизнь после развода. Она настолько счастлива, что не замечает или не хочет замечать странное состояние птицы, которое описывает нарратор. Голубь прилетел домой, чтобы умереть. Зачем автор так жестоко поступает с героиней? Возможно, Мониру Раванипур тем самым заостряет внимание читателя на том, что женщине с нетипичными в постреволюционном иранском обществе взглядами в нем просто не выжить, на шаткость и нестабильность ее положения.

Далее птица умирает, и у женщины на какое-то мгновение открываются глаза на реальный мир. Однако затем она снова уходит в себя. Поступок героини, описанный в последних строках рассказа, отражает ее нежелание верить в то, что произошло, и очередную попытку защитить себя от горькой тяжелой действительности.

Также важно отметить, что при чтении рассказа в глаза сразу бросается одна вещь — имя главной героини так и не названо, она просто «женщина». В произведении вообще нет имен, только Сорайя, которая в итоге оказывается выдуманной. Зачем Мониру Раванипур прибегает к такому приему? Возможно, героиня рассказа — это собирательный образ иранских женщин, многим из которых описанные в произведении события более чем знакомы, и автор намеренно обезличивает персонажей, чтобы каждый читающий смог обнаружить в них себя. Это портрет женского общества, столкнувшегося с почти полным отсутствием элементарных человеческих прав, страданиями и трудностями в постреволюционное время. Рассказ «Серая пятница» — манифест Мониру Раванипур, ее попытка привлечь внимание к проблеме, касающейся нестабильного положения женщины в иранском социуме.

Такие попытки делались и дореволюционными писателями. Однако стоит отметить, что в дореволюционной литературе женщина рассматривалась скорее в рамках социально-политического дискурса, нежели в рамках гендерной проблематики [3, с. 531]. Такие писатели, как Садег Хедаят и Мошфег Каземи, возможно, по-своему и поддерживали женщин, однако сложно сказать, была ли их критика направлена конкретно на неоднозначное положение женщины в иранском обществе или она же являлась частью общей критики традиционной или коррумпированной современной культуры [4, с. 64].

Для сравнения было бы логично подробнее рассмотреть женскую дореволюционную литературу. В то время существовали определенные литературные каноны, одним из которых был жанр соцреализма. Писательницы придерживались этих правил, и до революции их произведения оставались в рамках одного стиля и лексики [3, с. 534].

Одна из самых крупных писательниц того времени — Симин Данешвар. Для сравнения был взят один из ее самых известных романов «Смерть ради жизни». Здесь также проявляется доминантная тенденция к соцреализму, так как автор поднимает в романе остросоциальные проблемы, например, такие как социальное неравенство, политические репрессии и противостояние между такими ценностями, как семья и преданность политическому движению. Несмотря на то, что сюжет романа выстроен вокруг молодой пары, и в произведении автор постоянно описывает переживания женщины, Данешвар не ставит их выше проблем, касающихся общества и политики, эти описания скорее направлены на усиление политико-социальной критики, пронизывающий весь роман. В этом произведении политическая и социальная

ответственность героев стоит выше их личных интересов, любви, семьи и других, «простых» ценностей. Симин Данешвар использует не только общепринятую форму, но и наполняет роман содержанием, типичным для ангажированной литературы [3, с. 535].

После революции ситуация меняется и женщины-писательницы отходят от социальной проблематики и начинают обращаться к гендерным вопросам [3, с. 553], основной посыл их произведений направлен непосредственно на сложное положение женщины в Иране, ее чувства и переживания. Одними из первых таких писательниц были Парсипур и Раванипур, о которой идет речь в этом докладе. Конечно, революция сыграла определенную роль, начало активно расти феминистическое движение и ангажированность литературы стала отходить на задний план [3, с. 541], однако это не отменяет того, что произведения Мониру Раванипур — это новаторство. Она одна из первых отошла от привычных канонов и обратилась к психологизму, начала использовать нетипичные литературные приемы для отражения наиболее проблем многих иранских женщин. Более поздние работы Раванипур были написаны в жанре магического реализма, что является абсолютной противоположностью дореволюционному соцреализму.

Выводы

Творчество Мониру Раванипур носит новаторский характер. Несмотря на то что М. Раванипур затрагивает такую социально значимую тему, как развод, писательница отходит от традиции социально ангажированной литературы Ирана середины XX в. с её прямолинейностью и склонностью к реализму. Рассказ Мониру Раванипур также отличается тонким психологизмом.

Список литературы

1. Akbar Aghajanian. Some Notes on Divorce in Iran // *Journal of Marriage and Family*. 1986. Vol. 48. № 4, pp. 749–755.
2. Mehranguiz Kar. Women and Personal Status Law in Iran: An Interview with Mehranguiz Kar / Mehranguiz Kar, Homa Hoodfar // *Middle East Report. Gender and Citizenship in the Middle East*. 1996. № 198, pp. 36–38.
3. Kamran Talattof. Iranian Women's Literature: From Pre-Revolutionary Social Discourse to Post-Revolutionary Feminism // *International Journal of Middle East Studies*. 1997. Vol. 29. № 4, pp. 531–558.
4. Kamran Talattof. The politics of writing in Iran. A history of modern Persian literature. 1st ed. New York, Syracuse: Syracuse University Press, 2000. 250 p.

Кривошеева М. В.

krivvosh@mail.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

МИФИЧЕСКИЕ СУ'БАН И ТИННИН: КТО ЭТО?

Аннотация: Исламская космография — это симбиоз традиций разных культур и народов, однако средневековые мусульманские ученые не просто бездумно переписывали уже имеющуюся информацию о мироздании и диковинных существах жанра «*'аджа'иб*», а интерпретировали ее, исходя из своих накопленных знаний и наблюдений. Частными случаями в наиболее полной космографии «Чудеса творений и диковинки существующего» Закарии аль-Казвини выступают два мифических существа — *су'бан* и *тиннин*, характеристики которых позволяют говорить о них как о едином существе, так и о двух самостоятельных.

Ключевые слова: *су'бан*, *тиннин*, мифические животные, исламская космография.

Keywords: *thu 'ban*, *tinnin*, mythical animals, islamic cosmography.

По мере того, как познания востоковедов о культурной составляющей и о мировоззрении изучаемых ими народов расширяются, большее значение придается сферам, прежде или остававшимся вне фокуса внимания академического сообщества, или изученным довольно поверхностно. В рамках научного подхода к формированию классической исламской культуры (здесь, конечно, стоит сразу определиться с географическими рамками — под классической исламской культурой будет пониматься культура территорий с арабо-персидским ядром, входивших в состав халифата), такими «второстепенными» областями оказались многие отрасли знаний. Они включали не только специфические сферы — такие как демонология, изыскания в рамках которой практически не выходили за пределы ознакомления с «каноническими» *джиннами* и *шайтанами*, несмотря на разнообразие исламской нечисти, но и гораздо более существенные, в том числе — космографию.

Исламская космография бесспорно являлась преемницей античной традиции, однако средневековые мусульманские ученые не просто

переводили и переписывали дошедшую до них информацию, а интерпретировали по-своему, опираясь на свои наблюдения. Огромную роль играл и доисламский бедуинский компонент, и картина мира, заложенная в Коране и Сунне пророка, и влияние традиций соседних народов, в первую очередь — персов. Так, к XI веку арабские ученые под влиянием иранской культуры стали включать в свои космографии произведения жанра «*аджә'иб*» (ар. *диковинки*), который позволял расширить круг обсуждаемых вопросов, и помимо системы мироздания, устройства и динамики развития семи небес и семи земель, а также базовых познаний о жизни на небе и на земной тверди, которые до этого были основным предметом изучения космологии, авторы стали в большей степени сосредотачиваться на деталях и частных случаях.

Одной из новых ключевых задач стала демонстрация разнообразия творений Аллаха. Описание удивительных далеких земель и необычных народов и животных, обитавших в них, несло не только развлекательную функцию, какую эти сюжеты имели в античной и иранской традициях и которая позволила ряду ученых рассматривать эти «мирабилии» как подобия сказок, но и более глубокую идею почти дидактического характера. Оно позволяло подчеркнуть всемогущество Всевышнего, а заодно — четко разграничить мир на «мы» и «они», наглядно продемонстрировав, какими аномальными, порой чудовищными, чертами наделены существа, живущие вне пределов исламского мира.

В том числе, космографы включали в свои трактаты данные о необычных животных, обладавших внешними или поведенческими аномалиями, само существование которых как бы оттеняло мир «чужого», в силу чего их изучение представляет огромный интерес с точки зрения формирования менталитета мусульманских народов. Тем не менее, данные о таких животных иногда излагаются непоследовательно и даже запутанно, порой арабская, иранская, античная традиции переплетаются между собой, в связи с чем возникает ряд вопросов. Если исходить из того, что исламский мир перенял у греков и римлян традицию точной, даже педантичной типологизации всего сущего, проявлявшуюся в ряде частных областей знаний, то, как характеризует развитие исламской космологии неопределенность и даже путаница при формировании описания единой системы мироздания?

Ответ на такой вопрос потребовал бы написания диссертации. Настоящее исследование будет посвящено частному случаю — двум

удивительным животным, чьи характеристики гипотетически позволяют отождествить их между собой.

Цель работы — на основе имеющихся характеристик определить, являются ли *су'б'ан* и *тинн'ин* одним и тем же существом, у которого есть две стадии развития, или же это два абсолютно различных мифических животных. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: выделить отличительные характеристики *су'б'ана*; выделить отличительные характеристики *тинн'ина*; выполнить развернутый анализ этих характеристик; сделать необходимые выводы.

Данное исследование базируется на сравнительном анализе текстов и их фрагментов. В качестве основного источника выступает наиболее полная и авторитетная космография в исламском мире, трактат «Чудеса творения и диковинки существующего» арабо-персидского ученого Закарии аль-Казвини. Также в качестве вспомогательных материалов привлекались современные исследования и энциклопедические статьи.

В первую очередь для достижения поставленной цели необходимо изложить и сравнить характеристики, которыми аль-Казвини наделяет двух рассматриваемых в докладе существ.

Су'б'ан в переводе с арабского языка значит «змея» [1, р. 202], но, несмотря на это, иногда его называют драконом [4, р. 4]. В основном, это существо обитает на землях нубийцев¹, а также в Индии. Это существо огромных размеров, самая малая особь которого может достигать пяти локтей в длину, а самая большая — более тридцати. Немаловажным представляется факт, что самцы гораздо более агрессивны, чем самки.

Что касается внешнего вида настоящего творения Аллаха, то у него на морде расположены два огромных глаза, подбородок, а также множество клыков. Те особи, которые населяют Индию, выделяются внешне от других: более крупные, окрас лицевой части черно-желтый, огромные пасти, а их брови нависают на глаза, а грива покрывает сверкающую шею.

Су'б'ан питается всем живым, а его физиологические особенности позволяют быстро переваривать все, что попало ему в пасть. Под воздействием внешних факторов, таких как обилие или нехватка пищи,

¹ Территории современных Судана и Южного Судана.

температура, су 'бāн приспособился к проживанию в различных средах: земная твердь, морские просторы, горная местность. Он без препятствий меняет место обитания. Также считалось, что органы су 'бāна обладают волшебными свойствами, например, сердце су 'бāна позволяет людям перенимать его храбрость, а если похоронить его голову в хорошем месте, то к тем, кто сделал это, несомненно, придет богатство и много добра [2, с. 430].

В статье «Древняя криптозоология» под редакцией Роберта Леблинга, основной текст которой составлен по материалам персоязычного трактата Хамдуллаха аль-Мустауфи (р. 1281 г.), также посвященного космографии, но чуть менее системного в общем плане и чуть более подробного в вопросах географии и биологии, упоминается, что когда особь су 'бāна достигает столетнего возраста, она превращается в дракона и со временем еще больше увеличивается в размерах [4, р. 4]. Тем не менее у Закарии аль-Казвини, несмотря на его тягу к изложению анализа максимально репрезентативной компиляции ранних сведений, похожего указания не было обнаружено.

*Тиннйн*² — в переводе с арабского языка «дракон» или «морское чудище» [5, с. 834]. Это творение Аллаха, помимо того, что представляет собой мифическое существо семитского происхождения, в других контекстах может предстать в виде созвездия дракона [6, с. 531]. Вероятно, в отношении созвездия стоит использовать перевод «дракон», а в отношении мифического создания — «морское чудище» или «морской змей», ввиду его внешних характеристик, о которых будет сказано ниже. *Тиннйн* как и су 'бāн проживает в районе Индии, а если конкретнее, то на острове *ат-Тиннйн* в море *аль-Хинд* (ар. Индийское море), а также в некоторых других областях, например, одного видели у берегов неподалеку от Антиохии [2, с. 113], и представляет собой огромное существо достаточно страшной наружности: при виде его любое живое создание коченеет от ужаса [4, р. 4]. Туловище *тиннйна* невероятной длины, на его голове выделяются два сверкающих глаза, большая пасть со множеством зубов, откуда вырываются яркие языки пламени, а от шеи отходит еще шесть шей, на которых находится по змеиной голове [2, с. 132–133], его цвет схож с окрасом леопарда,

² В западно-семитской литературе упоминается как «таннин». Название «таннин», а также его родственные формы с точки зрения этимологии можно найти в кумранских свитках, а также в еврейских, египетско-арамейских, сирийских, арабских и эфиопских текстах. Множество упоминаний об этом создании содержится не только в литературных текстах, но и в канонических, например, в Библии.

а все тело покрыто чешуей, как у рыб [3, с. 227]. Данный вид дракона, безусловно, как и *су'б'ан*, мог обитать и на суше, и в водной среде. Переселившись в воду, *тиннийн* отращивал крылья-плавники, совсем как у рыб, для упрощения перемещения.

Повадки *тиннийна* едва ли отличались оригинальностью: он занимался тем, что выискивал и поедал добычу, причем в пищу годилось любое живое существо. Аль-Казвини упоминает, что арабы знали, когда *тиннийн* перемещается в водной среде: движение его огромной туши вызывало волнение на море, а порой, насытившись вдоволь морскими обитателями, дракон всплывал на поверхность, чтобы жаркое солнце помогло ускорить процесс переваривания пищи в его желудке, и вскоре после этого он вновь мог бы пуститься на охоту. Плоть *тиннийна* имела некоторые магические свойства, например, если ее вкусить, то можно набраться мужества [2, С 132–133]. Тем не менее, в силу ужасающей мощи этого существа, люди не решались охотиться на него — настоящей властью над *тиннийном* обладал только Аллах, а из людей победу над драконом (хитростью, а не силой) смог одержать лишь легендарный Зӯ-ль-Карнейн¹ [2, с. 113].

В некотором смысле, можно утверждать, что данные существа могут быть тесно связаны друг с другом: например, *су'б'ан* — первая стадия жизни *тиннийна* (до ста лет), после чего происходит перерождение и это творение Аллаха уже становится полноценной особью *тиннийна*. Действительно, этому тезису, выдвинутому Р. Леблингом, можно найти подтверждения. Во многом внешность существ схожая: они оба обладают огромными размерами, длинным туловищем, большими ужасающими глазами и пастью со множеством зубов. У них одинаковое место обитания — Индия, Индийское море, схожий образ жизни — оба могут обитать как на суше, так и в море. Один и тот же рацион питания: все живое в пределах видимости. Исходя из этого, данные существа вполне могли быть одним и тем же созданием, только в два разных временных цикла.

С другой стороны, в отношении *тиннийна* это не единственные черты во внешности, у него их больше: под водой имеет плавники, а от шеи отходит еще шесть шей с головами змей. Ряд различий во внешнем виде при общем сходстве повадок позволяет говорить о том,

¹ Зӯ-ль-Карнейн (Искандер) — праведник, который уничтожил тиннийна. Во многих текстах отождествляется с Александром Македонским.

что эти существа могут представлять общий для многих культур архетип дракона, однако знакомство с двумя этими типами могло состояться разными путями: например, *тиннйн* — заимствованный элемент из западносемитской мифологии, а *су'б'ан*, предположительно, может происходить из мифологии Восточной Азии.

Исламская космография с ее «диковинным» компонентом, возможно, позволит приоткрыть завесу над многими вопросами, как в сфере изучения самого менталитета исламских народов, так и при изыскании основных образов, сюжетов, архетипов, их источников и того культурного влияния, которое окружающие регионы оказали на исламский мир, а исламский мир — на них.

Список литературы

1. Камаль ад-Дйн Ад-Дамйрй. Хайāt аль-Хайавāн аль-Кубрā (Великая жизнь животных). URL: [<http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra.pdf>] (дата обращения: 10.10.2020).
2. Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini`s. Kosmographie / her. F. Wüstenfeld. — In 2 Theiler. Erster Theil. Die Wunder der Schöpfung. Göttingen: Verlag der Dieterichschen Buchhandlung, 1848.
3. Юрченко А. Г. Книга катастроф. Чудеса мира в восточных космографиях. СПб.: Евразий, 2007. 256 с.
4. Ancient Cryptozoology. / Edited by Robert W. Lebling. URL: [<https://ru.scribd.com/document/49459067/Ancient-Cryptozoology>] (дата обращения: 13.10.2020).
5. Dictionary of deities and demons In the Bible: (DOD) / Edited by Karel van der Toorn. Leiden: Boston: Köln: Brill, 1998.
6. The encyclopedia of Islam / Edited by J. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel & W. P. Heinrichs. Vol. X. Leiden: E. J. Brill, 2000.

Кутовых Д. Д.
vifsla2000@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университет

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЗАРАТУШТРЫ В ДАБИСТАН-И МАЗАХИБ

Аннотация: в статье рассматривается история написания и проблема авторства могольского сочинения XVII века «*Dabistān-i maḏāhib*», а также анализируются источники, использованные автором при написании ее раздела, посвященного мифической биографии пророка Заратуштры и ее содержание.

Ключевые слова: культура и религии Азии и Африки, зороастризм, персидская литература, Могольская Индия.

Keywords: cultures and religions of Asia and Africa, Zoroastrianism, Persian literature, Moghul India.

Данная статья посвящена жизнеописанию пророка Заратуштры, изложенному в книге «*Dabistān-i maḏāhib*» (далее в тексте «*Дабистан*») — сочинении, написанном в Могольской Индии в середине XVII века. Авторство сочинения точно не установлено, по последним данным приписывается некому Мубад-Шаху Зу-л-Фикару 'Али Хусайни.

Об авторе «*Дабистана*», к сожалению, известно немного. Мы до сих пор не можем назвать с полной уверенностью даже его имя. Дело в том, что автор нигде не назвал себя на страницах своего произведения, а упоминал о себе не иначе как об «авторе», «писце» и т. п. В связи с этим исследователям «*Дабистана*» с самого начала изучения этой книги приходилось строить догадки относительно ее авторства по косвенным намекам и указаниям в тексте, касающимся личности и жизни автора [4, с. 14].

Исследование «*Дабистана*» началось в 1787 г., когда английский востоковед Вильям Джонс первым из европейских ученых получил возможность ознакомиться с этой книгой [3, с. v-vi].

Скорее всего, именно по его рекомендации Фрэнсис Глэдвин в 1789 г. опубликовал в Калькутте перевод первой главы книги. В том же 1789 г. В. Джонс на заседании Азиатского Общества Бенгалии про-

читал доклад, в котором назвал автором «Дабистана» мусульманского путешественника Мухсина Фани Кашмири [5, с. 20].

Эта точка зрения оставалась единственной в научном сообществе вплоть до 1818 г., когда Ванс Кеннеди выступил с ее опровержением. Вильям Эрскин независимо от своего коллеги в том же 1818 г. прочитал лекцию в литературном обществе Бомбея, в которой назвал автором «Дабистана» Зу-л-Фикара 'Али, известного также как Мубад-Шах [5, с. 20–21].

Фатхаллах Муджтабаи в своей статье 1993 года утверждает, что наиболее распространенным ныне взглядом на авторство «Дабистана» является признание его за Миром Зу-л-Фикаром Ардистани, более известным под своим литературным псевдонимом Мулла Мубад или Мубад-Шах [6].

Если принять точку зрения Ф. Муджтабаи и допустить, что автором «Дабистана» является Мубад-Шах, то из дивана его стихотворений можно также сделать некоторые выводы о его биографии. Скорее всего, он родился в персидской шиитской семье, но стал последователем парсийской секты «*Азар Кайван*» еще в детстве. Большая часть «Дабистана» была написана им во время правления могольского императора Шах-Джахана (правил 1628–1657 гг.) в ходе многочисленных путешествий по Индии с целью изучения различных верований. В 1649–1653 гг. он жил в Калинге на восточном берегу Индостана, чтобы избежать преследований исламских богословов-традиционалистов. Упоминание о смерти Шах-Джахана указывает на то, что Мубад-Шах еще был жив в 1666 году. Вероятно, именно жесткая религиозная политика преемника Шах-Джахана императора Аурангзеба, запрещавшая распространение каких-либо идей, кроме исламских, послужила причиной того, что автор нигде в книге не упоминает своего имени. Он или кто-то из его близких друзей постарался исключить всякие намеки на его личность, чтобы избежать преследований [6].

Написание «Дабистана» было начато в 1645/46 гг. и завершено в период между 1652/53 и 1658/59 гг. [5, с. 19–20].

Текст «Дабистана» включает 12 глав-«наставлений» (*ta'lim*). В свою очередь, каждая из глав делится на несколько разделов-«мнений» (*naẓar*). В каждой главе рассказывается об одном из религиозных течений. Наибольшей по объему главой является первая, посвященная парсам. Она примерно равна по объему всем остальным одиннадцати главам вместе взятым. Первая глава разделена на пятнадцать разделов, посвященных различным общинам, таким как «*Синасийан*», «*Азар*

Кайван» и другие. Убеждения последователей этих общин во многом основываются на греческой философии, сабеизме и индуизме. Лишь в последних двух разделах первой главы приводятся воззрения, характерные собственно для зороастризма — в четырнадцатом в соответствии с его «канонической» версией, а в пятнадцатом — присущие маздакитскому движению. Именно в четырнадцатом разделе первой главы книги «*Дабистан*» содержится легендарная биография пророка Заратуштры, которая является предметом исследования данной работы.

В ходе своего изложения мифической биографии Заратуштры автор «*Дабистана*» регулярно делает ссылки на свои источники. Его устные источники определены как «мудрецы благой веры». Очевидно, что так автор ссылается на живых носителей парсийской традиции, с которыми он непосредственно общался во время своего пребывания в Гуджарате — центре зороастрийской общины Индии.

Главным письменным источником автора была поэма «*Зартушт-нама*» — самый ранний датируемый зороастрийский текст на новоперсидском языке. Согласно последним данным, эту поэму написал Кай-Кавус ибн Кай-Хусрав ибн Дара в XIII в. в городе Рей на основе среднеперсидских источников, имевшихся в распоряжении верховного зороастрийского жреца этого города. В 1278 г. Зартушт Бахрам ибн Пажду в городе Бижанабад сделал самую раннюю дошедшую до нас копию этой поэмы. Она содержит примерно 1530 *бейтов* и излагает историю жизни пророка Заратуштры. Ее композиция сильно повлияла на последующую зороастрийскую литературу на новоперсидском языке. При ее написании автор пользовался многими среднеперсидскими текстами, которые не дошли до наших дней. Именно поэтому поэма имеет особую ценность как уникальный источник сведений о верованиях иранских зороастрийцев в Средние века [2, с. 530–531].

Второй важный письменный источник жизнеописания Заратуштры в «*Дабистане*» — книга «*Шаристан*» (полное название *Šāristān-i Šahār Šaman* — «*Город четырех лугов*»), написанная Бахрамом ибн Фархадом (ум. в 1624/1625 г.), членом той же парсийской общины «*Азар Кайван*», к которой, скорее всего, принадлежал и автор «*Дабистана*». В ней содержатся сведения об иранской мифической истории, переплетенные с информацией об известных участниках секты, о том, как они вступили в нее, и об их религиозных спорах с ведущими религиозными мыслителями Сефевидского Ирана и Могольской Индии [2, с. 539].

К сожалению, о третьем авторе Мубаде Суруше Йаздани и двух его трудах, на которые ссылается автор «*Дабистана*» — книгах «*Михин*» и «*Сахи кишан*» («Правильные вероисповедания»), нам пока не удалось найти какой-либо информации, кроме того факта, что автор «*Дабистана*» встречался с ним лично в 1626/1627 г., о чем говорится на страницах сочинения [5, с. 17].

По своей сути изложение биографии пророка Заратуштры в «*Дабистане*» является кратким пересказом в прозе поэмы «*Зартушт-нама*». Пересказ иногда сопровождается ссылками на два других письменных источника, а также словами «*мудрецов благой веры*» и его собственными замечаниями. Сведения этих источников качественно отличаются от тех, где автор пересказывает содержание «*Зартушт-нама*». В основном они представляют собой сложные теоретические построения теологического характера.

Например, непосредственно изложению биографии Заратуштры предшествует описание сложной концепции создания его духа, при упоминании которой автор ссылается на книгу «*Шаристан*» Фарзана Бахрама ибн Фархада Йаздани. Дух Заратуштры был создан соединенным с деревом жизни, которое является источником всех плодов и первичным разумом. Соответственно, и дух Заратуштры воспринимается как выражение первичного разума [1, с. 98].

Жизнеописание Заратуштры можно разделить на три части: «Детство», «Откровение» и «Проповедь».

Часть «Детство» представляет собой последовательное описание рождения будущего пророка и неудачных попыток колдунов, чародеев, дивов, прочих поклонников Ахримана и сторонников старой веры погубить Заратуштру во младенчестве, чтобы не допустить исполнения пророчеств, согласно которым он должен разрушить старый порядок и смести их с лица земли, провозгласив на земле закон истинного Бога.

«Откровение» содержит в себе описание мистического путешествия пророка на Небеса при помощи Амешаспента Бахмана и описание непосредственного общения с Богом и семью Амешаспентами, которые сообщают ему основы веры.

В части «Проповедь» описано появление Заратуштры при дворе царя Гиштаспа, его споры и конфликты с придворными мудрецами и философами, заключение в темницу по их навету, легенды о чудесном исцелении черного коня, исполнении четырех желаний и обращение царя Гиштаспа в «благою веру».

Таким образом, исследование показало, что восприятие образа пророка Заратуштры автором сочинения «Дабистана», членом одной из парсийских сект XVII в., практически не отличалось от представлений, которые бытовали среди иранских зороастрийцев в XIII в. и нашли свое отражение в поэме «Зартушт-нама». Многие мотивы, изложенные в исследованном нами отрывке «Дабистана», можно встретить не только в этой поэме, но и в уцелевших до наших дней зороастрийских сочинениях, например, в «Денкарде» или «Бундахишне». Некоторые из мотивов и вовсе восходят к Авесте, в частности, к Гагам.

Не менее важным фактом является то, что, помимо хорошо известной поэмы «Зартушт-нама» автор «Дабистана» ссылается также на устные предания его единоверцев и парсийские сочинения, написанные его старшими современниками, в том числе те, которые не упоминаются в других источниках. Таким образом, жизнеописание Заратуштры в «Дабистане» можно считать оригинальной авторской компиляцией, заслуживающей внимания в первую очередь в качестве документального свидетельства того, как образ зороастрийского пророка воспринимался индийскими парсами в начале Нового времени.

Список литературы

1. Чунакова 2004: Чунакова О. М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М.: Восточная литература, 2004.
2. Sheffield 2015: Daniel D. Sheffield. Primary sources: New Persian // The Wiley Blackwell Companion to Zoroastrianism, edited by Michael Stausberg and Yuhan Sohrab-Dinshaw Vevaina with the assistance of Anna Tessmann. Chichester: John Wiley & Sons, Ltd, 2015, p. 529–542.
3. Troyer and Shea 1843: The Dabistan, or School of Manners, Translated from the original Persian, with notes and illustrations, by David Shea, of the Oriental Department in the honorable East India Company's College; and Anthony Troyer, member of the Royal Asiatic Societies of Great Britain and Ireland, of Calcutta and Paris, and of the Ethnological Society of Paris; edited, with a preliminary discourse, by the latter. Volume 1. Paris: printed by Madame ve Dondey-Dupreu, 1843. 380 p.
4. Дабистан 1983:
کیخسرو اسفندیار. دبستان مذاهب (مجلد اول) به اهتمام رحیم رضازاده ملک — تهران:
شرکت چاپ گلشن، ۲۶۳۱–۳۹۳ صفحه

(kay khosrow esfandiyār. dabistān-i mazāhib (mojallad-e avval) be ehtemām-e rahim rezazāde-ye malek — tehrān: šerkat-e čāp-e gulšān 372 safhe — 1362).

5. Малек 1983:

کیخسرو اسفندیار. دبستان مذاهب (مجلد اول) به اهتمام رحیم رضازاده ملک — تهران: شرکت چاپ گلشن، ۲۶۳۱-۳۹۳ صفحه

(kay khosrow esfandiyār. dabistān-i mazāhib (mojallad-e avval) be ehtemām-e rahim rezazāde-ye malek — tehrān: šerkat-e čāp-e gulšān 372 safhe — 1362).

6. Mojtabā'ī 2011: Faḥ-Allāh Mojtabā'ī. *Dabestān-e maḏāheb* // *Encyclopædia Iranica*. 11.11.2011. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/dabestan-e-madaheb> (дата обращения: 11.05.2020).

Куцанкина Е. С.

eskutsankina@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

РОЛЬ ШИИТСКОГО ДУХОВЕНСТВА В «ИСЛАМСКОМ ПРОБУЖДЕНИИ»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСОВ В ИРАНСКИХ И ЗАПАДНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Аннотация: Статья посвящена проблеме создания исторического нарратива и конструирования прошлого в официальном дискурсе Исламской Республики Иран как одного из источников легитимации для современной иранской власти.

Ключевые слова: «Исламское пробуждение», духовенство, шиизм, Конституционная революция в Иране.

Keywords: «Islamic awakening», clergy, shi'ism, Constitutional revolution in Iran.

Активной политизации ислама и попыткам воплотить в жизнь программы исламистов в последней трети XX — начале XXI века предшествовал период постепенной активизации исламского духовенства¹ в различных частях мусульманского мира приблизительно с конца XIX века. Данный период в иранском общественно-политическом и научном дискурсе получил название «Исламское пробуждение». В иранских источниках под этим понятием имеют в виду постепенное повышение осознанности среди мусульман, желание вернуться к основам ислама и создать политическую систему на основе шариата. Западные исследователи, в свою очередь, рассматривая т. н. «Исламское пробуждение» как политический конструкт, понимают под этим феноменом процесс постепенной политизации ислама.

¹ В данном контексте слово «духовенство» используется для обозначения шиитских религиозных ученых, т. е. улемов (араб. 'ulamā' — мусульманские теологи; высшее сословие богословов и законовевов в странах распространения ислама).

Опираясь, с одной стороны, на перевод фрагмента из иранского школьного учебника², с другой — на авторитетные работы отечественных³ и западных⁴ иранистов, данное исследование ставит своей целью проанализировать и сравнить дискурсы об одном и том же историческом процессе в этих источниках. Важно отметить, что так как тексты школьных учебников проходят контроль со стороны Министерства образования Ирана, то информацию, содержащуюся в них, вполне уместно считать официальной точкой зрения на описываемые события.

Понимание того, как преподносится данный процесс в иранском научном и общественно-политическом дискурсе представляется важным, поскольку может дать ответы на многие вопросы касательно современного положения дел в Иране. Именно с «Исламским пробуждением» аятолла Рухолла Хомейни (1902–1989) связывал Исламскую революцию и концепцию «исламского правления», реализуемую сейчас в стране.

В первую очередь стоит обратить внимание на некоторую односторонность рассуждения об «Исламском пробуждении» в анализируемом иранском источнике. Этот процесс в нём описывается исключительно с положительной точки зрения как справедливая борьба с западным колониализмом и внутренней тиранией правителей, а возвращение религии в социальную и политическую жизнь представляется единственным возможным решением в сложившейся ситуации. В то же время в научных работах предлагается более критическое осмысление рассматриваемого процесса; авторы трудов не пытаются дать однозначную оценку деятелям того периода, будь то шиитское духовенство или либеральные реформаторы.

Важно отметить, что в исследуемый период, т. е. на рубеже XIX–XX вв. влияние шиитских *'улама*⁵ на простых людей было очень велико; именно они являлись проводниками всех новых идей в общество,

² Велаяти А. А. Исламское пробуждение. Современная история Ирана: учебное пособие / Тегеран: иранское издательство учебных пособий, 1392 г. (2014 г.).

Данный источник представляет собой часть школьного учебника по истории Ирана, в котором даётся развернутое описание целей, предпосылок, особенностей и хронологии событий т.н. «Исламского пробуждения».

³ Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М.: ИВ РАН, 1998.

⁴ Algar H. Religion and State in Iran 1785–1906: The Role of the Ulama in the Qajar Period. Berkley, Los Angeles: University of California press, 1969.

⁵ *Улама* (араб. علماء *'ulamā'*) — мусульманские теологи; высшее сословие богословов и законовевов в странах распространения ислама

в том числе и идеи «пробуждения» ислама. Положительное влияние духовенства и его ведущая роль в т. н. «Исламском пробуждении» является одним из лейтмотивов анализируемого иранского источника. Однако продвигаемый в учебнике образ «Исламского пробуждения» как процесса, способствующего повышению осознанности мусульманского общества и возрождению мусульманских ценностей [2, с. 1], ставится под сомнение в работе Е. А. Дорошенко «Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911, 1978–1979». Так, монография показывает, что на рубеже XIX–XX вв. шиитские *‘улама* подвергались суровой критике со стороны многих иранских просветителей, а также будущих участников Конституционной революции (1905–1911). Эти деятели обвиняли шиитское духовенство в том, что то держит народ во тьме и невежестве, занимаясь тем временем собственными распрями и религиозными спорами, а также попытками усилить своё влияние на торговцев, ремесленников и широкие массы [3, с. 68]. Заявляя, что борьба с шахской тиранией является одной из главных целей «Исламского пробуждения», *‘улама* тем не менее занимали непримиримую позицию по отношению к светскому образованию. В то же время иранский ученый Незам Кермани считал, что именно образование способствует повышению сознательности людей и способствует избавлению от гнета со стороны правителей: «Надо предоставить прежде всего право на образование, чтобы народ никогда не знал гнета и тирании» [3, с. 21]. Необходимо отметить, что интеллигенция вовсе не отрицала значения ислама в жизни иранцев. Так, иранский историк Махди Малекзаде утверждал, что в Коране содержатся все установления для избавления народа от бед, притеснений и безнравственности, а «путь, указанный пророком, должен нести пользу людям» [3, с. 68]. Однако по словам историка, *‘улама* практически не знакомили народ с истинными принципами ислама. В работе Е. А. Дорошенко показано, что многие деятели того времени обвиняли *‘улама* в тщеславии, обскурантизме и нарочном скрывании от народа принципов истиной веры. Следовательно, трудно говорить о том, что деятельность духовенства каким-либо образом способствовала развитию сознательности у простых людей и возрождению среди них истинных мусульманских ценностей.

Полное непринятие духовенством государственного строя, шахской диктатуры и тирании обозначено в иранском источнике как одна из главных особенностей «Исламского пробуждения». На основе анализа работы Е. А. Дорошенко мы можем сказать, что в действительности отношение многих *‘улама* к шаху менялось в зависимости от их лич-

ной заинтересованности. Так, перед активизацией конституционного движения и на его начальных этапах *'улама* заключили союз с близкой им по некоторым идейным положениям зарождавшейся национальной интеллигенцией, выступавшей, как и они, за ограничение полномочий шаха, против его деспотии и репрессий. Однако на следующих этапах конституционного движения *'улама* осознали, что оно движется в сторону демократизации и впоследствии может привести к лишению их многих, веками закрепленных за ними привилегий. По этой причине многие *'улама* перешли в ряды оппозиции конституционалистам и выступили против созыва меджлиса, заключив союз с шахом Мохаммадом Али (1872–1925). Таким образом, нельзя утверждать о полном непринятии духовенством шаха. Можно предположить, что для многих *'улама* приоритетной задачей было, скорее, сохранение своего привилегированного положения, нежели провозглашаемая авторами учебника защита народа от деспотии.

Выстраивая исключительно положительный образ шиитского духовенства, официальный дискурс зачастую обходит стороной негативные черты представителей этого сословия, а также избегает критической оценки их деятельности. В этом контексте является показательным образ религиозного деятеля аятоллы Али Кани (1805–1888). В то время как в иранском источнике его характеризуют как борца за свободу, защитника национальных интересов Ирана и его народа перед лицом колониалистов и деспотичной власти шаха [2, с. 15], монографии Е. А. Дорошенко и Х.Алгара содержат множество свидетельств, раскрывающих негативную сторону его деятельности. Так, в своей работе Хамид Алгар пишет о том, что во время правления Насир ад-Дин-шаха аятолла Кани заключил соглашение со светской властью, и все шариатские дела государственной важности при посредничестве Сейида Бакира Джамарани переходили под его юрисдикцию [1, с. 179]. В ответ на дарование судебных полномочий аятолла Кани раз в год отдавал приказ об облаве на «злачные места» Тегерана, после чего их обитательницы вынуждены были давать взятки городской администрации и полиции, чтобы получить негласное разрешение вернуться к своей деятельности. Были у аятоллы Кани и другие источники заработка: он владел амбарами с огромным количеством зерна, которое затем продавал населению по завышенным ценам, часто во время голода. Об этом нам известно из писем садразама¹ Мирзы Хосейн-хана Сипахсалара

¹ Садразам (араб. صدر اعظم *sadr-i-a'zam*) — премьер-министр.

(1827–1881) Насир ад-Дин-шаху (1831–1896). Среди представителей духовенства подобными махинациями со складированием зерна и последующей его продажей населению по завышенным ценам занимались также Ага Наджафи и Хаджи Мирза Джавад. Стоит отметить, что сам Сипахсалар во время голода 1871 года пожертвовал запасами своего домохозяйства, чтобы помочь нуждающимся.

В целом, деятельность Сипахсалара, как и деятельность любых других западно-ориентированных реформаторов, подвергается критике в иранском источнике. Не выражая напрямую неодобрительное отношение к реформаторам той эпохи, авторы учебника делают это имплицитно, через высказывания *‘улама*, давая тем самым понять, что эти деятели воспринимаются ими негативно. В частности, из источника мы узнаём, что аятолла Кани осуждал реформистскую деятельность Сипахсалара, поскольку считал её источником угрозы для религии и главной причиной зависимости Ирана [2, с. 15]. Между тем в своих работах Х. Алгар и Е. А. Дорошенко не дают реформаторам однозначной — положительной или отрицательной характеристики, стараясь приблизиться к наиболее объективному взгляду на их деятельность. Анализируя научные источники, можно прийти к выводу, что зачастую критика *‘улама* в сторону авторов различных проектов устройства Ирана по западному образцу базировалась на страхе духовенства перед модернизацией страны, поскольку она могла бы привести к лишению их многих привилегий. Например, *‘улама* выступили с резкой критикой предложения Сипахсалара о создании кабинета из 10 министров в первую очередь потому, что само по себе укрепление государственной власти не было в их интересах. Более того, кабинет министров был интерпретацией западных моделей управления, то есть в основе этой реформы лежали чуждые *‘улама* идеи. Сипахсалар стремился реформировать государство, проводя законодательные и административные реформы по западному образцу и, как обозначил эту цель позже его советник Малком-хан (1834–1908), хотел провести «ассимиляцию европейской цивилизации без иранской адаптации» [1, с. 172]. В этом случае для *‘улама* не осталось бы места в управленческих кругах, и их отрицательная реакция на деятельность Сипахсалара, таким образом, очевидна.

Сравнительный анализ позволяет сделать вывод о том, что официальный дискурс во многом строится на безоговорочном одобрении духовенства и критике «прозападных» деятелей либерального толка. В иранских источниках «Исламское пробуждение» представлено как цельный и непрерывный процесс противостояния возглавляемого духовенством

иранского народа западному колониализму и тирании монархов. При этом бросается в глаза тот факт, что деятельность реформаторов-либералов преподносится очевидно в негативном ключе; им не посвящено ни одной отдельной колонки в учебнике, а их имена встречаются лишь в контексте противостояния с духовенством. Учитывая, что в учебнике духовенству отводится, несомненно, положительная роль, негативные высказывания представителей этого сословия в сторону реформаторов могут восприниматься как скрытая позиция авторов учебника. Любые либеральные идеи, не соответствующие установлениям Корана и нормам шариата, отрицаются и преподносятся официальным дискурсом как разрушительные. В то же время научные источники по данной теме предлагают более широкий и объективный взгляд на события и деятелей т. н. «Исламского пробуждения». Не преуменьшая роль и влияние духовенства в обществе, такие авторы, как Х. Алгар и Е. А. Дорошенко говорят о том, что многие представители духовенства действовали не в интересах народа, а, скорее, искали выгоду для себя. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что официальный дискурс пытается выстроить цепочку преемственности духовных лиц, некий закономерный процесс, кульминацией которого стала победа Исламской революции в 1979 г. Иными словами, нынешнее правительство Исламской республики Иран стремится легитимизировать свое нахождение у власти и, собственно, политическую систему «веляят-е факих»¹ посредством конструирования нарратива т. н. «Исламского пробуждения», последовательно выстраивая исключительно положительный и непротиворечивый образ явления без должной критической оценки.

Список литературы

1. Algar H. Religion and State in Iran 1785–1906: The Role of the Ulama in the Qajar Period / Berkley, Los Angeles: University of California press, 1969.
2. Веляти А. А. Исламское пробуждение. Современная история Ирана: учебное пособие. Тегеран: иранское издательство учебных пособий, 1392 г. (2014 г.).
3. Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М.: ИВ РАН, 1998.

¹ Веляят-е факих (перс. ولایت فقیهه velāyat-e faqih) — «власть факиха», современная шиитская государственно-правовая доктрина, предусматривающая верховенство религиозных полномочий факиха (наиболее авторитетного знатока исламского законодательства) в сфере законодательной, исполнительной и судебной власти.

Параскун М. П.
mariiparaskun@gmail.com
Санкт-Петербургский государственный университет

КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ГОРОДСКИХ ЛЕГЕНД ЯПОНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

Аннотация: Работа рассматривает городские легенды Японии второй половины XX — начала XXI века и описывает жанровые особенности, исходя из контекста современной японской культуры.

Ключевые слова: городские легенды Японии, культурный контекст, бинарные оппозиции, фольклор.

Keywords: urban legends of Japan, cultural context, binary opposition, folklore.

Изучение современного городского фольклора представляется одним из наиболее значимых направлений исследований не только в отечественной, но и в мировой фольклористике и культурной антропологии. В связи с угасанием и постепенным исчезновением классического устного фольклора, распространённого преимущественно в деревенской среде, внимание учёных привлекают жанры несказочной прозы, представленные как в устной, так и в письменной форме среди горожан. Данная работа посвящена одному из таких жанров, а именно городским легендам Японии второй половины XX — начала XXI века.

Цель работы состоит в описании жанровых особенностей городских легенд Японии в контексте современной японской культуры.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: дать определение термину «городская легенда», охарактеризовать специфику городских легенд и влияния на них СМИ, изучить пространственно-временную организацию японских городских легенд, а также описать систему персонажей.

Работа носит междисциплинарный характер: в ней используются методы, актуальные как для фольклористики, так и для литературоведения.

Городские легенды исследовались на материалах, помещённых на сайтах reddit.com, 5ch.net, 恐怖の泉.com (яп. «кё:фу но идзуми»),

kowabana.jp и др. В связи с тем, что в ходе работы не представлялось возможным зафиксировать факт устного бытования городских легенд, все выводы будут основываться на доступных текстовых источниках.

Термин «городская легенда» появился относительно недавно, и вопрос о выделении данного типа легенд в отдельный жанр всё ещё остаётся спорным среди исследователей. Сам термин начал широко употребляться на Западе в начале 1980-х гг. после выхода книги Я. Г. Брунванда «The Vanishing Hitchhiker». Помимо определения «городская легенда» в фольклористике также распространены и другие: «современная» и «новая» легенда. При этом важно отметить, что местом действия не обязательно является город. Однако «городская легенда» является устоявшимся определением для того типа произведений, о которых пойдёт речь в этой работе.

Городская легенда обладает характеристиками традиционной фольклорной формы легенды: анонимностью, вариативностью, установкой на действительность, связью с недавним прошлым, эпизодичностью, устной передачей от одного человека к другому. Городская легенда служит для формирования и регулирования поведения, принятого в обществе, так как описывает нарушение некоторых запретов и последствия этих нарушений.

Главное её отличие от традиционной легенды состоит в сюжетике и её источниках. Городская легенда часто отражает социальные проблемы, вызывающие напряжение и чувство угрозы в обществе, то есть она обладает актуальным содержанием, а порталом для злых духов в мир людей всё чаще становятся экраны телевизоров и компьютеров.

Примечательно, что до недавнего времени, а именно до начала активного использования интернета людьми, классические СМИ (телевидение, радио, газеты) являлись и источниками сюжетов для городских легенд, и одновременно каналами, через которые городские легенды распространялись в дальнейшем. Иногда активное упоминание городских легенд в СМИ, а также повсеместное использование их героев в художественных произведениях, вызывает настоящую панику в обществе. В конце 1970-х годов в Японии городская легенда о 口裂け女 (яп. «кутисакэ онна», рус. «женщина с разрезанным ртом»), которая убивает и уродует детей, была настолько популярна среди населения и растиражирована СМИ, что полицейским некоторых префектур поручили дополнительно патрулировать улицы, чтобы дети в безопасности добрались до дома [3, с. 702].

В последнее время в связи с повсеместным использованием интернета городская легенда перестаёт быть исключительно устным повествованием. Но, несмотря на это, она сохраняет разговорный характер за счёт письменной организации текста и применения знаковых способов передачи интонации и эмоций. городская легенда, попадая в сеть или же рождаясь там, сразу же начинает жить по принципу из уст в уста, так как пользователи, распространяя и обмениваясь текстом, могут свободно его редактировать и дополнять. Посредством интернет-коммуникации утрачивается и авторство, которым в сети обычно выступает имя пользователя.

Одной из главных составляющих смысловой структуры 都市伝説 (яп. «тоси дэнсэцу», рус. «городские легенды») является время. Оно размыто и практически никак не обозначается по отношению к какому-либо историческому периоду, за исключением того, что время в тоси дэнсэцу всегда отнесено к недавнему прошлому и стремится настигнуть слушателя или, в случае с интернет-легендами, читателя. Городская легенда стремится совпасть со временем рассказывания или прочтения и так приспособиться к окружающей действительности, чтобы стать актуальной, тем самым достигнув более глубокого воздействия на чувства и страхи людей, апеллируя к личному опыту каждого. Центром повествования в тоси дэнсэцу является однократный опыт, поэтому время внутри сюжета укладывается в короткий промежуток — сутки, один день или ночь, несколько часов.

Также одной из важнейших не только для городских легенд, но и для фольклора в целом, в том числе архаичного, является оппозиция «свой — чужой». «Своё» место определяется степенью изученности, которая уменьшается по мере удаления от места постоянного жительства. В качестве «чужого» часто выступают природа и места массового скопления людей, где человек чувствует свою уязвимость и может встретить мистические силы: леса, горы, железнодорожные станции, торговые центры и учебные заведения.

Традиционно безопасным место считалось замкнутое, освоенное человеком пространство, которое в тоси дэнсэцу представлено чаще всего домом. Однако постепенно границы между безопасным реальным миром и миром сверхъестественного становятся проницаемыми с помощью телефона или компьютера. Таким образом, дом утрачивает свою изначальную интерпретацию безопасного места. К примеру, в городской легенде о Мэри-сан, девочка получает звонок от своей куклы, которую ей пришлось выбросить из-за переезда. С каждым

звонком Мэри-сан становится всё ближе и ближе к новому дому, где живёт девочка, пока в конечном итоге не оказывается у той за спиной со словами 今あなたの後ろにいるの (яп. «има аната но усиро ни иру но»), рус. «сейчас я у тебя за спиной») [5, с. 2].

В тоси дэнсэцу количество персонажей не велико и составляет от двух до трёх действующих лиц. Обычно в истории обязательно присутствует протагонист-горожанин, ничем не выделяющийся из толпы, и антагонист, в качестве которого выступает некий злой дух. Центральной фигурой повествования становится последний. Такой вывод можно сделать на основе того объёма текста, который отводится этому персонажу, и, соответственно, по его степени участия в сюжете.

У отрицательного персонажа почти всегда присутствуют имя и детальная проработка образа. Даётся также его краткая биография, из которой, как правило, понятна мотивировка действий. Анализ этих деталей позволяет нам провести аналогию между отрицательными персонажами тоси дэнсэцу и 妖怪 (яп. «ё:кай») в традиционном японском жанре 怪談 (яп. «кайдан»).

Под ё:кай в Японии понимается феномен мистического, который берёт своё начало в синтоизме и является собирательным для таких различных сверхъестественных существ, как оборотни, духи, демоны и т. д. Японский культурный антрополог Комацу Кадзухико определял ё:кай как «трансцендентные явления или существования, связанные со страхом» [1, с. 134]. Ё:кай появляются в определённых местах, но в любое время суток, предпочитая, однако, рассвет или сумерки, и могут напасть на случайного человека без видимой причины. Но также ё:кай могут быть весьма дружелюбны по отношению к людям. Классификация ё:кай до сих пор является спорной темой среди исследователей, но традиционно к ним относят следующих существ: лисы-оборотни — 狐 (яп. «кицунэ»), демоны — 鬼 (яп. «они»), ожившие вещи — 付喪神 (яп. «цукумогами»), водяные — 河童 (яп. «каппа») и др.

Примечательно, что ряд фольклористов, в том числе и японских, не включают 幽霊 (яп. «ю:рэй»), которые близки к привычным нам привидениям, в классификацию ё:кай, а говорят о том, что ю:рэй представляют собой принципиально иной феномен. Они являются душами усопших, которые не могут найти покой в загробном мире по ряду причин, в числе которых выделяют насильственную смерть и незавершённые при жизни дела. Они, в отличие от ё:кай, могут появиться в любом месте, но исключительно ночью, и выбирают жертвой

человека по определённым критериям [2, с. 107]. Традиционно у ю:рэй отсутствуют ноги, что, по мнению одних, показывает их оторванность от мира и невозможность обрести покой, а, по мнению других, их чистоту и нежелание соприкоснуться с грязной землёй.

Возвращаясь к антагонисту в тоси дэнсэцу, можно заметить, что он представляет собой сочетание ё:кай и ю:рэй. Как правило, в роли злодея выступает женщина или молодая девушка, гораздо реже маленький мальчик, старик или брошенная вещь, которая старается вернуться к хозяину. Если в городской легенде даётся предыстория или биография данного персонажа, то практически во всех случаях мы видим, что девушку незаслуженно травили всю её жизнь, а смерть её была либо насильственным актом, либо самоубийством. Отсюда понятна мотивировка антагониста, которой становится жажда мести не столько обидчикам, сколько обществу в целом, которое допустило подобные насильственные действия.

В синтоизме граница между нечистью и 神 (яп. «ками», рус. «божество») зыбка и подвижна. Отражение этих представлений можно также найти в тоси дэнсэцу. В городской легенде о Касима-сан рассказывается история женщины, которая попала под поезд и теперь слоняется по городу без нижней части тела, пытаясь оторвать ноги у людей. Есть предположения, что эта городская легенда связана с богом грома, меча и войны Такэмикадзути (яп. «建御雷») или, как его ещё называют, Касима-но-ками (яп. «鹿島の神»), которому поклонялись многие. Однако после проигрыша во Второй мировой войне японцы отвернулись от божества. К этому же периоду относятся первые упоминания тоси дэнсэцу о Касима-сан (яп. «カシマさん») [4, с. 1].

Рассмотренные тоси дэнсэцу позволяют сделать вывод, что они имеют ряд жанровых характеристик, присущих городским легендам. Прежде всего, тоси дэнсэцу обладают установкой на действительность. Автор японских городских легенд остаётся неизвестным, даже несмотря на то, что в последние время *тоси дэнсэцу* распространяются преимущественно в интернете. Анонимность текстов обусловлена тем, что в городских легендах отражаются не столько индивидуальные представления и идеи автора, сколько общепринятые поведенческие паттерны японского общества. *Тоси дэнсэцу* также обладают гибкой повествовательной формой, что даёт возможность легко их трансформировать.

События в городских легендах отнесены к недавнему прошлому и стремятся всячески совпасть со временем прочтения, чтобы не утратить свою актуальность. Пространство в городских легендах можно

рассматривать при помощи бинарных оппозиций, самой важной из которых является оппозиция «свой — чужой». На её основе строятся все остальные пространственные противопоставления *тоси дэнсэцу*. Интересно, что дом перестаёт казаться местом, защищенным и безопасным, и становится местом, в которое могут проникнуть мистические силы.

Больше всего внимания в *тоси дэнсэцу* уделяется отрицательным персонажам. Как правило, у них есть имя и детальная проработка образа. Также иногда в городских легендах даётся краткая биография антагониста, из которой можно узнать, что чаще всего отрицательный персонаж представляет собой привидение, которое не может найти покоя в загробном мире. Иногда антагонистами становятся божества и вещи, о которых несправедливо забыли. У злых духов в *тоси дэнсэцу* есть много общего с ё:кай и ю:рэй. Они, как первые, могут появиться в любое время и напасть на того, кто случайно забрёл в место их обитания. При этом, как и ю:рэй, антагонисты в городских легендах это, как правило, женщины, стремящиеся отомстить обидчикам.

Таким образом, японские городские легенды демонстрируют национальное мышление и ментальность японцев, заключающиеся в отражении в современных устных нарративах традиционных синтоистских верований, влияния персонажей кайдан, а также нового пространственно-временного отношения к реальности.

Список литературы

1. Яковенко С. В. Образы ё: кай на страницах первых японских «Энциклопедий» // Россия и АТР. 2017. №. 2 (96). С. 128–140.
2. Яковенко С. В. Ёкай как важный фактор формирования японской культуры: исторический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. №. 3 (38). С. 105–116.
3. Foster M. D. The question of the slit-mouthed woman: Contemporary legend, the beauty industry, and women's weekly magazines in Japan // Signs: Journal of Women in Culture and Society. 2007. — Т. 32. №. 3. С. 699–726.
4. Kashima-san. (рус. «Касима-сан») [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kowabana.net/2018/06/30/kashima-san/> (дата обращения: 17.03.2019)
5. メリーさんの電話. (яп. «мэри:сан но дэнва», рус. «звонок от Мэри-сан») [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://恐怖の泉.com/kaidan/241wa.html> (дата обращения: 10.03.2019)

Реунова В. А.

vareunova@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

МОНСТРУОЗНОСТЬ ОБРАЗА КОШКИ В ЯПОНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Аннотация: В статье анализируется образ демонической кошки в японском фольклоре, выделяются китайский и буддийский аспекты данного образа, выявляются общие черты внешности, поведения и характера кошки-монстра, а также осуществляется попытка поиска причин, по которым эти животные стали вызывать страх у японцев. Помимо этого, в работе приводится краткая история кошки и ее образа в Японии.

Ключевые слова: японский фольклор, *некомата*, *бакэнэко*, образ кошки.

Keywords: Japanese folklore, *nekomata*, *bakeneko*, cat's image.

В современной Японии коты и кошки являются не только любимыми питомцами, но и отчасти неким брендом, сделавшим возможным успех различных местных предприятий от котокафе до торговой марки «Hello Kitty». Однако исторически образ кошки в Японии не был столь положительным, каким является сейчас: многочисленны рассказы о сверхъестественных кошках-монстрах, враждебно настроенных к человеку. Образ кошки в японском фольклоре сложен и многогранен, но в данной статье будет рассмотрено только его демоническое проявление, как менее изученное и остающееся на втором плане в рамках современного восприятия. К тому же, в работе было решено воздержаться от четкого разграничения между двумя видами фольклорных демонических кошек, *бакэнэко* и *некомата*, ввиду широкого списка общих черт.

Целью данного исследования является характеристика и анализ монструозных черт образа кошки в японском фольклоре. Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие задачи: во-первых, изучить историю появления кошек в Японии; во-вторых,

проследить, как монструозность образа кошки менялась со временем; в-третьих, установить признаки внешнего влияния на образ кошки в Японии, а также сделать предположения о причинах приобретения им монструозных черт; в-четвертых, описать общие характерные черты внешности, поведения и характера демонических кошек. В работе применялись следующие научные методы: культурно-исторический, мифологический, структурный. В рамках исследования были проанализированы сказки, взятые из сборника японского фольклориста Сэки Кэйго 関敬吾 (1899–1990)[6], в том числе, такие, как «Нэкто каботя» 猫と南瓜 («Кошка и тыква»), «Ниватори-но оцугэ» にわとりのお告げ («Пророчество курицы»), «Нэко-но одори» 猫の踊り («Кошачий танец»), «Нэко-то тягама-но фута» ネコと茶釜のふた («Кошка и крышка чайничка»), «Кадзия-но баба» 鍛冶屋の婆 («Старая мать кузнеца»).

1. Краткая история кошки в Японии

Прежде всего следует отметить, что, поскольку в Японии, вероятнее всего, не предпринимались массовые попытки одомашнивания диких кошек, мифологическо-летописные своды и древние исторические труды, такие как «Кодзики» 古事記 («Записи о деяниях древности», 712), ничего не сообщают о кошках [3, с. 8]. Большинство исследователей полагает, что домашняя кошка была привезена вместе с буддийскими сутрами, которые нуждались в защите от грызунов [1, с. 115–116] из Китая через Корею. Расхождения возникают, когда речь заходит о примерном времени их появления: некоторые источники утверждают, что это произошло в правление императора Итидзё 一条 (986–1011) [3, с. 8]; другие ссылаются на истории о возвращении одного из тэндайских монахов [3, с. 78], который вместе с драгоценными текстами привез кошку рыжего цвета; третьи высказывают предположение о том, что кошки попали в Японию из Кореи в эпоху Нара (710–794) [7, с. 110]. В любом случае, в связи с обозначенным происхождением, нужно выделить немаловажное влияние китайского и буддийского элементов, первый из которых определит некоторые черты монструозной кошки, а второй получит дальнейшее развитие в образе как демонической, так и благодетельной кошки.

На начальном этапе пребывания в Японии одомашненные коты были роскошью, которую могли позволить себе только императорская

семья и богатейшая знать. Однако к XIV в. кошки перестали быть редкостью и к ним уже не относились с быллым почтением [3, с. 76]. Именно с этого времени в литературе начинают появляться истории о демонических кошках, а один из терминов, обозначающих кошку-монстра, *нэкомата* 猫又, впервые был использован буддийским монахом Ёсида Кэнко 吉田兼好 (1283–1350) в «Записках от скуки» (яп. 徒然草, «Цурэдзурэгуса», 1330–1332) [3, с. 21].

Важным рубежом в истории монструозного образа кошки является конец XVII в., когда стали проследиваться как ослабление буддийского влияния, так и преобразование фигуры демонической кошки в оригинального демона-*ёкай* 妖怪 в связи с ассимиляцией образа кошки в японской среде. Другими словами, демоническая кошка обрела истинный облик «огненной колесницы», став монстром, который способен навредить не только скончавшимся грешникам, но и не особо удачливым людям с чистой совестью [7, с. 115].

Также стоит отметить, что в период Эдо (1603–1867) нравы и потребности японцев стали более приземленными и мирскими, в то же время возросла потребность в захватывающих развлечениях и зрелищах. По этой причине, в представлениях театра *кабуки* 歌舞伎 и устных рассказчиков *кодан* 講談 начали появляться манящие своей таинственностью кошки, которые обладали оккультной и злой силой [7, с. 118]. Складывались истории политико-социального содержания, такие как «Набэсима-но нэко» 鍋島の猫 («Кошка из Набэсима»), «Окадзаки-но нэко» 岡崎の猫 («Кошка из Окадзаки»), «Арима-но нэко» 有馬の猫 («Кошка из Арима»), затрагивавшие злободневные темы второй половины эпохи Эдо, а также сочинялись рассказы о кошках, оборачивавшихся красавицами для того, чтобы стать наложницами феодалов и подтолкнуть их к разрушению собственного надела [4, с. 327]. Важной деталью является то, что демонические кошки перестают восприниматься исключительно как вредящие людям неблагодарные существа, и в некоторых источниках, например, в выше упомянутых «Набэсима-но нэко» и «Арима-но нэко», совершают возмездие за убитого хозяина.

Из этого следует, что образ монструозной кошки не был статичным. С течением времени буддийский и китайский элементы размывались в японской среде, а постепенные изменения в ментальности японского народа и социально-политической ситуации в стране повлекли за собой перемены и в образе демонической кошки.

2. Влияние китайского и буддийского элементов на образ демонической кошки и другие корни монструозности образа кошки

Исследователи расходятся в оценке влияния китайских элементов на японские воззрения относительно кошек. Например, Н. А. Сомкина относит образ кошки к смежной категории с ослабленным китайским элементом [2, с. 104]. В свою очередь, де Фиссер утверждает, что, несмотря на малочисленность историй о кошках-демонах в Китае и сильное воздействие оригинальных японских идей [3, с. 5–6], китайское влияние на предрассудки о кошках в Японии не может быть отодвинуто на второй план [3, с. 70].

Во-первых, вопреки отсутствию упоминаний в китайских текстах кошачьей магии и монстров с раздвоенными хвостами, поедающих людей, природа идеи о преклонном возрасте, дающем способность к трансформации, была весьма распространена в Китае [3, с. 5]. Во-вторых, некоторые китайские суеверия, связанные с другими животными, например, передвижение на двух задних лапах, танцы и ношение полотенца на голове, которые приписывались собакам, были в японском фольклоре перенесены на образ кошки [3, с. 77].

В-третьих, существовали и поверья, напрямую связанные с кошками, которые также прослеживаются в японских текстах. Одной из таких идей является представление о том, что кошки способны воскрешать мертвых, поскольку у кота, как и у тигра, на хвосте расположены волшебные волоски, которые заставляют душу вернуться обратно в тело [3, с. 7]. Стоит добавить, что помимо связи котов с тиграми, им приписывали и родство с енотовидными собаками *тануки* 狸 или лисами, также известными оборотнями, часто со злобным нравом, что негативно сказывалось на отношении к кошкам в Китае.

Таким образом, китайские черты образа кошки неблагоприятно повлияли на его восприятие в японской среде. Однако стоит добавить, что это была далеко не единственная причина, по которой кошки стали внушать японцам страх. Опасения вызывали не только распространенные суеверия об умении кошек общаться с потусторонними силами, но даже такие обыденные на взгляд современного человека черты, как возможность бесшумно передвигаться, светящиеся в темноте глаза, острые когти и вздымающаяся шерсть. Более того, окутанное тайной долгое отсутствие кошек в бытовой жизни японцев породило множество историй о всевозможных кошачьих островах, городах

и горах, например, Нэкояма 猫山 или Нямати にゃ町. Стоит отметить, что обозначенные локации находят отражение и в современной литературе, например, в романе Мураками Харуки 村上春樹 (р. 1949) «1Q84».

3. Внешность, поведение и характер демонических кошек

Несмотря на различия между разными типами демонических кошек, у всех них есть некоторые общие черты, которые будут перечислены ниже. Внешняя характеристика типичной демонической кошки включает в себя такие особенности, как длина в пять сяку 尺 (1 сяку = 30,3 см), невероятная сила, по большей части белый или рыжий окрас, тигриная морда, алый рот до ушей и острые, как лезвия, клыки [7, с. 116]. *Нэкомата* также обладает раздвоенным хвостом.

Кошка обретает сверхъестественную силу, в соответствии с китайскими представлениями, со старением, по разным источникам в возрасте десяти, девяти или семи лет. Однако помесь кошки и лисы может обрести данную способность ранее указанного возраста. В проанализированных текстах не было обнаружено ни одного подтверждения того, что котята владеют какими-либо магическими способностями.

Монструозным кошкам свойственно обладание огромной ментальной силой [5, с. 273], равной человеческой, с помощью которой они могут говорить [3, с. 51], принимать человеческий облик [3, с. 49], а также вселяться в тело жертвы, чаще всего женщины, и управлять ее действиями на расстоянии [3, с. 77]. Стоит отметить, что в отличие от временной трансформации лисы и *тануки*, принятие человеческой формы у кошки происходит на постоянной основе. Более того, часто демонические кошки испускают сияние при движении или же за ними следуют шары света [3, с. 27]. В связи с тем, что ранее упомянутый хвост кошки, способный оживить труп и превратить его в кровожадного демона, ассоциировался со змеей, считалось, что он невероятно ядовит [6, с. 64]. Подобная ассоциация возникла из поверья о том, что отрубленный с целью предотвращения становления кошки демоном хвост обращался змеей. Однако необходимо добавить, что не только хвост, но и захоронения убитых кошек полагались отравленными, равно как и то, что возшло на них [6, с. 51].

Одним из самых часто встречающихся паттернов поведения кошек-монстров является убийство человека, обычно старой женщины, с последующим заимствованием ее облика с целью дальнейшей охоты на людей. При этом монстром съедаются плоть и органы, остаются лишь кости и одежда. Однако, когда кошку убивают, она возвращается к своей истинной форме [5, с. 270]. Чаще всего кошки, принявшие человеческую форму, выдают себя либо какими-то моделями поведения, свойственными только кошкам, например, пристрастием к рыбе и горчичному маслу, использовавшемуся для розжига ламп [5, с. 270–273], или же светящимися в темноте глазами и открытой широкой пастью во время сна, либо же кошки не всегда принимают абсолютно все черты тех, кого они изображают [5, с. 270]. К тому же, собаки могут раскрыть истинную натуру преобразившейся кошки.

За демоническими кошками также часто наблюдается склонность к танцам и ходьбе на двух ногах с полотенцем на голове [5, с. 270]. Излюбленным местом пребывания старых котов и кошек были заброшенные буддийские храмы. Такие храмы хоть и пришли в запустение, всегда остаются чистыми. Однако если кто-то попытается вторгнуться в подобный храм или снова открыть его, кошки примут форму монстров и привидений, чтобы испугать и прогнать человека [5, с. 273].

В японском фольклоре демонические кошки обладают скверным и жестоким характером, они часто идут на хитрости, чтобы навредить человеку. Помимо обозначенного выше заимствования человеческого облика, в некоторых историях они применяют разные уловки, такие как использование крышки от котелка для защиты от стрел [6, с. 50]. Также довольно часто кошкам приписываются жадность, притворство и изменчивость, с чем связано множество пословиц и поговорок [5, с. 270]. Однако в качестве главной черты характера монструозной кошки следует выделить мстительность. Своих обидчиков кошки проклинаят, накладывая болезни тела и разума на них самих, их семьи и даже их потомков [3, с. 78].

Из описанного выше можно заключить, что монструозность образа кошки в японском фольклоре заключается не только в наличии черт чудовищного облика, таких как огромный размер и широкая пасть с острыми окровавленными клыками, но и в обладании магическими способностями, например, возможностью заимствования человеческого облика, а также в связях с потусторонним миром, которые выражены в способности оживлять трупы.

4. Выводы

На основе полученных результатов были сделаны следующие выводы: во-первых, на обретение образом кошки монструозных черт в Японии повлияли традиционные китайские поверья, такие как родство с тигром, *тануки* и лисой, а также проявление волшебных сил по мере старения. Однако несмотря на это, образ японской демонической кошки не стал калькой китайского и вобрал в себя новые элементы, навеянные местным окружением, например, способность обращаться человеком. Во-вторых, восприятие пугающего образа кошки в Японии не было статичным и изменялось с течением времени, отвечая условиям эпохи. В-третьих, китайское наследие сыграло огромную роль в становлении и укреплении отрицательного образа кошки в Японии, однако значительное влияние имели и довольно обыденные черты внешности и поведения котов и кошек, поскольку в суеверной народной среде, лишенной критического мышления, обозначенные особенности были сильно преувеличены и додуманы, что привело к появлению того образа монструозной кошки, который мы привыкли видеть в японском фольклоре.

Список литературы

1. Мещеряков А. Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2007. 556 с.
2. Сомкина Н. А. Общая сравнительная характеристика зооморфной символики Китая и Японии // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2008. № 1-1. С. 102–104.
3. De Visser M. W. The dog and cat in Japanese Folklore // Transactions of the Asiatic Society of Japan. 1909. Vol. 37, pp. 1–84.
4. Ferguson J. C., Anesaki M. Chinese, Japanese. Volume VIII // J. A. MacCulloch The mythology of all races in thirteen volumes. Norwood: Plimpton press, 1912. 416 p.
5. Opler M. E. Japanese folk belief concerning the cat // Journal of the Washington Academy of Sciences. 1945. Vol. 35(9), pp. 269–275.
6. Seki K. Types of Japanese Folktales // Asian Folklore Studies. 1966. Vol. 25, pp. 1–220.
7. Лю Цзиньцзюй 劉金拳, Ся Цзинцзин 夏晶晶. Киндай сёто ни итару мадэно нихон бунгэй ни окэру «нэко» 近代初頭に至るまでの日本文芸における「猫」 [«Кошка» в японской литературе до Новейшего времени] // Саппоро дайгаку сого ронсо 札幌大学総合論叢. 2018. № 46. С. 109–121.

Хачатурян С. В.
svkhachaturyan@edu.hse.ru
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ХАЛЛЮ («КОРЕЙСКАЯ ВОЛНА») В КИТАЕ, ВЬЕТНАМЕ И КНДР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация: Данное исследование посвящено выявлению специфики рецепции контента «корейской волны» в таких странах как Китай, Вьетнам и КНДР.

Ключевые слова: халлю, корейская волна, культурная рецепция, столкновение медиасфер.

Keywords: hallyu, Korean wave, cultural reception, collision of mediascapes.

Популярная культура Южной Кореи к настоящему времени получила широкое распространение не только в Азии, но и во всем мире¹. Особую известность во многих странах мира приобрели такие продукты корейской креативной сферы, как К-поп (корейская популярная музыка) и дорамы (корейские телесериалы). Однако проблема особенностей рецепции контента халлю в Азии изучена недостаточно, чем и обуславливается актуальность настоящей работы.

Цель данного исследования — выявить специфику рецепции продуктов «корейской волны» в Китае, Вьетнаме и КНДР посредством выполнения следующих задач: определить методы и формы восприятия корейских культурных продуктов в трех странах и проанализировать причины и способы ограничения экспорта халлю в КНР и КНДР.

Методология настоящего исследования базируется на использовании метода сравнительного кейс-стади. Кроме того, был задействован диахронический метод, позволивший проследить эволюцию халлю в период с конца 1990-х гг. по настоящее время. Также в ходе изучения аудиовизуальных источников (телесериалов, музыкальных клипов и т. д.) применялся метод контент-анализа.

¹ Для обозначения процесса экспорта южнокорейской массовой культуры за рубеж применяется термин «корейская волна» (халлю).

Зародившийся в Азии в конце 1990-х гг. и распространившийся по всему миру феномен халлю является ярким примером успешной интеграции в глобальное культурное пространство посредством производства уникального контента, основанного на соединении западной и восточной культурных традиций [10, с. 436]. Данный опыт РК привлек внимание многих азиатских производителей медиапродуктов, пожелавших перенять его с целью создания собственной индустрии развлечений и последующего включения в мировую медиасферу. Кроме того, рецепции продуктов халлю в азиатском регионе способствовала ее огромная популярность, а также наличие общего конфуцианского культурно-исторического контекста [11, с. 161] и государственной поддержки со стороны РК [3, р. 166], что позволило ей проникнуть не только в Китай и Вьетнам, но и в закрытую Северную Корею.

В ходе исследования было выявлено, что в каждой изученной стране процесс восприятия «корейской волны» имеет определенную специфику. Так в КНДР рецепция халлю осуществляется лишь посредством контрабанды ее продуктов [5, р. 278], поэтому точных данных о том, насколько глубока культурная диффузия, нет. Однако заявления беженцев подтверждают, что влияние южнокорейской поп-культуры на северокорейскую молодежь достаточно сильно, в связи с чем хранение и распространение нелегального контента «корейской волны», создающего положительный имидж государству-неприятелю и становящегося впоследствии одним из факторов принятия решения о побеге из страны, карается в соответствии с правовыми нормами [9] вплоть до применения смертной казни [5, Р. 279].

Что касается Китая и Вьетнама, где использование продуктов халлю не запрещено законом, процесс восприятия можно разделить на несколько этапов: пять в КНР [6, Р. 144–152] и четыре в СРВ [8]. Однако, если сравнивать саму динамику рецепции, различия существенны: в СРВ восприятие «корейской волны» на протяжении всех четырех стадий происходило без каких-либо препятствий и никогда не сталкивалось с организованным противодействием со стороны властей [7], подвергаясь только критике со стороны общества; в КНР, напротив, общественная неприязнь подкреплялась применением как официальных (постановление ГУППРКТ КНР¹ 2005 г. о запрете транслировать корейские драмы больше 20 часов в год), так и негласных мер со сто-

¹ Государственное управление прессы, публикаций, радио, кино и телевидения КНР, с 2018 г. — Национальное управление радио и телевидения КНР.

роны руководства страны (неофициальный запрет на халлю, начавшийся в 2016 г.) [6, Р. 150], что в разные периоды, в особенности на втором и четвертом этапах, искусственно замедляло рецепцию.

Способы восприятия халлю в Китае и Вьетнаме, однако, практически идентичны и включают в себя создание ремейков корейских фильмов и сериалов, совместный выпуск музыкальных композиций при участии корейских айдолов, а также сотрудничество в сфере кинопроизводства [1]. Отличается лишь степень адаптации и распространения контента «корейской волны». Несмотря на препятствование рецепции, в последние годы китайская сторона активно перенимает опыт корейских специалистов в сфере производства продуктов массовой культуры и, опираясь на него, создает собственную индустрию развлечений, которая уже начинает конкурировать с южнокорейской. Помимо этого, Китай предпринимает весьма удачные попытки заменить продукты халлю собственными, созданными на их основе, но переработанными и вобравшими в себя национальную специфику.

Что касается восприятия «корейской волны» во Вьетнаме, следует заметить, что проходящая без помех культурная диффузия не так глубока, как в Китае, поскольку инициатива практически полностью принадлежит корейской стороне. Так в стране с подачи корейских компаний создаются совместные предприятия, занимающиеся отбором, обучением и продвижением вьетнамских артистов согласно стандартам халлю, что фактически означает перенос корейских практик на вьетнамские реалии и подразумевает копирование моделей управления индустрией развлечений. По этой причине на вьетнамском рынке у «корейской волны» практически отсутствует конкуренция. Кроме того, корейские инвесторы имеют немалое влияние в сфере вьетнамского кинопроката: в 2017 г. суммарная доля рынка корейских компаний CJ-CGV и LOTTE, владеющих 57 кинотеатрами по всей стране, составила более 70% [8].

В целом, во всех трех странах процесс рецепции халлю имеет определенные особенности, однако существует общая черта: и в КНР, и в СРВ, и в КНДР имеет место столкновение интересов собственной культурной политики с интересами культурной политики РК, что выражается как в наличии неприязни со стороны общества, так и в наложении официальных и неофициальных санкций на продукты «корейской волны». Однако причины, по которым во Вьетнаме восприятие проходит свободно, а в Китае и Северной Корее сталкивается с запретами, не ограничиваются конфликтом медиасфер.

В случае с КНДР главной причиной следует считать политический курс страны, который определяет характер культурной политики: так периоды обострения вражды между Севером и Югом характеризовались ужесточением карательных мер за контрабанду контента халлю, а недавно потепление в отношениях в связи с Межкорейскими саммитами 2018 г. сопровождалось отходом от прежней культурной политики и допуском К-поп исполнителей на северокорейскую сцену [4].

Во Вьетнаме ситуация обстоит несколько иначе. Несмотря на наличие общественного недовольства контентом «корейской волны», представляющего собой действительный конфликт культурных интересов, власти не принимают никаких ограничительных мер, поскольку экономическая выгода от сотрудничества с корейской стороной, крайне высока, а вьетнамская индустрия развлечений получает возможность развиваться за счет инвестиций крупных южнокорейских компаний (LOTTE, CJ Group) [6, p. 147].

Лишь в Китае препятствование рецепции обуславливается непосредственно столкновением культурных интересов. Запреты на халлю налагались, в основном, из-за того, что ее контент пользовался гораздо больше популярностью, чем китайский, что препятствовало развитию собственной индустрии [2, p. 88]. Введение ограничений было подобно политике импортозамещения и имело целью повысить конкурентоспособность отечественных производителей медиапродуктов для последующего распространения культурного влияния в данной сфере по всей Азии. По этой же причине китайская сторона в другие периоды активно сотрудничала с корейской, перенимая опыт и создавая собственную индустрию развлечений. Таким образом, конфликт медиасфер РК и КНР стал движущей силой развития китайской поп-культуры, что подготовило почву для успешной повторной глокализации в регионе. В связи с этим, представляется, что дальнейшее исследование процесса рецепции «корейской волны» в Азии следует сфокусировать на особенностях китайской индустрии развлечений, ее связи с халлю и перспективах развития.

Список литературы

1. 7 bộ phim hợp tác Việt — Hàn ấn tượng trên màn ảnh (7 впечатляющих совместных вьетнамско-корейских фильмов на экране) // ZING news. 02.04.2015. [Электронный ресурс] URL: <https://zingnews.vn/7-bo-phim-hop-tac-viet-han-an-tuong-tren-man-anh-post526570.html> (дата обращения: 09.04.2020).

2. Jeong Jong-Ho. Ethnoscapes, Mediascapes, and Ideoscapes: Socio-Cultural Relations between South Korea and China // *Journal of International and Area Studies*. 2012. Vol. 19. № 2, pp. 77–95.
3. Kim Bok-Rae. Past, Present and Future of Hallyu (Korean Wave). // *American International Journal of Contemporary Research*. 2015. Vol. 5. № 5, pp. 154–160.
4. K-pop diplomacy: Kim Jong-un attends as South Korean stars perform first concert in North for 13 years // *Independent*. 01.04.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/asia/k-pop-diplomacy-south-korea-north-pyongyang-red-velvet-kim-jong-un-moon-jae-in-a8283901.html> (дата обращения: 15.04.2020).
5. Milanowitsch B. Mapping the Presence of the Korean Wave in North Korea // *International Quarterly for Asian Studies*. 2017. Vol. 48. № 3–4. Pp. 273–284.
6. Park Ji-Hoon, Lee Yong-Suk, Seo Ho-Geun. The rise and fall of Korean drama export to China: The history of state regulation of Korean dramas in China // *The International Communication Gazette*. 2019. Vol. 81(2), pp. 139–157.
7. Report affirms Korean Wave still strong in Vietnam // *VNExpress*. 10.05.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://e.vnexpress.net/news/life/trend/report-affirms-korean-wave-still-strong-in-vietnam-3921236.html> (дата обращения: 26.03.2020).
8. The Vietnamese cultural content market and Hallyu // *KOFICE*. 11.08.2017. [Электронный ресурс]. URL: http://eng.kofice.or.kr/c00_hallyuInsights/c00_hallyuInsights_01_view.asp?seq=7953 (дата обращения: 26.03.2020).
9. Важнейшее из искусств: Северная Корея покончит с «мыльными операми» // *LENTA.RU*. 25.10.2014. [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/articles/2014/10/24/koreanmovies/> (дата обращения: 13.04.2020).
10. Полосина Е. В. «Корейская волна» в стратегии национального брендинга Южной Кореи // *Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи. Сборник статей*. СПб., 2012. С. 435–441.
11. Шмакова А. С., Винокурова К. А. Зарождение и развитие феномена «корейской волны» в Южной Кореи // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2015. Т. 14. № 10. С. 159–167.

Шевцова С. А.
sashevtsova@edu.hse.ru
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ИЗРАИЛЯ С КОНЦА 19 ВЕКА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Аннотация: В докладе анализируются изменения языковой ситуации, которые происходили на территории современного Государства Израиль с начала деятельности сионистского движения вплоть до современного времени.

Ключевые слова: культура Израиля; спящие языки; Еврейское национальное возрождение; национальный язык; распространенные языки; официальные языки.

Keywords: culture of Israel, sleeping languages, Jewish national revival, national language, common languages, official languages.

Введение

Под термином «языковая ситуация» понимается «иерархия языковых систем, которые сосуществуют или взаимодействуют в пределах определенного региона или этнической общности, а также совокупность ролей, которые эти языковые системы играют в жизни общества» [5, с. 52]. Языковая ситуация на территории современного Израиля резко менялась в связи с возникновением сионистского движения в конце XIX в. Целью доклада является изучение и анализ ряда изменений языковой ситуации на территории государства Израиль до и после его возникновения. Задачами исследования стали выявление языков, используемых на данной территории в исследуемый период, и изучение предпосылок формирования статуса этих языков. Материалами исследования стали труды об истории Израиля и языков, распространенных на его территории в разные периоды. Для изучения проблемы использовались методы наблюдения и сравнения.

Изменение статуса иврита (древнееврейского языка) с XII в. до н. э. до XIX в. н. э.

Для понимания языковой ситуации в современном Израиле следует обратиться к языковой ситуации в этом регионе в древности. В этот период здесь был распространен иврит, язык ханаанейской группы северо-западных семитских языков (появился примерно в XII в. до н. э.). Также его называют древнееврейским языком, так как это был первый язык евреев, который распространился в Древнем Израиле. В VI в. до н. э. после разрушения Первого храма (586 г. до н. э.) и Вавилонского изгнания (597–539 гг. до н. э.) на иврит оказывал значительное влияние арамейский язык, который впоследствии стал разговорным языком жителей Древней Иудеи. После 70 г. н. э., когда был разрушен Второй Храм, еврейский народ утратил государственность, переселяясь в страны Ближнего Востока, и к III в. иврит окончательно перестал быть средством общения, сохранившись как язык письменности и религии. Так, например, свитки Мёртвого моря (фрагменты религиозный манускриптов, обнаруженные археологами в районе Мёртвого моря), Мишна (книга, включающая в себя законы Устной Торы) и другие памятники древности написаны именно на иврите.

Несмотря на то что со временем иврит перестал в III веке быть языком устного общения, его нельзя было назвать мёртвым языком. А. Л. Полян [3, с. 58] перечисляет следующие критерии, по которым определяют мёртвые языки:

- 1) Окончание передачи языка от поколения к поколению, прекращение появления на свет людей, для которых язык был бы родным;
- 2) Прекращение использования языка в качестве средства для выражения спонтанной речи (язык может быть признан мертвым даже будучи используемым в рецитации или создании письменных текстов);
- 3) Полное отсутствие использования языка в устном виде, даже при рецитации;
- 4) Прекращение создания новых письменных текстов на языке (старые тексты могут транслироваться);
- 5) Окончание и порождения, и чтения письменных текстов на языке.

Проанализировав вышеперечисленные критерии, можно прийти к выводу о том, что в период с III по XIX в., по причине того, что иврит оставался письменным языком и языком богослужения, он не может быть причислен к мертвым (по 3, 4 и 5 критериям), и поэтому иврит III–XIX веков называют «спящим».

Изменения языковой ситуации вследствие миграционных процессов на территории Государства Израиль с конца XIX в.

В первые годы существования государства одним из решающих факторов проведения государственной языковой политики Израиля стала строгая идеология, заключающаяся во введении монолингвизма. Установление иврита, как общего для всех евреев языка, стало остоном формирования единой израильской идентичности. Новая нация была создана благодаря мероприятиям языковой политики, направленным на утверждение иврита и сокращение использования других языков, на которых говорили прибывавшие на территорию Израиля евреи.

Возрождение иврита

Великие исторические деятели, которые стремились к образованию еврейского государства (например, один из лидеров сионистского движения Владимир Евгеньевич Жаботинский (1880–1940), «долгое время работавший над подготовкой учебника иврита» [4, с. 128]), осознавали и подчеркивали необходимость общего для всех евреев языка, который бы объединил граждан будущего Государства Израиль. Основателем и лидером гебраизма¹ считается Элиэзер Бен-Йехуда (1858–1922), который основал Академию языка иврит и стал «отцом» современного иврита. До того, как Бен-Йехуда начал заниматься модернизацией иврита, этот язык не мог использоваться для повседневного общения, потому что его словарный запас не пополнялся на протяжении более десяти веков, а если на иврите и создавались письменные произведения (зачастую они были религиозного характера), то в них использовалась устаревшая лексика, которая не позволяла полноценно общаться в бытовых ситуациях конца XIX в.

Сужение сферы употребления идиша и ладино

Укрепление положения иврита происходило за счет целенаправленного ограничения употребления других языков, которые в то время были родными для евреев, а именно идиша и ладино. К моменту начала первых шагов к образованию государства сохранялась обосо-

¹ Гебраизм — это еврейское общественное движение, признававшее только иврит языком, на основе которого может быть образована еврейская национальная идентичность.

бленность еврейских общин, особенно двух наиболее крупных — сефардов и ашкеназов².

Признание иврита — языка религии, общего для всех евреев, — официальным для Израиля стало компромиссным решением, которое помогло избежать возможного появления конфликтов между представителями общин в том случае, если государственным языком стал бы язык одной из них.

В наши дни осталось очень мало мест и социальных групп, в которых разговорным языком является идиш. Но до сих пор на территории Израиля остаются населенные пункты, в которых для большинства жителей идиш является родным языком (например, город Бней Брак в округе Тель-Авива). Большая часть жителей этих населенных пунктов — ультраортодоксальные евреи, для которых иврит — это язык Священного Писания, вследствие чего в обычных бытовых ситуациях он использоваться не может.

Современная языковая ситуация в Израиле

Тем не менее, идеология отделения и отсоединения от других культур, которая преобладала в Израиле в период формирования национальной идентичности, сменилась стремлением присоединиться к движению глобализации. В наши дни наблюдается тенденция возвращения к многоязычию, которое подчеркивает многосторонность и богатство культур. С другой стороны, чем больше культур сочетается в израильском обществе, тем опаснее становится положение целостной национальной идентификации государства, над которым была проведена объемная работа, включающая в себя в том числе и языковую политику первой половины XX в.

Статус арабского языка

Появление арабского языка в этом регионе связано с прибытием мусульманских завоевателей в VII в. В наше время арабский язык в Израиле является вторым по количеству носителей после иврита

² Ашкеназы — это потомки евреев, которые в Средние века населяли Германию, Англию и Северную Африку и разговаривали преимущественно на идише, появившемся к XIV веку и известном, как язык европейских евреев. Сефардами называют потомков евреев из Испании, Италии, Португалии и Ближнего Востока. Разговорным языком сефардов был ладино, зародившийся после побега евреев из Испании в 1492 году).

и распространен среди арабского населения, а также евреев, прибывших в Израиль из арабоязычных государств. С 1948 по 2018 год арабский был наравне с ивритом государственным языком. 19 июля 2018 года Кнессетом 20-го созыва был принят новый основной закон: «Израиль — национальное государство еврейского народа», согласно которому арабский язык был лишён статуса государственного, получив особый статус.

В населенных пунктах, в которых преобладает арабское население, иврит в школьной программе является вторым обязательным языком, изучение которого начинается во 2–3 классах, в то время как в населенных пунктах с большей частью еврейского населения возможность изучать арабский в школе у детей появляется в 8–9 классах, а иногда даже в 11 в качестве факультатива [1, с. 4] (часто предоставляется выбор между арабским, английским, немецким, французским и русским языками). Именно иврит является в Израиле языком бюрократии, высшего образования, средств массовой информации. Арабский используется в основном на бытовом уровне при общении арабов между собой, в случаях же межнациональных коммуникаций арабы переходят на иврит. Тем не менее, дорожные знаки и указатели во всем государстве содержат надписи на трех языках: иврите, арабском и английском.

Положение русского языка

В Израиль прибывают репатрианты со всех концов света. С собой они приносят не только культуру той страны, из которой происходят, но и языки (английский, французский, немецкий и др.), что не может не влиять на языковую ситуацию в стране. Особенно сильное влияние на нее оказывает русскоязычная среда. Это связано с тем, что с начала Большой алии¹ «русские евреи» в Израиле сформировали двойную еврейско-русскую социокультурную среду: многие сферы жизни в государстве были подстроены под русскоговорящих, которые по приезде активно изучали страну и ее достопримечательности, «вливались» в нематериальную культуру (например, «русскими» был создан собственный театр, очень большой популярностью как в Израиле, так и за его пределами пользуются книги о жизни русскоязыч-

¹ Большая алия (1989–2004) также известна под названием «Алия девяностых» или «Русская алия». Израильяне всех выходцев из стран бывшего СССР называют «русскими», а кварталы, в которых проживают русскоговорящие — «русскими улицами».

ной общины, выпускаются газеты на разнообразные темы, а также вещают русскоязычные каналы (например, «9 TV»)) [2, с. 99].

Репатрианты по началу говорят на иврите только в случаях крайней необходимости, но, пройдя курс иврита в ульпане² и влившись в ивритоязычную среду, начинают разговаривать на иврите свободно. Эмигранты второго и последующего поколений вмешивают в речь русские слова во время разговора на иврите и наоборот. Так, например, в разговоре в семье репатриантов между родителями и ребенком можно услышать подобную фразу: «Кушай глиду» («глида»/«גלידה» — мороженое). Тем не менее, дети, выросшие в Израиле, знакомы с родным языком, но по причине того, что язык их круга общения — это в основном иврит, они часто свободно владеют только разговорным языком, использование русского в письменной речи может вызвать затруднения.

Роль английского языка в языковой ситуации

Английский язык имеет статус международного, вследствие чего играет большую роль в сфере образования, бизнеса и международных отношений. Так, например, уровень владения английским языком влияет на возможность израильтян поступить в высшее учебное заведение. Во времена Британского мандата на территории современного Израиля провозглашалось наличие трех официальных языков: английского, арабского и иврита. После образования государства в 1948 году был издан закон о том, что «любое положение в законе, требующее использования английского языка, отменяется» («Any provision in the law requiring the use of the English language is repealed» [6]). Язык ассоциировался с колониальным режимом на территории созданного государства, поэтому предложения сделать его государственным были отвергнуты.

Несмотря на то, что английский не имеет статуса основного или государственного языка, в школе он изучается на обязательной основе, а экзамен по английскому языку является важным условием получения аттестата, свидетельствующего об окончании школы.

Заключение

Таким образом, за последние полтора века произошли существенные изменения в языковой структуре и иерархии используемых языков:

² Ульпаны — заведения интенсивного изучения иврита и образа жизни и культуры Израиля для репатриантов, помогающей их адаптации.

был «разбужен» иврит, на протяжении многих веков считавшийся спящим, сузились сферы употребления идиша и ладино, родные для евреев разных волн языки приобрели новый статус (изменился статус арабского, русский получил более широкое распространение и влияние), глобализация привела к увеличению роли английского в областях бизнеса, образования и политики. Языковая ситуация на территории Израиля на протяжении его формирования, развития и существования экзогlossная (состоит и состояла из совокупности языков) и несбалансированная (её компоненты распределены по сферам общения и социальным группам). В последние десятилетия намечается возможное расширение сфер влияния русского и английского языков и, наоборот, уменьшение роли арабского и идиша.

Список литературы

1. Алексеева М. Е. Факторы формирования двуязычной среды на территории современного Израиля на рубеже XX–XXI вв.: иврито-арабский билингвизм // Проблемы современной науки и образования. 2014. № 12. С. 72–76.
2. Коник С. В. «Русская улица» Израиля как часть «русского мира» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 3. С. 98–104.
3. Полян А. Л. Иврит III–XIX вв. н. э. как «спящий язык» // Вопросы языкознания. 2014. № 5. С. 56–67.
4. Токаренко Т. А. Зеев Жаботинский и некоторые вопросы возрождения иврита // Язык иврит: исследование и преподавание. Материалы Девятой Ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Москва: Джойнт, 2002. С. 121–130.
5. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М.: Высшая школа, 1978.
6. Law and Administration Ordinance // Official Gazette, No. 2 of the 12th Iyar, 5708 (21st May, 1948). [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20091028101706/http://geocities.com/savepalestinenow/israelaws/fulltext/lawandadministrationord.htm> (Дата обращения: 15.09.2020).

Valsecchi G.

882910@stud.unive.it

Ca' Foscari University of Venice

TRANSLATING ENDANGERED LANGUAGES FROM AN ECO-TRANSLATOLOGICAL PERSPECTIVE

Abstract: After briefly outlining the history of language endangerment in the Rūkyū Archipelago and its consequences for Ryūkyūan folksongs, this article illustrates how the framework of eco-translatology can be successfully applied in order to account for the choice-making process that the translator has to carry out when confronted with the task of translating songs sung in an endangered language. The translations of two folksongs from the island of Yonaguni are presented as an example.

Keywords: Yonaguni, Ryūkyūan languages, Endangered languages, Folksongs, Eco-translatology.

Ключевые слова: Йонагуни, Рюкюанские языки, исчезающие языки, народные песни, экотранслятология.

Introduction

In this paper, I discuss aspects of translating folksongs sung in Dunan from the island of Yonaguni. This island comprised, literally, a world in its own when this songs were written, a world which is now fading and the same pace of language loss. This particular condition puts translation in service of a broader documentation effort, as well as urging the translator to confront the implication of Dunan's state of endangerment. I chose eco-translatology as a theoretical point of departure as it recognizes that translation is a process that takes place in a *diverse world* in its entirety and it allows to grasp comprehensively the various *environments* that meet in the translator during the act of translation. The goal of this paper is to demonstrate that it is useful to apply an eco-translatological approach to the translation of Yonaguni folksongs in virtue of their particular environment and history. The translations are a work in progress, and I focus therefore mainly on theoretical and methodological aspects, but I also exemplify these with the translation of two folksongs.

Language endangerment in the Ryūkyūs, Dunan and folksongs

Dunan is the language spoken on Yonaguni, the westernmost island in the Ryūkyū Archipelago in the southwest of Japan. The Ryūkyū Islands, a unified kingdom since 1492, were annexed to the Japanese state in 1879. The creation of the Japanese state corresponded for Japan with the advent of modernity, which highly valued homogeneity and internal consistency over diversity and local variation [2]. As a consequence, everything that deviated from what was arbitrarily labelled as ‘standard’ acquired a negative connotation and was bound to undergo either assimilation or elimination. Language was no exception: through the concept of 国語 *kokugo* (national language), Japan was portrayed as monolingual and Japanese as the language handed down by the forefathers of the nation [6].

This modern nationalist ideology was put into practice in two main ways: on the theoretical level, a new meta-language was created, presenting Ryūkyūan languages as a greater dialect (大方言 *dai-hōgen*) of ‘national language’, i.e. variations of Japanese and not as languages in their own right. On a practical level, language planning measures were introduced via national school system to promote the spread of Japanese and repress Ryūkyūan language use. This resulted in a radical change of speakers’ attitude towards their native languages, which in turn started to give away to Japanese [9].

Dunan current state of endangerment is the result of these dynamics. The UNESCO *Atlas of the World’s Languages in Danger* [10] labels Dunan as “severely endangered”, but it is by now critically endangered. Today, performances of entertaining arts, in particular folksongs, together with rituals of the traditional religion, are the only two occasions in which Dunan is still used [7]. Nevertheless, the shift of the speakers’ attitudes towards their languages that followed the implementation of national language policies had profound effects on folksongs sung in these languages, too. Just as speaking the local language, singing folksongs was punished in school [3, p. 59]. When not explicitly denigrated, there was an attempt to assimilate Ryūkyūan musical tradition into the national one by emphasizing the connections between Japanese mainland and the Ryūkyūs and by presenting the latter as a repository for extinct Japanese musical traditions. Diversity was, once again, considered as something that had to be concealed. In recent years, attitudes towards Ryūkyūan folk music have become more ambivalent [1]. However, evidences of past negative attitudes can still be seen and contribute to steer attention away from the cultural achievements of the communities that use Ryūkyūan languages. One example of this process can be found in the attitudes of young people towards their own

local culture, considered less valuable or beautiful when compared to mainland's [see, e.g. Hammime 5].

If we acknowledge that translation is a human activity that takes place in the world as a whole, then Dunan history of endangerment, as well as its consequences and the reception of folksongs, as part of such world, influence the translation process and make Yonaguni folksongs a distinctive object of analysis. This raises the necessity to adopt an approach that is broader in scope than traditional translation theories. In the following paragraph, I present eco-translatology as a possible solution.

Methodological framework: Eco-translatology

Eco-translatology centers on metaphorical analogies and conceptual borrowings from the field of natural sciences. It adopts the language and principles of natural ecology in order to account for phenomena related to translation.

In eco-translatology, the methodology of translation is described as a “multidimensional transformation”. It operates on three different levels: linguistic, cultural and communicative. Adopting ecology as a metaphor, the multidimensional transformation is understood in terms of “textual transplants” from source text to target text ecosystem (henceforth abbreviated as ST and TT, respectively) [8, p. 77]. In other words, eco-translatology recognizes that every text *lives* in a unique linguistic, cultural and communicative world which provides the environmental conditions for the text to survive. As a consequence, before the text can be transplanted, it must be transformed to fit in the new environment: this is the task of translation. The ultimate goal of every translation process is the survival of the text in the new environment.

The ecology of the source text is not the only element that influences translation. In fact, translation operations are set in a specific translational eco-environment, understood as “the worlds of the ST and source/target language, namely, the interrelated and interactive entirety comprising the linguistic, communicative, cultural and social aspects of translating, as well as the author, the client and the readers (i.e., ‘translator community’)” [8, p. 12]. It is further defined as “a collection that integrates a diversity of natural and human factors relevant to the occurrence, existence and development of translational activities” [8, p. 56]. In sum, the translational eco-environment is the scene where the translator acts. The translational eco-environment can be divided in different ways and considered from various perspectives such as intralingual or extralingual environment,

material or spiritual environment, subject (translator, author, readers, publishers, etc.) or object (ST, TT, genre, textual function, etc.) environment. It is important to note that the key element that is to be set in a specific translational eco-environment is the translation process, not the ST or TT, which together with their respective environments discussed in the previous paragraph, are part of the translational eco-environment itself.

We now understand that the translational eco-environment influences and constrains the translator's choices. This choice-making process is described in eco-translatology through the theory of Translation as Adaptation and Selection, which finds its natural science counterpart in the Darwinian theory. According to Darwin, evolution is the result of the natural selection of traits that favor the survival and reproduction of a species. The final result is the adaptation of the species, which become more and more well-suited to the environment. In eco-translatology, this principle applies both to the translator and to the text. As regards to the first, the translator first adapts to the translational eco-environment and then selects the TT in order for it to fit in it. In the first stage (adaptation), the ST is the prime element of the translational eco-environment in determining the adaptation of the translator. In the second stage (selection), it is the translator that, having adapted to the translational eco-environment and on behalf of it, selects the TT. Translators therefore have what Hu [8, p. 160] aptly calls a "dynamic double identity". The concept of adaptation and selection applies also to the text itself: in the selection of the TT by the translator, previously described as "textual transplants", elements of the text that would favor its survival are selected and then adapted by the translator to make the text apt to survive in the new environment.

Applying eco-translatology to Yonaguni folksongs

The framework proposed by eco-translatology is innovative on different levels. Firstly, more emphasis is put on textual life from an ecological perspective using the concept of textual transplants. In addition, it broadens the scope of translation studies beyond text-related questions through the concept of translational eco-environment. In other words, eco-translatology recognizes that 1) a text lives in a unique environment that provides the conditions for it to survive; 2) the activity of translating is not only constrained by the ecology of the source text. On the contrary, translation takes place in a diverse *world* in its entirety.

Departing from these perspectives, adopting an eco-translatology proves useful for the purpose of analyzing the translation of folksongs

sung in an endangered language and to highlight the implications of undertaking such task.

Firstly, if we extend the ecological metaphor beyond text and translation and consider language, too, as an ecological phenomenon and, as such, as dependent on functional links to the outside world [11, p. 9], then the state of endangerment of a language can be understood as disruption of such links. As both cause and consequence of its state of endangerment, Dunan lacks an environment where to survive, it is not constructed and does not construct the world anymore [11, p. 2]. This raises the necessity of adding a step to the adaptation/selection process: translators have to virtually reconstruct the environment in which the text originally lived before they can adapt to it as part of the translational eco-environment. In this sense, translation becomes a tool in service of accounting for and documenting the ‘worlds’ of Dunan, which are disappearing at the same pace of language loss.

In turn, this additional operation adds a fundamental actor to the “translator-community”. In fact, it must rely on the collaborative effort with the last speakers of Dunan. This is important on all three levels of “transplantation”. On the linguistic level, the translator’s lack of knowledge of Dunan, despite benefitting from dictionaries and from existing Japanese translations, requires the aid of the last fluent speakers. Only through their help can the translator acquire the trait that will make her or him suitable to adapt to the translational eco-environment of Dunan folksongs, namely language knowledge. On the cultural level, it is only from the interaction of ST with its reconstructed environment, i.e. from reestablishing a functioning ecology, that the cultural implications of text can arise and be successfully transplanted by the adapted translator. On the communicative level, each song has a specific communicative purpose that is directly linked to the sub-genre to which it pertains (e.g. lullaby, funeral songs, etc.). This, too, necessitates the collaboration of the local community to be successfully grasped and adapted to.

Secondly, as an activity that takes place in the *world*, while translating the folksongs the translator is also confronted with Dunan’s state of endangerment from a socio-political point of view. In eco-translatological terms, the history of endangerment of Dunan and the degradation of attitudes towards it can be understood as the socio-political dimension of the translational eco-environment defined as “a collection that integrates a diversity of natural and human factors relevant to the occurrence, existence, and development of translation activities”. It influenced the translation process both on the level of the selection of the texts to be translated (adaptation

of the translator to the translational eco-environment) and on the conception of what the purpose of the translation should be (modes of adaptive selection of the TT during the text transplants).

On the first level, the translated texts considered here are part of a broader project that aims at documenting Dunan from the perspective of local knowledge, aesthetic and cultural value encoded in and reproduced through a disappearing language. The underlying assumption guiding documentation efforts is that linguistic and cultural diversity are worth maintaining [4]. Such a goal cannot avoid bringing up political implications: linguistic and cultural diversity is important because it is an indicator of equality, whereas homogeneity indexes an imbalance in relations of power. In light of these considerations, the concept of translational eco-environment proves useful not only to explain how one translates, but *why* one decides to translate specific texts.

As regards the second level, recognizing that in the process of modernization of the Japanese state diversity acquired a negative connotation and, as a consequence, cultural achievements from communities that did not match the constructed sense of what Japanese language and culture ought to be were considered less valuable than the newly defined “national culture”, the translator has decided to put emphasis on aesthetic appeal rather than exoticism and on making the content of the songs resonate with the readers’ emotions rather than recreating the echo of a foreign unknown land. In eco-translatological terms, the translator, after having adapted to the translational eco-environment, carried out a selection of the target text according to and on behalf of it.

Singling out just two dimensions of the translational eco-environment (i.e. the environment of the source text and the socio-political macro environment of Dunan) is an artificial division adopted for the sake of presenting some of the implications of using eco-translatology for describing the translator’s decision-making process. Nevertheless, the core of following an ecological approach lays in recognizing the interconnection of all things that are translation related. It is therefore important to note that other dimensions of the translational eco-environment exist and that all of them interact in the mind of the translator and influence his or her choices.

Selected examples

In conclusion, in the following section I present the translations of two Yonaguni folksongs. They can be understood as the outcome of the process outlined in the previous paragraph. Before the transplantation from Dunan

to English could be performed, the translator had to adapt both to the ST environment and to the socio-political dimension of the translational eco-environment.

As regards the first, previous to the adaptation of the translator, the ecology of the ST, i.e. the link between language and environment, had to be reconstructed through fieldwork and collaboration with the local community. In order to exemplify this passage, it proves useful to transcend the use of the word 'environment' as a metaphor and consider it literally. In this sense, the two songs named *Tubaruma* and *Sunkani* are the most representative examples. In fact, their lyrics contain various references to the physical environment of Yonaguni Island, including toponyms (Urada Valley, Nanta, Ubuitidi rock, Nantahama, Agarizaki). For the emotional and at times dramatic power of the texts to be fully understood and transplanted in English, it is necessary to trace these names back to their physical counterpart. Only by recreating this link, can we understand that, for example, the Ubuitidi rock in *Tubaruma* stands for loneliness and that the protagonist of *Sunkani* walks along the coast from Nantahama beach (where ships set sail) to Agarizaki cape (where one can catch the last glimpse of a ship leaving) to give the last goodbye to her loved one.

As regards the adaptation of the translator to the socio-political dimension of the translational eco-environment, these translations are the results of the attempt previously described: making the lyrics of the songs resonate with the readers' own feelings and create, although through another language, a sense of belonging and closeness with the disappearing Yonaguni community.

Tubaruma

Tubaruma, dear Tubaruma
by the roadside
we have talked

If we turn southwards,
the cliffs echo our voices-
northwards, the sky enfolds us

From now and ever
let's preserve our youthfulness-
until the end of time

I find myself on a steep path
but rest assured that I will find
a way that brings me back to you

The southern wind in Urada
calls out for you
and the eastern wind at Nanta, too

They say even hills need each other's company
but like the courageous Ubuitidi rock
I chose solitude to wait for you.

Sunkani

Yonaguni's compassion
the unifying bond
as long as I live
I wait for you

On my way to Nantahama beach
holding our farewell sake
tears running down my face
how could I drink my share?

Forever
my love

Forever
my love

The Yonaguni Strait
is flat like a pond
be calm
and cross over

At Nantahama beach
we had to say goodbye
and up the hill to Agarizaki Cape
I had to walk alone

Forever
my love

Forever
my love

List of references

1. Cho, S. 'Playing Okinawan': A Search for Authenticity and the Power Asymmetry in Japanese Appropriation of Okinawan Folk Music // *Journal of Intercultural Studies*. 2020. Vol. 41. No. 2, pp. 280–298. DOI: 10.1080/07256868.2020.1751597
2. Galan, C., Heinrich, P. *Language Life in Japan. Transformation and Prospects*. London, Routledge, 2011. 253 p.
3. Gillan, M. *Songs from the Edge of Japan: Music-making in Yaeyama and Okinawa*. Farnham, Ashgate, 2012. 240 p.
4. Gippert, J., Himmelmann, N. P., Mosel, U. *Essentials of Language Documentation*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2006. 424 p.
5. Hammine, M. Educated not to Speak our Language: Language Attitudes and Newspeakerness in the Yaeyaman Language. *Journal of Language, Identity and Education*, 2020. DOI: 10.1080/15348458.2020.1753200
6. Heinrich, P. *The Making of Monolingual Japan: Language Ideology and Japanese Modernity*. Bristol, Channel View Publications, 2012. 204 p.
7. Heinrich, P. *Language Shift. Handbook of the Ryukyuan Languages: History Structure and Use*. Boston, de Gruyter Mouton, 2015, pp. 613–630.
8. Hu, G. *Eco-Translatology. Towards an Eco-paradigm of Translation Studies*. Singapore, Springer, 2020. 312 p.

9. Ishihara, M., Miyahira, K., van der Lubbe, G., Heinrich, P. Ryukyuan Sociolinguistics. *Routledge Handbook of Japanese Sociolinguistics*. London, Routledge, 2019, pp. 25–42.
10. Mosely, C. *Atlas of World's Languages in Danger* (3rd ed.). Paris, UNESCO Publishing, 2009. 218 p.
11. Mühlhäusler, P. *Language of Environment, Environment of Langue: A Course in Ecolinguistics*. London, Battlebridge, 2003. 228 p.

СЕКЦИЯ «ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА»

Аскеров М.-А. И.

askerovmirali@gmail.com

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ПАНИСЛАМСКИЕ ДВИЖЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация: В данном докладе исследуется специфика панисламской идеологии, ее генезис, религиозные, социальные, экономические и политические предпосылки, историческое развитие и влияние на современные политические процессы на Ближнем Востоке и в исламском мире. Проводится анализ существующих панисламских движений, их идеологии и роль в развитии исламской религиозной политики.

Ключевые слова: панисламизм, умма, Ближний Восток, реисламизация.

Keywords: pan-islamism, ummah, Middle East, Re-islamization.

Современный исламский мир после процессов деколонизации столкнулся с множеством проблем, среди которых помимо социальных (проблемы образования, бедность, неразвитость инфраструктуры и экономических отношений), возникла также проблема самоидентификации и поиска своего места в устоявшемся мировом порядке.

Текущие процессы на Ближнем Востоке являются одним из ключевых аспектов международной политики в XXI веке, так как создают угрозу стабильности не только в регионе, но и во всем мире. Последние события, связанные с ситуацией вокруг «Исламского государства» и с развитием новой силы, которая бросает вызов всему мировому порядку, говорят о необходимости формирования новой системы безопасности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Однако говорить о единой концепции региональной безопасности без изучения панисламистских движений, которые становятся в последние годы всё сильнее и заметнее на политической арене, не приходится.

Современные политические тенденции в исламском мире в целом и на Ближнем Востоке в частности демонстрируют возрождение панисламских лозунгов и настроений. Иными словами, наблюдается процесс «реисламизации» [3].

Панисламская идеология достаточно подробно изучается в отечественной и зарубежной литературе, но на данный момент ее нельзя считать полностью изученной, так как зачастую при её рассмотрении не учитывается генезис понятия «умма».

В докладе рассматриваются особенности генезиса понятия «умма» в соответствии с теорией «*транслокальности*» (*translocality or translocal politics*) П. Мандевилля [11, с. 36], концепцией «*суперэтности*» Л. Гумилёва, а также анализируются существующие панисламские движения через призму концепции «*платформ максимализма и минимализма*» Юсифа Вахида в ее интерпретации рядом российских авторов (например, Е. И. Зеленева) [4]. В работе употребляются понятия и термины, которые связаны с такой научной дисциплиной, как этнополитология. Данные термины и понятия рассматриваются автором через призму конструктивистского подхода [8, с. 88]. Примером этого подхода к анализу этнонациональных проблем, процесса нациостроительства является книга Бенедикта Андерсона «*Воображаемые сообщества*» [8, с. 91].

Цель доклада: анализ теории и практики панисламских движений на Ближнем Востоке.

Задачи исследования:

— изучить генезис понятия «умма» и его роль в панисламской концепции;

— рассмотреть процессы, происходящие в мусульманском сообществе через призму теории транслокальности П. Мандевилля;

— проанализировать особенности современных панисламистских движений через призму концепции максимализма и минимализма Е. И. Зеленева.

Умма является центральным предметом панисламской идеологии, поскольку сама риторика пан-исламизма прежде всего отсылает к исламской идентичности как спланивающему фактору всех мусульман.

Впервые умма как исламская социально-политическая концепция сформировалась в мединский период деятельности пророка Мухаммада в связи с появлением государственности мусульман в Медине, основные принципы управления которой устанавливались «*Мединской конституцией*» [10, с. 54]. Это был трехсторонний договор, подписанный *мухаджирами* (мусульманами, переселившимися из Мекки), *ансарам* (мусульманами Медины) и иудейскими племенами, в котором определялась исламская религиозная юрисдикция, верховенство

власти пророка, оборонительное объединение с иудейскими племенами, входящими в юрисдикцию исламского сообщества [11, с. 32].

Поскольку в общество мусульман входили не только арабские племена, умма объединяла людей прежде всего по религиозному признаку в единое религиозное и политическое сообщество [12, с. 13]. Учение Мухаммада категорически запрещало в границах ислама любые формы межплеменной вражды и политической субъектности, ставя исламскую идентичность выше интересов конкретных племен или локальных сообществ [11, с. 53]. Благодаря этому значение термина «*умма*» было экстраполировано на всё мусульманское сообщество и стало употребляться с определенным артиклем (*аль-умма*) [10, с. 62].

Политическое сообщество Медины считается примером для исламского мира. Оно и по сей день занимает центральное положение в мышлении мусульман и служит образцом, которым они руководствуются в практике ислама, в том числе и политической [11, с. 69].

В результате обширных территориальных завоеваний, новообразованный после смерти Мухаммада халифат столкнулся с проблемами внутривнутриполитического характера. Первый серьезный раскол, который положил конец единству уммы, произошёл при правлении последнего праведного халифа — Али ибн Абу Талиба и вошёл в исламскую историю под названием «первая фитна». В результате этого раскола из уммы выделяются движения «хаваридж» и «шиа» как оппозиционные власти халифата [10, с. 86].

С развитием теологии шиитов, суннитов и хариджитов все более углублялись противоречия между данными общинами, в результате чего появились первые разногласия о том, кого считать частью уммы, а кого рассматривать за ее границами [5, с. 22].

Распад Аббасидского халифата породил новые дискуссии в среде мусульманских интеллектуалов. Произошло сближение уммы с понятием «жители страны-мусульман» [11, с. 84]. Данная тенденция в значительной мере отразилась на развитии исламской философии, в частности и на концепции уммы в исследованиях исламских правоведов и мыслителей, таких как: Аль-Фараби, Аль-Маварди, Ибн Теймия, Ибн Хальдун и др.

Следующий этап, на котором вновь стала широко развиваться дискуссия об умме, её значении и роли, пришёлся на конец XIX века и связан с трудами исламских модернистов таких, как Мухаммад Абдо и Джамал-ад-Дин аль-Афгани. Они придерживались политической

концепции, в соответствии с которой все мусульмане являлись носителем общей политической судьбы, однако скептически относились к концепции «умма=государство» и объединению всех мусульман в границах единой государственности [6, с. 24].

В постколониальную эпоху ввиду развития коммуникационных технологий, а также массовой миграции и появления крупных мусульманских общин в Европе — *транслокаций*, появляются совершенно новые формы отношений внутри самой исламской общины, и происходит активное взаимодействие представителей разных течений ислама, вследствие чего появляются новые идентичности мусульман внутри уммы [11, с. 108].

Современный исламский мир после процессов деколонизации столкнулся с множеством проблем, среди которых возникла также проблема самоидентификации и поиска своего места в устоявшемся мировом порядке, что в значительной мере повлияло на тактику и стратегию панисламских движений, которые сегодня можно разделить на максималистские и минималистские [4].

Максималистские движения, как правило, полностью отвергают сложившийся мировой порядок и международное право, и ставят перед собой цель вооруженное свержение неисламских режимов и переход исламских революций в активную наступательную войну до создания единого исламского теократического государства [4].

Правовой основой максималистских движений является возвращение к классическому средневековому исламскому праву, экономическим и социально-правовым отношениям вплоть до возвращения биметаллической валютной системы и физиократической экономики. Политическая основа максималистских движений — установление избираемой курайшитской монархии — халифата, ограниченной религиозным советом и формированием государства со строгой религиозной иерархией от низших до высших органов власти [4].

Минималистские движения отвергают насильственное установление исламского общества. Они признают текущую политическую систему и считают участие в ней дозволенным [4].

Разницу между двумя подходами можно проследить на примере раскола движения «Братья-мусульмане», которое было основано выдающимся религиозно-политическим деятелем Хасаном аль-Банной в Исфахани в 1928 (или 1929) году. Примечательно, что аль-Банна изначально использовал скаутское движение в качестве платформы для объединения активистов религиозного движения [2, с. 295].

В своей политической философии Хасан аль-Банна ввел тезис «Исламского порядка», суть которого сводилась к неразделимости религии и политики [9, с. 39]. «Братья мусульмане» были не только политическим движением, но и социальным, культурным и экономическим [2, с. 296]. Согласно их взглядам борьба за установление исламского религиозного порядка должна вестись на разных уровнях общества, от создания просветительных и образовательных организаций, благотворительной деятельности, религиозной апологетики и политического призыва до участия в избирательной системе и партийной борьбы [1, с. 55].

После смерти Хасана аль-Банна в 1949 году партия раскололась на умеренное и радикальное крыло. Умеренное крыло, которое являлось минималистским, возглавлялось Хасаном аль-Худайби (1891–1973) и Умаром ат-Тильмисани (1904–1986) которые были, соответственно, вторым и третьим руководителями «Братьев-мусульман». Их самих нельзя назвать идеологами панисламизма, поскольку они продолжили политику Хасана аль-Банна с уклоном в парламентаризм и конституционные методы борьбы. На сегодняшний день подобные взгляды продолжают развивать Юсуф аль-Карадауи и Тарик Рамадан. В их работах предпринимаются попытки разьяснить необходимость легальной политической борьбы, критикуется джихадизм, и в целом вооруженные методы борьбы, практикуемые максималистскими панисламскими движениями.

Радикальное крыло партии сформировалось под влиянием теоретического наследия Сайида Кутба, которое включает не только исламскую теологию, но и развернутую критику существующего мирового порядка. Сайид Кутб выдвинул тезис «общество *джахилии*», которым описывал светские панарабские режимы, возникшие после деколонизации Ближнего Востока и панарабских революций. Суть данной концепции сводилась к тому, что после упразднения Османского халифата — последнего общеисламского государства, общество мусульман погрузилось в невежество (*джахилию*), отошло от религии, как в политической, так и в личной жизни, и единственным путем спасения общества есть возрождение исламского халифата в его классическом виде [6].

Политическая доктрина Сайида Кутба была максималистской, так как путем построения халифата он считал восстание масс и ведение джихада против панарабских правительств до тех пор, пока не исчезнут все светские режимы. Он также не ограничивался арабским и исламским миром и выдвигал концепцию наступательного джихада для построения универсального мирового исламского государства,

целью которого было установление вселенского шариатского порядка и призыв завоеванных неисламских масс к религии [9, с. 113].

Идеи Сайида Кутба значительно повлияли на возникновение и распространение террористических организаций. «Кутбизм» был воспринят практически всеми джихадистскими организациями, среди которых египетское движение «Такфир валь хиджра», нигерийское «Боко Харам», а также движение «аль-Каида», которое было создано идеологом радикального крыла «Братьев мусульман» — Абдуллахом Аззамом (1941–1989), бывшим в прошлом учеником Сайида Кутба [6]. На сегодняшний день подобные взгляды продолжают развивать Абу Мухаммад аль-Мақдиси и Айман аз-Завахири [13].

Политическая концепция панисламизма никогда не была монолитной, и в целом исламистская риторика имеет в себе множество ответвлений, между которыми существует градация по уровню радикальности, методам и способам политической борьбы. Центральной социальной базой панисламской идеологии является концепция «уммы», исламского религиозного сообщества.

Ислам не имел национального компонента, так как рождался родоплеменной среде, которую впитал в себя и с которой боролся. Концепция уммы восполнила этот недостаток, став сублимацией этнонациональной идеи в исламе.

Панисламизм нередко трактуется как «исламский религиозный национализм», поскольку в полном соответствии с концепцией конструктивизма наделяет исламскую умму свойствами нации.

В XXI веке, когда национализм переживает глубочайший кризис, а человечество идёт по пути формирования единой общности, исламская умма может стать одним из блоков этого будущего панрелигиозного единства (умеренный ислам минималистов), а может стать платформой для идеологии агрессивной религиозной войны, согласно умонастроениям максималистов.

Список литературы

1. Демидов К. Б. Теория исламского государства в политических трудах Хасана аль-Банна / Шабасевичуте Г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Востоковедение и африканистика. 2005. Сер. 9. С. 136–139.
2. Зеленев Е. И. Мусульманский Египет. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007. 344 стр.

3. Зеленев Е. И., Озеров О. Б. «Исламский фактор на Ближнем Востоке и в Северной Африке: феномен “реисламизации”» // Журнал «Международная Жизнь». 2019.
4. Зеленев Е. И., Озеров О. Б. Ислам и политические процессы на Ближнем Востоке и в Африке: платформы максимализма и минимализма // Журнал «Международная Жизнь», 2019.
5. Кулиев Э. Р., Муртазин М. Ф. и др. Исламоведение / Под отв. Э. Р. Кулиева. М.: Изд-во Моск. исламского ун-та, 2008. 416 с.
6. Петрухина А. А. Влияние взглядов Д. Афгани, Х. Аль-Банни, А. Маудуди, С. Кутба на становление и распространение исламисткой идеологии // История политической мысли. 2012. № 3. С. 114–115.
7. Сикоев Р. Р. Панисламизм: истоки и современность. Джамалуддин Афгани и его религиозно-политические последователи XX — начала XXI века. М.: Аспект Пресс, 2010. 287 с.
8. Тишков В. А., Шабаев Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М.: Издательство Московского университета, 2011. 376 с.
9. Halverson J. R. Theology and creed in Sunni Islam. The Muslim Brotherhood, Ash'arism, and political Sunnism. London: Palgrave Macmillan, 2010. 196 p.
10. Kennedy, Hugh. The Prophet and the Age of the Caliphates. The Islamic Near East from the Sixth to the Eleventh Century. L.: Pearson; Longman, 2004. XXV. 420 p.
11. Peter Mandaville Transnational Muslim Politics: Reimagining the Umma. London: Routledge press, 2001. 252pp.
12. Wael Hallaq The Impossible State: Islam, Politics, and Modernity's Moral Predicament. Columbia: Columbia university press, 2013. 272 p.
13. رسالة مفتوحة إلى الطالبان وغيرهم: "فَلَا تُطِيعُ الْكَافِرِينَ وَجَاهِدْهُمْ بِهِ جِهَادًا كَبِيرًا". للشيخ أبو محمد المقدسي Аль-Макдиси, Абу Мухаммад. Рисала мафтуха иля аль-Талибан ва гайрихим: «Фаля туты' аль-кафирин ва джахидхум бихи джихадан кабиран» («Открытое письмо Талибану и остальным: «Не подчиняйся неверным и веди с ними великий джихад»» Шейх Абу Мухаммад аль-Макдиси) [Электронный ресурс] Ссылка: URL: <http://ilmradio.com/2020/03/01/%d8%b1%d8%b3%d8%a7%d9%84%d8%a9-%d9%85%d9%81%d8%aa%d9%88%d8%ad%d8%a9-%d8%a5%d9%84%d9%89-%d8%a7%d9%84%d8%b7%d8%a7%d9%84%d8%a8%d8%a7%d9%86-%d9%88%d8%ba%d9%8a%d8%b1%d9%87%d9%85-%d9%81%d9%8e%d9%84%d9%8e/> (дата обращения: 03.05. 2020)

Вафина М. Р.

margo.pita@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ «ВИДЕНИЕ 2023» В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ ТУРЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: В статье анализируется роль влияния стратегической программы «Видение 2023» на процесс модернизации транспортной стратегии Турции на современном этапе на примере сектора железнодорожного и морского транспорта.

Ключевые слова: Турция, транспортная стратегия, модернизация, Видение 2023.

Keywords: Turkey, Transport Strategy, Modernization, Vision 2023.

Сектор транспорта и логистики Турции является одной из самых быстрорастущих отраслей экономики страны со средним ежегодным темпом роста 20% [17]. Географическое расположение обеспечивает Турции исключительно благоприятные условия для трансформации в ключевой транспортно-логистический хаб между Европой и Азией. В рамках данного исследования, автором были выбраны для анализа два главных направления новой транспортной стратегии Турции — железнодорожный и морской транспорт.

Цель данного исследования—комплексный анализ транспортной стратегии Турецкой Республики на современном этапе.

Источниковая база представлена официальными документами, материалами информационно-аналитических агентств, статистическими материалами, данными официальных сайтов и транспортных ведомств Турции [1, 2, 12, 15]. Исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода с использованием методов SWOT-анализа, системного анализа и ивент-анализа.

«Видение 2023»-стратегическая программа модернизации Турции, приуроченная к 100-летию со дня создания Республики. Реализация программы была начата в 2008 г. под эгидой правительства Турецкой

Республики и по инициативе TASAM, одного из наиболее влиятельных на данный момент турецких аналитических центров [15].

Согласно плану, к 2023 г. Турция войдет в десятку крупнейших экономик мира. Объем ВВП составит 2 трлн долл. США, а объемы экспорта и импорта достигнут отметки в 500 и 600 млрд долл. США, соответственно [6]. В достижении амбициозных целей ключевая роль отводится быстро развивающемуся транспортному сектору. По мнению экспертов, в связи с расширением участия Турции в транспортно-логистических проектах различного уровня, а также за счет роста возможностей для привлечения прямых зарубежных инвестиций в инфраструктурном секторе стратегическое значение приобретает внедрение системы интермодальных перевозок, что позволит объединить в слаженную систему линии железнодорожных и морских перевозок [3].

Планируется развитие комбинированных перевозок в Турции по двум направлениям:

- проектирование сети инфраструктур, которая максимизирует выработку экономии транспортных и складских затрат за счет интермодальности ресурсов.
- объединение транспортных и логистических цепочек с производственными цепочками, обеспечивающее эффективное взаимодействие существующих транспортных линий и производителей с потребностями потребителей в рамках взаимного сотрудничества и кооперации [12].

Турецкое правительство заинтересовано в расширении сети железных дорог на территории страны, что позволит качественно улучшить уровень сотрудничества со странами Европы и Азии. В Плане развития транспортной инфраструктуры Турции на период до 2023 г. ставятся такие задачи, как повышение доли объема перевозок железных дорог по пассажиропотоку и грузоперевозок до 10 и 15% соответственно; реализация проектов высокоскоростных и скоростных железных дорог; подключение железнодорожной сети к промышленным зонам и морским портам; создание региональных логистических центров для обеспечения наибольших преимуществ при осуществлении экспорта; реализация проектов по интеграции в «Железнодорожный Шелковый Путь XXI в.», создание непрерывного железнодорожного коридора между континентами Азии и Европы [2].

В настоящее время железнодорожная сеть Турции состоит из высокоскоростных, скоростных и обычных магистралей. По состоянию на 2019 г., согласно Отчету о деятельности Главного управления государ-

ственной администрации железных дорог, общая длина обычных железнодорожных магистралей составляет 11 590 км, а длина высокоскоростных железнодорожных магистралей (ВСМ) составляет 1213 км [1].

Одним из ключевых элементов транспортной стратегии Турции в сфере железнодорожного транспорта является введение в эксплуатацию железнодорожной линии «Баку-Тбилиси-Карс» (БТК) 30 октября 2017 г. Это значимый этап на пути к реализации турецкой инициативы «Центральный коридор», благодаря которой удалось объединить сети железных дорог Турции, Азербайджана, Грузии, Туркменистана, Казахстана и Китая в единую систему [9]. На начальном этапе своей эксплуатации железная дорога БТК обладает возможностями для перевозки 1 млн пассажиров и 6,5 млн тонн грузов в год. В течение нескольких лет ожидается увеличение данных показателей до 3 млн пассажиров и 17 млн тонн грузов в год соответственно [4].

В настоящее время Турция с общей протяженностью высокоскоростных железнодорожных магистралей в 549 км уже занимает 9-е место в мире и 5-е место в Европе по данному показателю. При условии реализации запланированных проектов высокоскоростных железных дорог Анкара-Сивас, Анкара-Измир, Конья-Караман ожидается выход Турции на 5-ю позицию в мире, что еще больше укрепит геополитические позиции страны и будет способствовать возвышению Турции как значимого игрока евразийской транспортной системы [13].

Финансирование масштабных транспортных проектов обеспечивается, в том числе, иностранными инвестициями. Преимущества географического положения Турции привлекают инвесторов со всего мира и способствуют заключению двусторонних взаимовыгодных соглашений в сфере развития транспортной инфраструктуры страны. Особое внимание в данном случае уделяется взаимодействию с КНР в рамках инициативы «Один пояс — один путь». Китайские инвесторы являются одними из главных претендентов на получение тендеров на строительство высокоскоростной железнодорожной линии Эдирне-Карс, которая соединит самую западную и самую восточную точки Турции, а также позволит на данном участке в рамках сухопутного «Нового Шелкового Пути» сделать сообщение полностью высокоскоростным, что обеспечит сокращение привычного транспортного маршрута из Азии в Европу во временном отношении с 30 до 12 дней, а также снизит величину транспортных затрат [14].

Турция является одной из ведущих морских держав мира. Морские перевозки играют решающую роль во внешней торговле современной

Турции, на их долю приходится более 88% общего грузооборота [5]. Создание на базе крупных морских портов особых промышленных и экономических зон является дополнительным преимуществом для привлечения иностранных инвесторов. Таким образом, за последние 10 лет в данной сфере был зафиксирован приток иностранных инвестиций размером 1,9 млрд долларов [7].

Развитие судоходной инфраструктуры является одним из главных направлений стратегической программы модернизации «Видение 2023», приуроченной к 100-летию Турецкой Республики [15]. В рамках данного плана перед Министерством транспорта и инфраструктуры Турции были поставлены задачи по попаданию в топ-10 мира по объему морских грузоперевозок. Кроме того, сеть действующих портов будет расширена с 174 до 200 [11]. Интеграция страны в международные транспортные проекты и коридоры позволит усилить геополитический потенциал Турции.

В последние годы стала обсуждаться возможность участия Анкары в проекте Морского Шелкового Пути XXI века. Географическое расположение Турции, окруженной Черным, Средиземным и Эгейским морями, а также перспективы объединить в единую логистическую систему сразу два маршрута инициативы ОПОП создают конкурентное преимущество и способствуют привлечению иностранных инвесторов, в том числе китайских. Одним из важных этапов на пути трансформации Турции в главное звено евразийской транспортной цепи стала покупка китайской компанией *COSCO* в 2015 г. 64,5% пакета акций турецкого порта Кумпорт, одного из ведущих контейнерных портов страны [10]. Ранее компанией *COSCO* также был приобретен греческий порт Пирей, который является конкурентом порта Кумпорта в категории контейнерных портов [8]. Взаимодействие двух сильнейших портов региона в рамках одной системы стало решающим моментом в процессе модернизации морской инфраструктуры Турции. Инвестиции китайских партнеров позволят Турции превратить в единую взаимосвязанную логистическую цепь проходящие по территории страны сухопутный и морской маршруты инициативы «Один пояс — один путь», тем самым приобретая статус стратегически важного транзитного пункта для реализации проекта.

Турция развивает связи между Шелковым путем и турецкими морскими портами, а также 16 международными линиями RO-RO в Черном море и Средиземном море. Кроме того, в настоящее время в Турции осуществляется крупный инвестиционный проект «Три порта на трех морях» [16]. Первый, порт Ташуджу в Мерсине (на восточном

побережье Средиземного моря), будет иметь пропускную способность 11 миллионов тонн в год (TEU) при предполагаемой стоимости в 3,8 миллиарда долларов. Второй, порт Филиос в Зонгулдаке (на западном побережье Черного моря), будет иметь пропускную способность 700 000 TEU при стоимости 870 миллионов долларов. Третий порт Чандарлы в Измире (на побережье Эгейского моря) будет иметь пропускную способность 12 миллионов TEU, а его стоимость оценивается в 1,24 миллиарда долларов. Турция ожидает, что порт Чандарлы сыграет решающую роль в развитии Центрального коридора [3].

Проведенный в ходе исследования SWOT-анализ железнодорожного (Таблица 1) и морского (Таблица 2) транспортных секторов позволил выяснить сильные и слабые стороны турецкой логистики на данный момент, а также спрогнозировать наиболее вероятные сценарии дальнейшего развития данных направлений в краткосрочной перспективе. Автором было установлено, что объединение линий морского и железнодорожного транспорта создает конкурентное преимущество для турецких транспортных компаний. Благодаря началу процесса приватизации и в морском, и в железнодорожном секторе удалось достигнуть высоких показателей в мировых рейтингах по объему торговли и в дальнейшем следует ожидать их роста.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что транспортная стратегия современной Турции обладает достаточными возможностями для достижения цели укрепления роли страны на глобальном и региональном уровне в качестве значимого транзитного узла. Турецкому руководству удастся умело использовать преимущества географического расположения страны и возможности от сотрудничества в рамках международных интеграционных проектов, что обеспечит устойчивость и планомерное развитие транспортной инфраструктуры и экономического потенциала государства.

Список использованных источников и литературы

1. 2019 Faaliyet Raporu / T.C. Devlet Demiryolları İşletmesi Genel Müdürlüğü (TCDD). URL: [<http://www.tcdd.gov.tr/files/istatistik/2019faaliyetraporu.pdf>] (дата обращения: 10.10.2020).
2. 2019–2023 Stratejik Plan. // T.C. Ulaştırma ve Altyapı Bakanlığı. 31.08.2018. URL: [<http://www.sp.gov.tr/upload/xSPStratejikPlan/files/Fad20+uab-2019-2023-stratejik-plani-16-10-2019.pdf>] (дата обращения: 10.10.2020).
3. Atlı A. Turkey as a Eurasian Transport Hub: Prospects for Inter-Regional Partnership // *Perceptions*. 2018. № 2. P. 117–134.

4. Çolakoğlu S. China's Belt and Road Initiative and Turkey's Middle Corridor: A Question of Compatibility // Middle East Institute. 29.01.2019. URL: [http://www.asianpacificcenter.org/belt-road-initiative---middle-corridor.html] (дата обращения: 10.10.2020).
5. Dış ticarete en çok deniz yolu kullanıldı // TRT Haber. 05.08.2018. URL: [https://www.trthaber.com/haber/ekonomi/dis-ticarete-en-cok-deniz-yolu-kullanildi-378681.html] (дата обращения: 10.10.2020).
6. Lehmann Jean-Pierre. Turkey's 2023 Economic Goal In Global Perspective // Ekonomi ve Dış Politika Araştırmalar Merkezi (EDAM). 2011. URL: [https://edam.org.tr/wp-content/uploads/2011/06/Lehmann-June-2011.pdf] (дата обращения: 10.10.2020).
7. Lojistik, 10 yılda 1,9 milyar dolar yabancı yatırım çekti // CNN Türk. 09.01.2018. URL: [https://www.cnnturk.com/ekonomi/lojistik-10-yilda-1-9-milyar-dolar-yabanci-yatirim-cekti] (дата обращения: 10.10.2020).
8. Pire Limanı'nın yüzde 67'si Çinliler'in oluyor // Deniz Haber Ajansı. 18.02.2016. URL: [https://www.denizhaber.net/pire-limaninin-yuzde-67-sicinlilerin-oluyor-haber-66611.htm] (дата обращения: 10.10.2020).
9. Şerif Dilek. Demirden İpek Yolu: Bakü-Tiflis-Kars Demiryolu Hattı // SETA. 04.11.2017. URL: [https://www.setav.org/demirden-ipek-yolu-baku-tiflis-kars-demiryolu-hatti/] (дата обращения: 10.10.2020).
10. Tanıtım ve Tarihçe // Kumport Limanı İşletmeleri. URL: [http://www.kumport.com.tr/tr-TR/tanitim-ve-tarihce/313638] (дата обращения: 10.10.2020).
11. Türkiye'de 174 Adet Liman Ve İskele Var // UTİKAD. URL: [https://www.utikad.org.tr/Detay/Sektor-Haberleri/8588/turkiyede-174-adet-liman-ve-iskele-var-] (дата обращения: 10.10.2020).
12. Turkish Combined Transport Strategy Plan: Executive report // UTİKAD. 2013. URL: [https://www.utikad.org.tr/images/BilgiBankasi/strengthening-combinedtransportinturkey-0829.pdf] (дата обращения: 10.10.2020).
13. Türkiye en geniş hızlı tren hattına sahip 9. ülke; yarımı süren hatlar bittiğinde Almanya'yı geçecek // Euronews. 06.09.2019. URL: [https://tr.euronews.com/2019/09/06/turkiye-hizli-tren-hattina-sahip-ulkeler-arasinda-9-projeler-bittiginde-almanya-yi-gececek] (дата обращения: 10.10.2020).
14. Türkiye İçin Demiryollarının Önemi // RayHaber. 11/11/2019. URL: [https://rayhaber.com/2019/11/turkiye-icin-demiryollarinin-onemi/] (дата обращения: 10.10.2020).
15. Türkiye'nin Stratejik Vizyonu 2023 Projesi // TSV 2023. URL: [http://www.tsv2023.org/] (дата обращения: 10.10.2020).
16. Üç denizde 3 büyük liman projesi // TOKİ Haber. 30.06.2019. URL: [https://www.tokihaber.com.tr/haberler/uc-denizde-3-buyuk-liman-projesi/] (дата обращения: 10.10.2020).

17. UTİKAD Lojistik Sektörü Raporu 2019 // Uluslararası Taşımacılık ve Lojistik Hizmet Üretkenleri Derneği (UTİKAD). 01.01.2020. URL: [https://www.tasimadunyasi.com/images/dosyalarim/UTIKAD_Lojistik_Sektoru_Raporu_2019.pdf] (дата обращения: 10.10.2020).

Приложения

Таблица 1

SWOT-анализ железнодорожного транспорта в Турции

Внутренние факторы	
Сильные стороны	Слабые стороны
<p>Географическое расположение Турции как логистической платформы между Европой и Азией.</p> <p>Турецкий сектор RO-RO судоходства консолидирован и обладает положительной репутацией в данной сфере.</p> <p>Благоприятные изменения в железнодорожной политике и стратегиях государства;</p> <p>Растущий интерес к железнодорожным инвестициям;</p> <p>Увеличение числа проектов по расширению железнодорожной сети;</p> <p>Квалифицированная и дешевая рабочая сила; Налажено железнодорожное сообщение с портами;</p> <p>Активное присутствие на территории Турции международных логистических компаний;</p> <p>Историческое наследие турецкого железнодорожного сектора.</p>	<p>На момент начала модернизации ж/д сектора в Турции и в некоторой степени по настоящее время сохраняется использование устаревших транспортных инфраструктур.</p> <p>Отсутствие национального плана материально-технического обеспечения транспортных для определения коридоров и расположения логистических центров.</p> <p>Недостатки и неэффективность погрузочно-разгрузочного оборудования на некоторых ж/д пунктах.</p> <p>Высокий уровень внутренней конкуренции из-за появления на рынке внешних игроков.</p> <p>Проблемы бюрократизации процесса.</p> <p>Задержка процесса приватизации железнодорожного сектора.</p>
Внешние факторы	
Возможности	Угрозы
<p>Роста объема перевозок по всему миру.</p> <p>Прогрессирующее, устойчивое экономическое развитие Турции до 2023 г.</p> <p>Рост турецких производственных секторов.</p> <p>Уже реализуемые программы модернизации железнодорожной инфраструктуры.</p> <p>Развитие логистических центров и интермодальных терминалов;</p> <p>Развитие международных торговых путей в регионе и Турции;</p> <p>Растущее население;</p> <p>Увеличение прямых иностранных инвестиций в турецкую экономику;</p>	<p>Требуется большой объем инвестиций.</p> <p>Постепенно радикализируется международная конкуренция.</p> <p>Неорганизованное появление новых логистических центров.</p> <p>Услуги по погрузке/разгрузке товаров не отвечают требованиям потребителей, что может вызвать снижение спроса.</p> <p>Трудности в применении генеральных планов по расширению и модернизации ж/д сектора.</p> <p>Политические проблемы и проблемы безопасности в Ближневосточном регионе.</p>

SWOT-анализ турецких морских портов

Внутренние факторы	
Сильные стороны	Слабые стороны
<p>Выгодное расположение портов в регионе и стране;</p> <p>Благоприятные изменения в портовой политике и стратегиях государства;</p> <p>Участие частного сектора в эксплуатации и управлении портами;</p> <p>Растущий интерес к портовым инвестициям;</p> <p>Увеличение числа проектов, расширения портов и развития портов;</p> <p>Соблюдение стандартов безопасности и охраны труда;</p> <p>Рост инвестиций в ИКТ-системы и программное обеспечение в портах;</p> <p>Значительные инвестиции в надстройки и оборудование портов;</p> <p>Благоприятный климат для портовых операций;</p> <p>Квалифицированная и дешевая рабочая сила;</p> <p>Налажено железнодорожное сообщение с портами;</p> <p>Конкурентоспособные портовые тарифы</p> <p>Налаженная вспомогательная деятельность в портах</p> <p>Исторический опыт работы портов.</p>	<p>Неэффективная инфраструктура и надстройки некоторых портов;</p> <p>Фрагментарный характер портовых сооружений (слишком много мелких портов, причалов и т.д. не интегрировано в крупномасштабные порты);</p> <p>Фрагментарный характер управления портами из-за слишком большого числа правительственных учреждений;</p> <p>Органы, занимающиеся портами, и отсутствие системы управления портами;</p> <p>Недостатки и неэффективность погрузочно-разгрузочного оборудования в некоторых портах;</p> <p>Неэффективная работа государственных портов;</p> <p>Транспортные заторы вокруг портов и портовых городов;</p> <p>Отсутствие дополнительных услуг, предоставляемых портами;</p> <p>Отсутствие передовых технологий и автоматизации портовых операций в портах;</p> <p>Слабое сотрудничество между портовыми операторами и их заинтересованными сторонами;</p> <p>Сложность портовых правил и административных вопросов, связанных с портовыми инвестициями и операциями;</p> <p>Негибкая тарифная структура государственных портов;</p> <p>Отсутствие институциональной структуры частных портов;</p> <p>Ограниченные площади для развития новых портов и расширения существующих портов;</p> <p>Задержка процесса приватизации портов.</p>

Внешние факторы	
Возможности	Угрозы
<p>Стратегическое и транзитное положение Турции на стыке трех континентов;</p> <p>Международные мультимодальные транспортные коридоры, проходящие через Турцию;</p> <p>Экономическое и коммерческое развитие региона;</p> <p>Рост турецкой экономики и объемов внешней торговли;</p> <p>Растущее население;</p> <p>Увеличение прямых иностранных инвестиций в турецкую экономику;</p> <p>Развитие международных торговых путей в регионе и Турции;</p> <p>Увеличение объема логистической и судоходной деятельности;</p> <p>Высокая доля (87,6%) морского транспорта в перевозке внешнеторговых грузов Турции;</p> <p>Политика приватизации в транспортной отрасли;</p> <p>Развитие внутренних районов портов с точки зрения производства и потребления;</p> <p>Развитие логистических центров и интермодальных терминалов;</p> <p>Поддержка и стимулирование развития транспортной и портовой отрасли;</p> <p>Благоприятные реформы и изменения в правовых аспектах портовых инвестиций и операций в последнее время.</p>	<p>Проблемы, возникшие в ходе приватизации портов;</p> <p>Инвестиции в конкурирующие порты региона;</p> <p>Административные барьеры в портовых инвестициях и операциях;</p> <p>Растущая экологическая озабоченность в связи с развитием портов;</p> <p>Усиление конкуренции портов как со стороны местных, так и региональных портов;</p> <p>Отсутствие долгосрочного планирования для портов;</p> <p>Трудности в применении генеральных планов портов;</p> <p>Политические проблемы и проблемы безопасности в Ближневосточном регионе.</p>

Гречишников М. А.
grechishnikov-ma@mail.ru
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ: КЕЙС ТУРЦИИ

Аннотация: В статье анализируется энергетическая безопасность Турции в сфере газа. Опираясь на такие концепции как взаимозависимость, ресурсный национализм, и взаимоотношение между государствами как ключевой фактор формирования энергетической стратегии, автор оценивает результаты проведенной Турцией политики с начала XXI века.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, Турция, газ.

Keywords: Energy security, Turkey, gas.

С развитием экономического потенциала в начале XXI века, Турция активно занялась вопросами энергетической безопасности страны, рассматривая все возможные варианты обеспечения своих нужд энергией своего производства. Одним из ключевых, и пока что незаменимых, ресурсов стал природный газ. Ко второй половине 2020 года региональная политика Турции, как и взаимоотношения с партнерами, изменились. Вместе с этим республика меняет и свою энергетическую политику, в частности, в области газа.

Цель данного доклада заключается в изучении влияния региональной политики Ближнего Востока на энергетическую безопасность Турции с 2003 по 2020 год. Изучение основывается на неореалистской концепции теории международных отношений и ее трактовке энергетической безопасности, где М. Клэр [6, с. 46], Д. Моран и Д. Рассел [7, с. 15], а также Д. Станислау [8, с. 8, 27], будучи ведущими исследователями данной сферы, выделяют несколько ключевых пунктов. Среди них: «ресурсный национализм»¹; взаимоотношения между государства-

¹ Ресурсный национализм — контроль государством энергоресурсов или их господство на энергетическом рынке, где потенциальный результат — использование данного вида энергии в политических целях [Stanislaw J., p. 8].

ми, как ключевой фактор формирования энергетической политики; *взаимозависимость*. Автор также прибегает к использованию неолиберальной концепции и работам А. Голдтау и Я. М. Витте [3, с. 221], их идеям функционирования внешних регулирующих институтов энергетического рынка и формирования глобальных стандартов. В качестве основного метода исследования выделяется контент-анализ СМИ, официальных документов, исследовательских статей.

Энергетическая безопасность — термин, появившийся в XX веке. Несмотря на большое количество исследований по данной тематике, в мире отсутствует единое общепринятое определение данного термина. Впервые концепция «*энергетической*» безопасности была выделена в процессе регламентации национальной безопасности США в 1947 году. Ее дальнейшее развитие продолжилось лишь в 1974 году на базе Международного энергетического агентства (МЭА), став результатом нефтяного кризиса 1973 года. МЭА выделило формулировку, где энергетическая безопасность является «уверенностью в том, что энергия будет иметься в распоряжении в том количестве и того качества, которые требуются при данных экономических условиях» [1, с. 4].

С развитием классических теорий реализма и либерализма, а также попыткой их имплементации к современным международным отношениям, в мире появились две новые концепции — неореализм и неолиберализм. Неореалистическая концепция рассматривает энергетическую безопасность с позиции национальных интересов государства и выстраивания взаимоотношений между ними. Ведущий исследователь данной сферы Д. Станислау утверждает, что «энергетическая безопасность отныне не означает одну лишь безопасность поставок; теперь она включает в себя безопасность в политическом, социально-экономическом и инфраструктурном смыслах, а также безопасность в плане устойчивого развития, противодействия терроризму и изменения климата» [8, с. 5]. Ключевым же пунктом в концепции неореалистов является «*ресурсный национализм*», который предполагает полный контроль над энергетическими ресурсами со стороны государства. Неолиберальная концепция в свою очередь отходит от позиции государства и «отдает руководство» над энергетической сферой свободному рынку энергоресурсов, который регулируется за счет рыночных механизмов. Именно данная концепция исключает возможность повторения нефтяного эмбарго 1973 года, где любой вид энергетических ресурсов перестает быть оружием.

Различные регионы используют различные подходы к энергетической безопасности. Если страны-импортеры ищут наиболее надежный способ получения энергии и стремятся диверсифицировать источники импорта, то страны-экспортеры находятся в поиске наиболее выгодного рынка сбыта своих ресурсов и возможности увеличить их добычу. Существует также третья сторона — транзитная страна, чья задача заключается в том, чтобы обрести наибольшую выгоду от перемещений ресурсов по территории своей страны. Рассматривая проблему энергетической безопасности Турции, необходимо придерживаться как концепции неореализма, так и неолиберализма, а также их ключевых элементов, поскольку четкого разграничения в современных международных отношениях не существует.

Турция, будучи страной-импортером, не имеет собственных запасов газа, способных обеспечить внутренний спрос. Вплоть до начала августа 2020 года страна обладала лишь 5 млрд м³ газа, большая часть которого добывалась на месторождении Акчакоджа [2, с. 2]. 21 августа 2020 года президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган объявил об открытии нового газового месторождения в акватории Черного моря, запасы которого оцениваются в 320 млрд м³ [12]. Спустя два месяца, 17 октября 2020 года Турция обновила данные по месторождению в Черном море «Сакарья», где было обнаружены дополнительные 85 млрд м³ газа [10]. Общий объем месторождений газа страны по вышеуказанным данным составляет 410 млрд м³. Согласно статистике, потребление газа Турцией в 2019 году составило 44–44,5 млрд м³ [14]. Исходя из простых математических расчетов, данных запасов хватит едва ли на 9 лет использования, даже учитывая сократившееся в 2020 году потребление. Важным моментом здесь также является отсутствие добычи на месторождении в Черном море. Приблизительные сроки начала эксплуатации — 2023 год [10].

Основываясь на принципе взаимозависимости, Турция, будучи также транзитным регионом, участвует во множестве проектов по транспортировке газа как в свою, так и в другие страны. В общей сложности насчитывается 7 трубопроводов, последний из которых «Турецкий поток» был закончен и запущен в эксплуатацию в 2020 году. Пропускная способность этого трубопровода составляет 31,5 млрд м³ [13]. Первой страной-экспортером для Турции стал СССР и компания «Союзгаз» в 1986 году. К началу XXI века единственным государством, откуда Турция импортировала газ, была Россия, через компанию «Газэкспорт» и проект «Западный трубопровод». В это же

время в Турции начался активный экономический и производственный рост, что послужило увеличению потребления газа. Согласно исследованию Эмре Тунчалпа в период с 2000 по 2013 год объем потребления газа Турцией вырос с 15 млрд м³ до 47.6 млрд м³ [9]. Подобный рост заставил правительство Турции искать новые источники импорта газа. Вторым по дате строительства стал трубопровод Иран — Турция, запущенный 10 декабря 2001 года, способный ежегодно пропускать до 10 млрд м³ [13]. Вслед за ним, 20 февраля 2003 года был запущен российско-турецкий проект «Голубой Поток», максимальная мощность которого оценивалась в 16 млрд м³/год [13]. Четвертым по дате запуска в эксплуатацию стал трубопровод Баку-Тбилиси-Эрзурум, мощностью 6.6 млрд м³ ежегодно, газ через который начал поступать в Турцию с 4 июля 2007 года. Пятым по дате строительства, но уже транзитным стал трубопровод Турция-Греция, введенный в эксплуатацию 18 ноября 2007 года [13]. Последним в данном списке стал проект Трансанатолийского газопровода (TANAP), поставляющего газ из Азербайджана не только в Турцию, но и в Европу. Данный трубопровод был запущен 12 июня 2018 года с пропускной способностью в 16 млрд м³/год и с возможностью увеличения данных объемов до 32 млрд м³/год. За исключением трубопроводов страна также импортирует сжиженный газ (СПГ) из Алжира, Нигерии, Катара и США.

С момента строительства первого трубопровода Турция ведет активную политику диверсификации закупок, отказываясь от негативной зависимости от одной и более стран.

На графике и в таблице наглядно представлен процесс диверсификации турецкого импорта, где объем закупок газа из Азербайджана увеличился с момента строительства первого газопровода в 2007 году с 1,2 млрд м³/год до 9,5 млрд м³ (см. табл. 1), тогда как российский экспорт в Турецкую республику начал сокращаться с 2017 года и за три последних года упал на 47% (см. рис. 1). Увеличение импорта из Азербайджана способствует созданию позитивной зависимости от близкого в культурном и этно-конфессиональном плане регионального партнера. В это же время увеличиваются объемы импортируемого со спотовых рынков СПГ на примере Алжира, Нигерии и «других источников». Общеизвестным является факт отсутствия единого газового рынка, однако существуют региональные сотрудничества, влияющие на формирование цены на природный газ, каким, например является Совет сотрудничества Арабских стран Персидского залива (ССАГПЗ).

Рис. 1

Таблица 1¹

Год/ Страна	Россия	Азербайджан	Иран	Алжир	Нигерия	Другие источники
2005	17.524	0	4.248	3.786	1.013	0
2006	19.316	0	5.594	4.132	1.100	0.079
2007	22.762	1.258	6.054	4.205	1.396	0.167
2008	23.159	4.580	4.113	4.148	1.017	0.333
2009	19.473	4.960	5.252	4.487	0.903	0.781
2010	17.576	4.521	7.765	3.906	1.189	1.079
2011	25.406	3.806	8.190	4.156	1.248	1.069
2012	26.491	3.354	8.215	4.076	1.322	2.464
2013	26.212	4.245	8.730	3.917	1.274	0.892
2014	26.975	6.074	8.932	4.179	1.414	1.689
2015	26.783	6.169	7.826	3.916	1.240	2.493

¹ Данные для таблицы взяты с Energy Market Regulatory Authority. Turkish Natural Gas Market 2011, 2014-2019.: ANKARA, 2020. Объем газа представлен в «млрд м³».

2016	24.540	6.480	7.705	4.284	1.220	2.124
2017	28.690	6.544	9.251	4.617	1.344	4.804
2018	23.642	7.527	7.863	4.521	1.668	5.061
2019	15.196	9.585	7.736	5.678	1.756	5.260

Диверсификация рынка безусловно способствует устранению негативной зависимости от ряда стран-экспортеров, однако не решает проблему «ресурсного национализма». В Турции отсутствует свободный внутренний рынок газа, что является крупной проблемой для иностранных инвесторов и стран, экспортирующих газ в Турецкую республику, поскольку не дает возможности стать частью процесса регуляции цен на газ. В 2005 году правительство Турции провело политику либерализации внутреннего рынка, где национальная компания BOTAŞ тендерным путем распределила долю своей импортной нагрузки на ряд частных компаний, однако многие из них были впоследствии национализированы под разными предлогами. Одной из таких компаний стала Akfel Holding, чьи активы были национализированы под предлогом оказания спонсорской поддержки организациям Фетхуллага Гюлена, признанного в Турецкой республике террористом [11].

В 2020 году у правительства Турции появилась возможность укрепить свои позиции в регионе в энергетической сфере. К середине 2020 года Турецкая республика заявила о проведении буровых работ на шельфе Средиземного моря в районе республики Северный Кипр в поисках месторождений газа. Процесс бурения в спорных морских зонах привел к политическому конфликту с Грецией, однако Турция не собирается прекращать работы. Также республика оказывает сопротивление формированию новых региональных объединений по добыче и транспортировке газа, в частности проекту EastMed (Восточно-Средиземноморский трубопровод), основанному 20 марта 2019 года на основе межправительственного соглашения трех стран-участниц — Египта, Израиля и Кипра. Проект предполагает создание глубоководной системы газопроводов, соединяющих израильские и египетские газовые месторождения в Средиземном море с Кипром и в дальнейшем с Европой, пропускная способность которых составит 10 млрд м³/год. По мнению Мэтью Брайза, в данной ситуации Турция могла бы обрести новый источник газа для импорта, а также стать опорной точкой для включения Кипра в единую энергосистему ЕС с возможностью

ее расширения до стран Ближнего Востока [4]. Казалось бы, идеальный вариант для формирования нового партнерства, но Турецкая республика имеет крайне натянутые отношения со странами-участницами данного энергетического треугольника. Если отношения с Египтом ухудшились в результате свержения правительства Братьев-Мусульман в 2013 году, то с Израилем они испортились в результате признания Иерусалима в качестве столицы Соединенными Штатами Америки. Греческую республику Кипра Турция и вовсе не признает.

В заключение стоит отметить, что за прошедшие почти два десятка лет Турецкая республика обеспечила себе уход от негативной зависимости импорта энергоносителей и обнаружила возможности к организации собственной добычи газа. Будучи транзитной страной и импортером, Турция является противником создания региональных газовых объединений, которые могут оказать негативное влияние как на спотовый рынок газа, так и на турецкий внутренний рынок. В процессе диверсификации импорта страна сделала шаг в сторону отказа от «ресурсного национализма» в 2005 году, однако данная проблема все еще ярко представлена в Турции. В целом внешнеполитическая стратегия Турции позволила наладить эффективную энергетическую политику страны, обретя позитивную зависимость от Азербайджана и диверсифицировав свой импорт, что говорит о существенном влиянии региональной политики Ближнего Востока на энергетическую безопасность страны.

Список литературы

1. Воропай Н. И., Сендеров С. М. Энергетическая безопасность: сущность, основные проблемы, методы и результаты исследований. М.: ИНП РАН, 2011.
2. Прищепа О. М., Нефедов Ю. В. Минерально-сырьевая база нефти и газа Турции: состояние, перспективы развития, новые проекты // Нефтегазовая геология. Теория и практика. 2019.
3. Трачук К. В. Современные исследования проблем энергетической безопасности: теоретические аспекты // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 219–226
4. Bryze M. J. East Med Energy: Restoring Squandering Opportunities // Turkish policy quarterly. 2018.
5. Energy Market Regulatory Authority. Turkish Natural Gas Market 2011, 2014–2019.: ANKARA, 2020.

6. Klare M. There will be blood: Political Violence, Regional Warfare, and the Risk of Great Power Conflict over contested energy resources. // Energy Security Challenges for the 21st century, ABC-CLIO, 2009. Chapter 4, pp. 44–65.
7. Moran D., Russel J. Energy Security and Global Politics. The militarization of resource management. Routledge, 2009. 245 p.
8. Stanislaw J. Power Play — Resource Nationalism, the global scramble for energy and the need for mutual interdependence. // Deloitte Center for Energy Solutions, 2009. 32 p.
9. Tunçalp E. Turkey's natural gas strategy: balancing geopolitical goals & market realities // Turkish policy quarterly. 2015.
10. Газета.ру. «Снизим зависимость»: Турция разведала еще 85 млрд кубометров газа. 17.10.2020. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/10/17/13322893.shtml> (дата обращения: 19.10.20)
11. Коммерсантъ. «Газпром» попал под национализацию. 20.12.2016 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3175815> (дата обращения: 13.10.20)
12. BBC. Турция нашла газ в Черном море. Пока она зависит от российского. 21.08.2020 URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53866972> (дата обращения: 15.10.20)
13. Republic of Turkey. Ministry of Energy and Natural Resources. URL: <https://enerji.gov.tr/bilgi-merkezi-dogal-gaz-boru-hatlari-ve-projeleri-en> (дата обращения: 25.09.20)
14. Reuters. Turkey nat gas consumption seen down 10–11% in 2019 — association. 23.10.2019 URL: <https://www.reuters.com/article/turkey-energy-idAFN9N26400P> (дата обращения: 16.10.20)

Захарова Н. Е.
nadya.brass@gmail.com
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

Аннотация: В статье анализируется динамика притока ПИИ в ИРИ, а также политика властей по привлечению инвестиций в зависимости от различных факторов — в первую очередь, санкций Запада.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран (ИРИ), иностранные инвестиции, санкции, либерализация экономики.

Keywords: Islamic Republic of Iran (IRI), foreign investment, sanctions, economic liberalization.

В статье предпринята попытка проанализировать динамику притока иностранных инвестиций в ИРИ, проследить, какие факторы влияют на рост объема ИИ или оказывают негативное влияние на их динамику, охарактеризовать политику властей по привлечению инвестиций. Для проведения исследования был использован анализ статистических данных международных организаций и Центрального банка ИРИ, а также проведено изучение аналитических материалов по данной тематике на русском, персидском и английском языках.

Иностранные инвестиции играют значительную роль в экономике развивающихся стран, способствуя повышению темпов экономического развития. С конца 19 — начала 20 вв. иностранные капиталы присутствовали в экономике Ирана на постоянной основе. С победой Исламской революции в 1979 г. страна приняла новую форму правления *веляят-е факих* и стала теократической республикой. Экономическая политика государства претерпела значительные изменения: ведущую роль начинают играть принципы исламской экономической модели — например, принцип автаркии — экономической и политической независимости от других стран и, соответственно, отказ от использования иностранных капиталовложений, что было закреплено в статье 43 Конституции ИРИ [6]. Уже в первые годы после революции

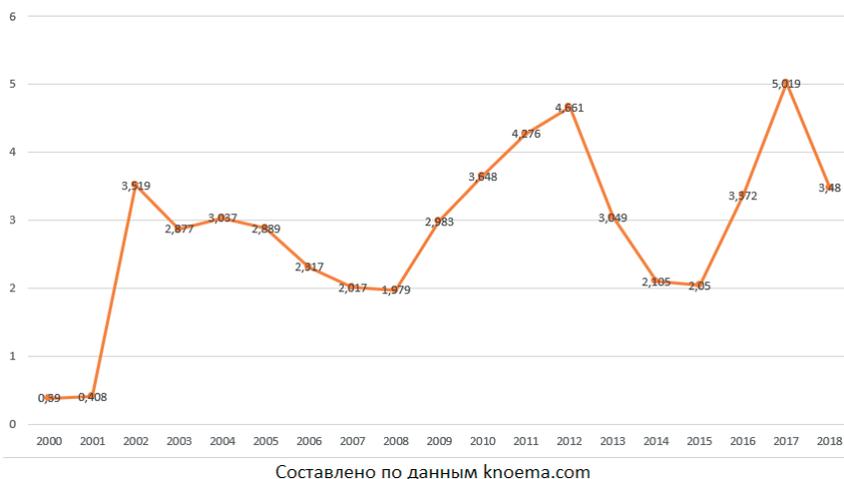
была проведена национализация иностранной собственности, был введен запрет на регистрацию иностранных компаний и иностранных специалистов [2, с. 171].

Однако жизненные реалии и проблемы, связанные с войной с Ираком (1980–1988 гг.) заставили ИРИ скорректировать экономическую политику и отойти от некоторых принципов — прежде всего, автаркии [2, с. 174]. Руководство встало на путь экономической либерализации, что закрепилось на законодательном уровне при президенте А. А. Рафсанджани (1989–1997 гг.). Активизируется сотрудничество с международными экономическими структурами (МВФ, МБРР). Первый пятилетний план предусматривал привлечение ИИ в различных формах. Было положено начало выработке законов, гарантирующих защиту иностранных инвестиций, а также созданию Свободных экономических зон (СЭЗ). Стоит отметить, что не все политические силы внутри страны одобряли восстановление экономических связей с Западом и всячески препятствовали либеральным тенденциям [8, с. 112].

Следующий этап либерализации экономического законодательства связан с именем президента-реформатора М. Хатами (1997–2005 гг.). Его правительству в 2002 г. удалось провести через парламент закон «О содействии и защите иностранных инвестиций» (гарантирующий иностранным инвесторам права, льготы и защиту в той же мере, как и внутренним), который и по сей день является главным нормативным актом, регулирующим порядок привлечения ИИ. Была создана Комиссия по иностранным инвестициям, которая утверждала участие иностранных инвесторов в различных проектах. Принимаются поправки к закону о СЭЗ, разрешающие деятельность на их территории иностранных банков и страховых компаний (с иностранным капиталом до 100%). Следствием такой политики стал скачок притока ПИИ, что можно наблюдать на Графике 1. Так, объем ПИИ за 2003г. составил более 3 млрд долл., что примерно равнялось всем накопленным ранее ИИ в стране. Однако иранское законодательство сохраняло целый ряд ограничений для иностранцев [1, с. 15].

Инвестиционная политика президента ИРИ М. Ахмадинежада (2005–2013 гг.) сделала приоритетом развитие внутреннего рынка, ориентируясь на отечественных инвесторов. Эти годы связаны с ужесточением международной изоляции Ирана и введением международных санкций, что резко негативно повлияло на дальнейшее положение ИИ в экономике ИРИ.

График 1. Объем притока ПИИ в Иран (млрд долл.)

Однако стоит отметить, что использование санкций против ИРИ началось одновременно с ее становлением. В 1979 г. были введены первые ограничения на торговлю со стороны США и ряда европейских стран и усилены с началом ирано-иракской войны. В 1996 г. США объявили о наложении санкций на компании, инвестирующие более 20 млн долл. в нефтяную сферу ИРИ, которые сохраняются до сих пор. С 2006 г., в связи с развитием ИРИ ядерной программы, со стороны СБ ООН были введены 4 пакета международных санкций [7, с. 7]. Уже в 2006 г. приток ПИИ значительно сократился по сравнению с 2005 г. [1, с. 14], что показывает сильное психологическое воздействие данных мер на иностранных инвесторов.

Особо негативное влияние непосредственно на возможность привлечения ИИ оказали односторонние санкции США и ЕС (от 24.01.2012 — эмбарго на импорт и торговлю иранской нефтью, поставку оборудования и технической помощи). Весной 2012 г. ИРИ была отключена от системы SWIFT, что осложнило возможность проведения расчетов. По данным UNCTAD, приток ПИИ в Иран в 2013 г. составил 3050 млн долл. [14, с. 206], т. е. на 34,6% меньше, чем в 2012 г., что демонстрирует зависимость между санкциями и притоком инвестиций.

Стоит учесть, что санкции, будучи внешним фактором, могут влиять на внутренние процессы, в определенных условиях увеличивают инвестиционный риск, понижают инвестиционную открытость страны

и ухудшают деловой климат. Об этом говорит и положение Ирана в рейтинге Doing Business — 127-ое место из 190 на 2020 год [11, с. 4].

С 2013 г., после прихода к власти правительства Х. Роухани, начинается новый этап либерализации экономики. Иран вступает в переговоры с группой 5+1 по ядерной проблеме, выражает готовность пойти на уступки и пересмотреть экономическое законодательство. Первые шаги правительства вызывают оживление и в сфере ПИИ, что несложно заметить по резкому скачку притока ПИИ (График 1). К 2016 г. наблюдается рост ПИИ в ожидании освобождения страны от санкционного бремени.

Также в 2013 г. была отменена верхняя планка вложения ИИ в предприятие (до 100%), вырабатывается новая форма нефтяных контрактов, расширяются возможности работы в СЭЗ и ОЭЗ. Сейчас ИРИ имеет 8 СЭЗ и 30 ОЭЗ [3], что является серьезным шагом в борьбе с последствиями санкций и в привлечении ИИ. Каждая зона имеет свою спецификацию, обеспечивает значительное снижение налоговой нагрузки и таможенных пошлин, а также освобождается от действия некоторых указов правительства (в случае наложения временного запрета на импорт определенных видов товаров, данное постановление правительства не действует на компании, функционирующие на территории ОЭЗ).

Таким образом, с одной стороны, иранское законодательство улучшает условия для иностранных инвесторов, обеспечивая основные права и гарантии, но, с другой стороны, всё еще содержит ряд существенных барьеров — таких, как установление предельной доли стоимости товаров и услуг, произведенных с иностранным участием, и закрытие некоторых отраслей экономики для ИИ [1, с. 17], что в определенном смысле снижает привлекательность ИРИ для инвесторов.

Выход США из ядерной сделки в мае 2018 г. и восстановление односторонних санкций, присоединение к ним ряда государств, опасения «вторичных» санкций для компаний, которые уже вошли в Иран, практическая невозможность осуществления финансовых операций ввиду ограничения для иранских банков доступа к СВИФТ, нерешенность вопроса о присоединении ИРИ к ФАТФ, отказ ЕС задействовать механизм обхода санкций INSTEX привели к новому оттоку капиталов. Приток ПИИ остался на уровне 2002–2003 гг. (3,5 млрд долл.) [5].

Говоря о распределении ИИ по сферам экономики ИРИ, надо отметить интерес инвесторов к нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Доля инвестиций в данные сферы

на протяжении всего периода существования ИРИ была подавляющей (например, в 2013–2017 гг. доля ПИИ в добыче полезных ископаемых составила более 53% от общего притока, а в 2009–2012 гг. была еще больше — около 70%) [10]. Среди других отраслей — металлургия, химическая, автомобилестроительная отрасли, транспорт, ИКТ. Однако в целом, несмотря на попытки властей стимулировать ПИИ, доля мировых инвестиций, приходящихся на Иран, составляет 0,35% от общего объема ПИИ [13].

Руководство ИРИ, хотя и продвигает стратегию «экономики сопротивления», предусматривающую опору на собственные силы в условиях санкций, осознает, что без ИИ и технологий, особенно при резком сокращении валютных доходов, не сможет обеспечить экономический рост — в этих условиях в последнее десятилетие делает ставку на активизацию контактов со странами Востока, в первую очередь, с Китаем. По статистике ЦБ ИРИ, доля азиатских инвестиций в Иран увеличилась с 32% в 2000 г. до более чем 90% в 2018 г. [9, с. 52] и продолжает расти. Китай прочно укрепился на иранском рынке в 2012 г. после выхода западных стран из Ирана, что и обеспечило рост притока ПИИ при отрицательном росте ВВП (–6%) в этот год [12].

Летом 2020 г. стало известно о подписании Ираном и Китаем секретного стратегического плана сотрудничества на 25 лет, который подразумевает китайские инвестиции в нефтегазовую сферу ИРИ (280 млрд долл.), инфраструктуру (проект «Один пояс, один путь») и другие сферы [4]. Очевидно, что правительство в сложных социально-экономических условиях делает определенную ставку на использование китайских инвестиций для оживления экономики и решения социальных проблем, предпринимает шаги для переориентации на восточных инвесторов. Однако эти сообщения вызвали в целом негативный отклик внутри страны, особенно среди политических сил, требующих возврата к исламской экономической модели.

Подводя итог анализу проблемы ПИИ в экономике ИРИ, можно констатировать, что страна идет по пути либерализации экономической системы и заинтересована в притоке ИИ. Однако внутривнутриполитическая борьба, не позволяющая снять законодательно все преграды для привлечения иностранного капитала, особенности институциональной структуры экономики, связанная с ней коррупция, влияние исламских норм на деловой климат Ирана выступают препятствиями для привлечения капиталовложений из-за рубежа. В то же время, несомненно, главными ограничителями на пути иностранных инвестиций высту-

пают сложности взаимоотношений ИРИ с США и ЕС, приводящие к введению и постоянному ужесточению санкций.

Список используемой литературы и источников

1. Артемьев П. А. Позиции Ирана на мировом рынке капитала. Перспективы после снятия санкций // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. М.: ИВ РАН, 2016.
2. Беккин Р. Иран: Опыт исламизации экономики // Центральная Азия и Кавказ. М.: 2006. № 4(46). С. 169–176.
3. Высший совет свободной торговли, промышленных и особых экономических зон Ирана. URL: [<https://freezones.ir/>] (дата обращения: 25.09.2020).
4. Информационно-аналитический портал Neftegaz.RU. URL: [<https://neftgaz.ru/news/politics/619326-podrobnosti-sekretного-25-letnego-strategicheskogo-partnerstva-mezhdu-kitaem-i-iranom-vryad-li-obrad/>] (дата обращения: 25.09.2020).
5. Источник глобальных данных Кноема. URL: [<https://knoema.ru/>] (дата обращения: 25.09.2020).
6. Конституция Исламской Республики Иран. URL: [<http://www.cis-emo.net/ru/content/konstituciya-islamskoj-respubliki-iran-na-russkom-yazyke>] (дата обращения: 25.09.2020).
7. Мамедова Н. М. Санкционный режим в отношении Исламской Республики Иран и его влияние на ситуацию в стране // Санкции и их влияние на Иран. М.: ИВ РАН, 2012. С. 6–18.
8. Мамедова Н. М. Экономика Ирана. М.: «МГИМО — Университет», 2018.
9. Расулинежад Э., Сабри П. Прямые иностранные инвестиции в России и Иране в условиях западных экономических санкций // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2019. Т. 10. № 1. С. 48–54.
10. Центральный Банк Исламской Республики Иран. URL: [<https://www.cbi.ir/>] (дата обращения: 25.09.2020).
11. Doing Business 2020, World Bank Group, W.:2020.
12. Iran Statistical Yearbook // Statistical Center of Iran. URL: [<https://www.amar.org.ir/english/>] (дата обращения: 06.12.2020).
13. UNCTAD. URL: [<https://unctad.org/statistics>] (дата обращения: 25.09.2020).
14. World Investment Report, UN: 2014.

Каленова В. А.
vakalenova@edu.hse.ru
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ СОЗДАНИЯ КУРДСКОЙ АВТОНОМИИ В ИРАКЕ В РОССИЙСКИХ СМИ В СВЯЗИ С РЕФЕРЕНДУМОМ 25 СЕНТЯБРЯ 2017 г.

Аннотация: В статье анализируются сообщения журналистов в российских СМИ о проведении референдума по вопросу обретения независимости Иракским Курдистаном 25 сентября 2017 г.

Ключевые слова: курдская автономия, курды Ирака, Масуд Барзани, референдум, российские СМИ.

Keywords: Kurdish autonomy, the Kurds of Iraq, Masoud Barzani, referendum, the Russian media.

Возможность появления единого курдского государства представляет собой крайне важный и остро стоящий вопрос не только для курдского этноса, но и для всего мирового сообщества. Проблема отсутствия собственного государства, в котором курды могли бы компактно проживать на единой территории, усугубляется на наших глазах. Теоретически появление на карте мира независимого Курдистана привело бы к всестороннему изменению общей картины жизни на Ближнем Востоке и оказало бы значительное влияние на мировую экономику. 25 сентября 2017 г. в Ираке был проведен референдум за обретение Иракским Курдистаном независимости, но властями Ирака этот референдум не был признан.

Проведение плебисцита было широко освещено как в российских, так и иностранных СМИ, отражающих политическую позицию соответствующих государств. Целью настоящего исследования является выявление особенностей взгляда российских СМИ на референдум 25 сентября 2017 г. Для достижения этой цели поставлены **следующие задачи:**

1. Изучение предыстории референдума о независимости курдов Ирака

2. Анализ сообщений о позиции России по вопросу проведения референдума

3. Обзор сообщений о мнениях других государств о проведении референдума

4. Изучение способов подачи причин, целей и последствий референдума российскими СМИ

При работе с материалом были использованы такие методы как аналогия, исторический анализ, контент-анализ и сравнительно-исторический метод изучения источников.

После раздела Османской империи в 1920 г. курды оказались в положении национальных меньшинств на территориях Ирака, Ирана, Сирии и Турции. Представители этого народа подвергались дискриминации по этническому и отчасти религиозному признаку, переселениям, репрессиям¹, насильственным депортациям [10, с. 30]. Еще с 30-х гг. XX в. курды поднимали восстания с целью обретения независимости, которые жестко подавлялись властями. Тем не менее, курдское национально-освободительное движение продолжало укреплять свои позиции.

Территории проживания курдского этноса богаты нефтяными ресурсами [19]. Соответственно, районы Курдистана имеют большое геополитическое значение на Ближнем Востоке, а проблема курдского народа приобретает актуальность в вопросах международной политики. Важную роль в жизни курдов Ирака играют нефтяные месторождения, к которым прилегают территории их проживания². Существует мнение, согласно которому западные государства, в частности США, использовали курдский вопрос в борьбе с Ираком с целью увеличения своего влияния в регионе и приобретения выгодных условий доступа к нефтяным ресурсам [14, с. 220], но не поддерживали курдов в их стремлении к обретению независимости. Многие исследователи (историки и политологи) считают, что именно из-за неоднозначной позиции США по отношению к курдам у них до настоящего момента нет единого централизованного государства.

Курдам Ирака удалось добиться успеха в самоопределении в XXI в. В это время произошел экономический рост ввиду стратегически выгодного географического положения Иракского Курдистана, наличия

¹ В том числе акты геноцида и применения химического оружия в период правления Саддама Хусейна (1979–2003).

² Эрбиль, Киркук.

в нем богатых природных ресурсов и крупных месторождений полезных ископаемых, нефти и газа [6, с. 86]. С конца 1990-х гг. правительство Курдского автономного района (КАР) является регулятором нефтегазовой отрасли Автономии, распределяет доходы, поступающие от реализации углеводородов¹ [9, с. 80]. К 2010 г. в Иракском Курдистане насчитывалось около 4 тыс. иракских и иностранных компаний, которых привлекал благоприятный инвестиционный климат² [9, с. 80].

В 2005 г. в Ираке была принята конституция, которая не давала курдам права создать независимое государство, но предоставляла им политическую силу³. Тогда президентом КАР стал Масуд Барзани [16, р. 5]. 25 сентября 2017 г. им был проведен референдум за обретение Курдистаном Ирака автономии. Примечательно, что плебисцит проходил в богатом нефтяными ресурсами и населенном курдами Киркуке, только формально входящем в состав КАР. В голосовании приняли участие не только курды, но и арабы, армяне, ассирийцы и другие местные этнические группы [7, с. 59]. Почти 93 процента избирателей проголосовали «за», но властями Ирака этот референдум не был признан [18].

Проведение плебисцита было широко освещено как в зарубежных, так и российских СМИ. Российская Федерация, как и Ирак, является многонациональным государством, в котором проживает множество народов, носителей ряда языков и принадлежащих к разным вероисповеданиям. Это обстоятельство диктует необходимость не допустить возникновения цепной реакции в своей стране. В большинстве случаев российские СМИ выражают сдержанную позицию по отношению к проведению этого референдума, отмечая, что государство выступает в поддержку территориальной целостности и суверенитета Ирака. Это неудивительно ввиду долгого и трудного пути к формированию своей современной структуры, который прошла Российская Федерация.

¹ Был принят законопроект об углеводородах, который позволил курдам самостоятельно вести разработки полезных ископаемых [8, с. 8].

² В частности, в 2006 г. правительством КАР был принят закон, предоставляющий иностранным инвесторам правовые гарантии и льготы (такие как освобождение на 10 лет от уплаты налогов и пошлин, не связанных с таможенной, возможность получать дополнительные средства, освободиться от платы за приобретение оборудования и пр.) [5].

³ Курдские иракские лидеры получили возможность встать во главе автономно-го правительства внутри государства.

По мнению журналистов, Россия считает целесообразным решение проблемы на основе национального согласия и компромиссов [7]. Так, например, в статье газеты РБК приводится заявление министра иностранных дел России С. В. Лаврова: «Россия призывает стороны решить внутрииракский конфликт с помощью диалога» [1]. В газете Pravda.ru освещена позиция посла России в Ираке⁴, согласно которой все вопросы, касающиеся возможной автономии КАР, должны быть решены посредством переговорного процесса между Эрбилем⁵ и Багдадом [13]. Тем не менее, в статье газеты Russia Today курды обвиняются в нарушении спокойствия на Ближнем Востоке: «курды становятся движущей силой нового международного конфликта» [2]. Примечательно, что в данной статье та же позиция России освещена отлично от приведенных выше примеров. Журналист использует более резкие выражения: «Представители России неоднократно заявляли о необходимости уважать территориальную целостность Ирака» [2]. Более того, указывается, что результаты референдума могут повлиять не только на курдов, стремящихся к обретению независимости, но и на весь ближневосточный регион.

Отдельно стоит отметить сообщения о роли Израиля в разжигании конфликта. В основном журналисты (как российские, так и зарубежные) схожи во мнении, что Израиль является единственным государством Ближнего Востока, поддерживающим курдов в их стремлении обрести независимость. Например, в статье российского информационного агентства ТАСС выражается мнение, что поддержка курдов Израилем связана с его противостоянием арабам, которые, в свою очередь, противостоят курдам. «Враг моего врага — мой друг» [3], — говорится в издании. Такая же точка зрения отражена в статье газеты Russia Today, из которой следует, что Израиль, давний партнёр курдов, заинтересован в ослаблении своих арабских соседей и Ирана [2].

В большинстве источников указывается, что одним из главных противников проведения плебисцита является Турция, которая пригрозила курдам введением экономических санкций, закрытием границы и перекрытием нефтепровода, проложенного из Северного Ирака⁶ [1].

⁴ Посол России в Ираке — М. К. Максимов.

⁵ Эрбиль — столица Иракского Курдистана.

⁶ В 2014 г. Иракским Курдистаном была построена ветка нефтепровода, которая соединяет Киркук с проложенным в Турцию (в порт Джейхан) трубопроводом [11, с. 44]. После введения в эксплуатацию собственного нефтепровода (2014 г.) КАР

Сообщения о позициях других государств варьируются в российских СМИ. Например, в статье газеты РБК высказывается мнение, что США выступили против инициативы Эрбиля [1], в то время как в статье Russia Today указывается, что Америка не отрицает права курдов на самоопределение [2]. В статье Первого канала отмечается: «Американцам стабилизация не выгодна. Поэтому они фактически поощряют курдов добиваться независимости» [4].

Расхождения касаются и позиции Ирана. Согласно информации в статье газеты РБК, Иран заявил, что статус Иракского Курдистана должен быть определен посредством диалога с центральным правительством [1], то есть обретение курдами автономии теоретически возможно, если это будет одобрено иракскими властями. Для российских властей такой диалог является неотъемлемой частью существования РФ в современном виде. В других источниках речь идет о том, что Иран придерживается более жесткой позиции: угрожает проникновением на территорию Ирака [2], расторжением всех военных соглашений с Иракским Курдистаном [15] в случае проведения референдума¹.

Что касается общего взгляда на проведение референдума, то, по сообщениям многих журналистов, он может вызвать цепную реакцию, т. к. помимо курдов в Ираке проживает множество других этноконфессиональных групп. Более того, захотят обрести независимость и курды, проживающие в других государствах [13]. Не исключено, что инициатива курдов Ирака может быть примером для подражания для любой этнической группы, представляющей меньшинство в государстве. Журналисты схожи во мнении, что мировая общественность считает проведение плебисцита крайне несвоевременным, в частности, ввиду борьбы с ИГ², в которой курды играют ключевую роль.

В российских СМИ встречаются разные позиции по отношению к проведению референдума курдами Ирака. Согласно упомянутому в газете Russia Today мнению политолога К. Семенова, проведение референдума есть стремление курдов завершить процесс создания собственного государства, основные институты которого уже выстроены. В настоящее время, когда в глазах мировой общественности кур-

стал наращивать объемы экспорта нефти благодаря самостоятельным поставкам углеводородов в Турцию [12].

¹ Позиция Ирана, помимо прочего, связана с его приверженностью нормам шариата на государственном уровне, согласно которым курды езиды не относятся к «людям книги».

² Запрещенная в РФ организация.

ды воспринимаются как главная сила в борьбе с вышеупомянутой террористической организацией, а центральное правительство в Ираке ослаблено, это особенно актуально. В статье также указывается: «Барзани сделал на это большую ставку, если он откажется от референдума, это будет значительное падение имиджа в лице курдов» [2].

Согласно позиции политолога Л. Исаева, приведенной в газете РБК, плебисцит — «это не более чем игра в независимость» и «шантаж» со стороны Барзани [1]. Выход из состава Ирака подрвет основы экономики региона. Соответственно, Эрбиль не решится на этот шаг, т. к. в противном случае окажется в полной изоляции [1].

Похожее мнение встречается и в информационном агентстве ТАСС: проведение референдума — не что иное, как инструмент внутривнутриполитической борьбы. Лидеру, желающему остаться в памяти курдов освободителем, который привел народ к независимости, необходимо поднять свой авторитет в глазах курдов перед предстоящими всеобщими выборами [3].

Проведение референдума 25 сентября 2017 г. по вопросу обретения независимости курдами Ирака было широко освещено в российских СМИ. Россия придерживается сдержанной позиции по отношению к проведению этого референдума. Государство считает целесообразным решение проблемы путем диалога и компромиссов. Формирование политических взглядов граждан в основном происходит благодаря СМИ, поскольку они представляют собой основное информационное пространство функционирования политики и оказывают воздействие на сознание людей³. Так, при анализе сообщений о проведении референдума становится очевидным, что в данном случае целью российских журналистов является недопущение возникновения цепной реакции⁴.

³ Способ представления информации связан со степенью зависимости и ангажированности СМИ. Зачастую (в отличие от анализируемых в данной работе высказываний журналистов) в прессе публикуются сообщения, поддерживающие сепаратизм. Примером может служить освещение в российских СМИ конфликта в Косово.

⁴ Схожая позиция встречается и в зарубежных СМИ: проведение референдума способствует обострению обстановки на Ближнем Востоке и развитию сепаратизма среди курдов, проживающих в Турции, Иране и Сирии. Отмечается, что у правительств этих стран есть возможность совместно с Багдадом осуществить экономическую блокаду Иракского Курдистана в случае проведения голосования [17]. Это демонстрирует стремление прессы, говорящей от лица соответствующих государств, не допустить появления цепной реакции.

Также имеет место навязывание мнения, что обретение независимости, не согласованное с центральным правительством, непременно вызовет враждебное отношение большинства государств, дестабилизацию обстановки в регионе и затруднение успешного решения актуальных и остро стоящих проблем, в данном случае — борьбы с международным терроризмом.

Список литературы

1. Басисини А. Игра в независимость: почему Курдистан не станет отделяться от Ирака // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/09/2017/59b14bd79a79475d6f856f40> (дата обращения: 15.10.2020).
2. Бовдунов А. «Другого шанса не будет»: к чему может привести референдум о независимости Иракского Курдистана // RT [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/431555-kurdistan-referendum-nezavisimost> (дата обращения: 14.10.2020).
3. Громов А. Причины и последствия референдума о независимости Иракского Курдистана // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4584321> (дата обращения: 14.10.2020).
4. Емельянов Г. 25 сентября в Иракском Курдистане состоялся референдум о независимости. «За» проголосовали почти 93% избирателей // Первый канал [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2017-10-01/333648-25_sentyabrya_v_irakskom_kurdistane_sostoyalsya_referendum_o_nezavisimosti_za_progolosovali_pochti_93_izbirateley (дата обращения: 16.10.2020).
5. Закон об инвестициях в Иракском Курдистане // Генконсульство Российской Федерации в Эрбиле, Ирак [Электронный ресурс]. URL: <https://rusgencons-erbil.mid.ru/investment> (дата обращения: 30.10.2020).
6. Иванов С. М. Активизация курдского фактора в региональной политике // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 10. С. 84–93.
7. Иванов С. М. Иракские курды как авангард курдского национального движения // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 4. С. 55–62.
8. Иванов С. М. Иракский Курдистан и курдское национальное движение // *Курдский фактор в региональной геополитике: материалы круглого стола в ИМЭМО РАН 11.03.2015 г.* / Под ред. А. Г. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 6–20.
9. Иванов С. М. Иракский Курдистан на современном этапе (1991–2011 гг.). М.: ИМЭМО РАН, 2011.
10. Иванов С. М. Итоги референдума о независимости Иракского Курдистана // *Зарубежное военное обозрение*. 2017. № 12 (849). С. 29–33.

11. Лукоянов А. К. Отношения Иракского Курдистана с Израилем // Курдский фактор в региональной геополитике: материалы круглого стола в ИМЭМО РАН 11.03.2015 г. / Под ред. А. Г. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 43–51.
12. Манафова А. Д. О нефтегазовых трубопроводах Ближнего Востока // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=26576> (дата обращения: 30.10.2020).
13. Мехтиев А. Референдум о независимости Иракского Курдистана: почему мир не признает его итогов? // Pravda.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.ru/world/1349325-kurdistan/> (дата обращения: 13.10.2020).
14. Старченков Г. И. Нефть и газ в экономике и политике иракского Курдистана. // Лазаревские чтения. Вып. 1 / Отв. ред. О. И. Жигалина. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 219–232.
15. Строкань С. Курды смешают всё // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3420879> (дата обращения: 13.10.2020).
16. Katzman K. Kurds in Post-Saddam Iraq. NW, Washington D.C.: Middle East Institute, 2010.
17. Loveday M. (2017). How the Kurdish independence referendum backfired spectacularly // washingtonpost.com [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/world/how-the-kurdish-independence-referendum-backfired-2017/10/20/3010c820-b371-11e7-9b93-b97043e57a22_story.html (дата обращения: 30.10.2020).
18. McKernan B. (2017). Kurdistan referendum results: 93% of Iraqi Kurds vote for independence, say reports // independent.co.uk [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/kurdistan-referendum-results-vote-yes-iraqi-kurds-independence-iran-syria-a7970241.html> (дата обращения: 27.03.2020).
19. Oil & Gas Map // worldmap.harvard.edu [Электронный ресурс]. URL: <https://worldmap.harvard.edu/maps/6718> (дата обращения: 16.03.2020).

Кравцов К. С.

kskravtsov@edu.hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

УБУНТУ И СООБЩЕСТВО ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ЭПОХУ РАСЦВЕТА КИТАЙСКО- АФРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: В докладе анализируются и сравниваются африканская философия убунту и «сообщество единой судьбы человечества» в свете укрепления китайско-африканского политического и экономического сотрудничества. Выделяются общие признаки обеих политико-философских идеологий и их различия.

Ключевые слова: убунту, сообщество единой судьбы человечества, китайско-африканские отношения, Китай, Африка.

Keywords: ubuntu, community of common destiny for mankind, Sino-African relations, China, Africa.

Введение

Во внешнеполитической стратегии КНР значимое место занимают отношения КНР с африканским континентом. Эти связи основаны в первую очередь на торговле, поскольку Африка важна как источник ресурсов, необходимых для быстрорастущего спроса со стороны китайской экономики [5, с. 4]. В 2000 году был создан Форум сотрудничества Китай-Африка, который проводится раз в три года поочередно в Китае и странах Африки. Диалог в формате форума вносит значительный вклад в укрепление дипломатических связей [17].

На данный момент существует лишь небольшое количество специалистов в области китайско-африканских отношений, которые комплексно и непредвзято оценивают текущий уровень связей Китая и Африки. К ним относятся такие исследователи как Дейч Т. Л., Abegunrin O., Manyeruke C., Hodzi O., Jenkins R., Mugumbate J., Nyan-guru A., Oqubay A., Lin J. Y [1; 3; 4; 5; 7].

В этой работе автор стремится ответить на следующий исследовательский вопрос: «Что общего и какие различия у *убунту* и концепции

«сообщества единой судьбы человечества»?». Актуальность исследования определяется отсутствием работ, посвященных анализу двух вышеупомянутых идеологий в рамках китайско-африканских отношений и влиянию, которое они оказывают на сближение двух цивилизаций. Цель работы: рассмотреть африканскую философию *убунту* и «сообщество единой судьбы человечества» в свете укрепления китайско-африканского политического и экономического сотрудничества. Задачи: 1) проанализировать философию *убунту* и выявить ее основные черты; 2) выявить ключевые признаки «сообщества единой судьбы человечества»; 3) провести сравнительный анализ двух концепций и определить их роль в развитии китайско-африканских отношений.

Для проведения исследования были рассмотрены официальные документы правительства КНР (документы съездов КПК, речи высших руководителей, белая книга «О мирном развитии» 2011 г., Конституция КНР) и речи ключевых африканских деятелей (Нельсона Манделы и Десмонда Туту) для определения и анализа политической риторики при упоминании двух концепций. Кроме того, были проанализированы работы отечественных и зарубежных специалистов по данной тематике для более детального понимания проблемы.

Убунту

Одной из наиболее примечательных идей, которые появились на почве африканской цивилизации является концепция *убунту*, и она прочно закрепилась в языках народов южной Африки (зулу и коса) как неотъемлемая часть культурного наследия жителей этого региона. Если переводить этот термин на русский и английский языки, то наиболее часто говорится о «человечности» или «humanness».

Само понятие появилось в конце 19 века и долгое время ему не придавали особого значения ни с философской, ни с политической, ни с культурной точек зрения. *Убунту* — плод традиционной африканской философии, которая была преимущественно устной и не разрабатывалась должным образом [2, с. 39]. После того, как страны Африки высвободились из-под колониального гнета и стали независимыми государствами, данная идея стала часто звучать в политических заявлениях африканских руководителей, преимущественно в таких странах как Южная Африка и Зимбабве. Президент ЮАР Нельсон Мандела заявил в 1997 году: «Дух *убунту* — это глубокое африканское ощущение того, что мы люди только благодаря человечности других человеческих существ» [9].

Убунту — это не только человечность, но также и доброта, сострадание, готовность прийти на помощь, бескорытность, дружелюбие,

забота и стремление к кооперации. Важность взаимодействия людей, один из важнейших аспектов философии *убунту*, подчеркивал Десмонд Туту, религиозный деятель Южной Африки, получивший Нобелевскую премию в 1984 году, который говорил: «Мы отличаемся друг от друга и знаем нашу потребность друг в друге, ибо никто в конечном счете не самодостаточен. Полностью самодостаточный человек был бы недочеловеком» [11].

В основе общества, которое живет по принципам *убунту*, находится коллективная модель жизни, в которой индивидуализму уделяется значительно меньше внимания по сравнению с западными теориями «идеального» устройства общества. Именно «мы», а не «я» играют ключевую роль в структуре такого общества, и члены общества ставят во главу угла не личные интересы, а интересы общества в целом. Связанность всех людей между собой, единство человеческого сообщества в своих стремлениях — важная часть философии *убунту* [8]. Фраза, которой можно описать *убунту*, — «человек является человеком через других людей» [6, с. 84]. В ней постулируется главный аспект философии *убунту*, когда вы можете быть поистине добродетельным человеком только при непрерывном контакте и сотрудничестве с другими. По мнению Десмонда Туту, «если мы кооперируемся, то создаем общество, а если еще лучше — то *убунту*» [10].

Несмотря на весь позитивный посыл, который пытаются вложить политики в этот термин, однако, он все же имеет мало общего с реальной картиной в Африке. Особенно это заметно на примере Зимбабве, которая долгие годы была страной с нелегитимным правительством, народом, живущим в тяжелых условиях и регулярными акциями насилия по отношению к собственным гражданам [13]. Поэтому при рассмотрении *убунту* не стоит отрывать от реальности и закрывать глаза на то, как концепция реализуется (или нет) на практике.

Сообщество единой судьбы человечества

Важная политическая концепция, которая часто озвучивается высшим руководством КНР в качестве объединяющей все страны идеи, — «сообщество единой судьбы человечества». Данная идея вошла в политический лексикон китайских руководителей сравнительно недавно, в 2010-е годы. Председатель Китая Си Цзиньпин стал автором этой концепции и уже со вступления в свою должность как главы государства во многих речах озвучивает желание КНР построить *сообщество единой судьбы человечества*. Сразу после своего избрания в 2013 году он отправился в РФ, где выступил перед студентами

МГИМО и говорил о важности этой идеи в мире, жители которого становятся все ближе друг другу посредством глобализации [14].

В дальнейшем концепция заняла значимое место в речи председателя Си на 70-й Генеральной Ассамблее ООН в 2015 году. Он призвал мировое сообщество отказаться от идеи «игры с нулевой суммой» в международных отношениях и принять идею взаимовыгодного сотрудничества, которая принесет пользу всем сторонам [12]. На 19 съезде КПК в 2017 году эта идея зазвучала еще громче и отчетливее, в докладе ей был выделен отдельный раздел. Утверждалось, что «*построение сообщества единой судьбы человечества* — это важный исторический процесс, который не может произойти гладко и в один момент» [16].

Показателем значимости этой идеи в политике Китая является ее закрепление в преамбуле конституции страны. Указывается, что «КНР способствует построению *сообщества единой судьбы человечества*» [19]. В Белой книге КНР «О мирном развитии», еще до официального «рождения» этого термина в политическом дискурсе КНР, говорилось о безусловной важности кооперации разных стран между собой, необходимости уметь договариваться даже при наличии кардинально разных интересов и образовывать сообщество единой судьбы «ты во мне, я в тебе» [18]. В некоторой степени масштабный проект Китая «Один пояс-Один путь» — это попытка перейти от слов к действиям и соединить многие страны Азии и Африки между собой, создав то самое «сообщество единой судьбы человечества».

Ядро данной концепции — акцент на единстве стран всего мира в эпоху стремительных изменений и глобализации. Можно говорить о большей значимости глобального сообщества как цельной сущности по сравнению с национальными государствами и индивидуальными интересами каждого отдельного политического актора. Сотрудничество, мирное взаимодействие, отсутствие барьеров для диалога, взаимное уважение и отказ от конфронтаций — важные условия для построения *сообщества единой судьбы человечества*. Согласно концепции, все страны настолько прочно связаны друг с другом, что любые попытки действовать исходя из эгоистичных побуждений не способны принести положительный результат и негативно скажутся на всех. Таким образом, эта идея стремится отойти от реализма в международных отношениях и побудить создать новую многополярную систему, в которой все участники будут стремиться принимать решения, несущие пользу именно для всего человечества как надгосударственной конструкции.

Убунту и сообщество единой судьбы человечества. Сравнительный анализ

Если обратиться к различиям двух идей, то сразу можно подчеркнуть отличающиеся причины их появления. Африканская идея *убунту* поначалу не была политической по своей природе, а лишь отражала философию традиционного африканского общества стран Африки южнее Сахары. Китайская же концепция *сообщества единой судьбы человечества* с момента своего появления в публичном пространстве использовалась как важная идея в политической повестке КНР.

Кроме того, *убунту* больше направлено на локальный уровень стран Африки, нежели на все мировое сообщество. Несмотря на свою более длинную историю, *убунту* редко формулировалось как высший уровень блага для всего человечества. Ситуация с китайским термином обратная, поскольку, имея лишь десять лет активного использования китайским руководством, он уже продемонстрировал значимость этого концепта для будущего человечества.

Таблица 1

Различия *убунту* и *сообщества единой судьбы человечества*

Убунту	Сообщество единой судьбы человечества
Философская концепция	Политическая концепция
Акцент на людях	Акцент на странах
Локальный уровень	Глобальный уровень

Таблица 2

Сходства *убунту* и *сообщества единой судьбы человечества*

Убунту	Сообщество единой судьбы человечества
Коллективизм	Единство человечества
Человечность (о людях)	Взаимное уважение (о государствах)
Тесная связь всех людей между собой	Тесная связь всех стран между собой
Толерантность к разнообразию	Признание наличия разных интересов (о государствах)

Однако *убунту* с африканской стороны и *сообщество единой судьбы человечества* с китайской также имеют немало общих черт, которые

важно рассмотреть в свете солидарности Африки и КНР по многим вопросам в сфере политики и экономики.

Во-первых, в основе обеих концепций лежат своего рода коллективизм и единство, только при наличии которых можно достичь наивысшего уровня процветания в мире. Безусловно, сам термин коллективизм обычно не звучит при обращении к *сообществу единой судьбы человечества*. Однако и *убунту*, и идея, продвигаемая китайским руководством, делают акцент на мировом сообществе «мы — семья» и ставят благо всего человечества на первое место. Таким образом, наблюдается склонность к первому на оси «коллективизм-индивидуализм».

Во-вторых, и там, и там очень большое внимание уделяется значимости мирной кооперации, без которой маловероятно достижение результатов, способных удовлетворить все стороны диалога. То есть на оси политико-социальных ценностей «мирная кооперация VS. агрессивная и независимая политика» обе идеологии относят себя скорее к первому.

В-третьих, обе концепции поощряют разнообразие, в котором видится источник для положительных изменений и возможность постоянно адаптироваться к новым реалиям, учась у других. Можно говорить, что по параметру «толерантность/нетерпимость к разнообразию» они больше постулируют идеи толерантности.

Заключение

Главными чертами идеологий *убунту* и *сообщества единой судьбы человечества* являются единство, мирная кооперация, разнообразие. Данные концепции имеют значительно больше сходств, чем различий. Это показывает, что укрепление китайско-африканских связей обусловлено и таким важным фактором, как сходство своей повестки на политико-философском уровне.

Совпадения концепций наблюдаются по следующим осям политико-социальных ценностей: 1) коллективизм — индивидуализм; 2) мирная кооперация — агрессивная независимая политика; 3) толерантность — нетерпимость к многообразию. При том, что одна концепция является политической, другая философской, можно отметить, что в обеих идеологиях есть признаки коллективизма, мирной кооперации, толерантности к разнообразию.

Посол КНР в ЮАР Линь Сутянь заявил, что «концепция *убунту* полностью соответствует идеям председателя Си Цзиньпина о мирном развитии и взаимовыгодном сотрудничестве» [15]. По мнению автора, в дальнейшем сходство видений будущего в КНР и Африке будет способствовать еще более тесному и плодотворному сотрудничеству.

Список литературы

1. Дейч Т. Л. Африка в стратегии Китая. М.: Институт Африки РАН, 2008. 326 с.
2. Михалина Оксана Александровна Африканская философия образования в поисках смысла // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2010. Т. 3. С. 39–46 [электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afrikanskaya-filosofiya-obrazovaniya-v-poiskah-smysla> (дата обращения: 14.10.2020).
3. Abegunrin O. China's Power in Africa. A New Global Order / O. Abegunrin, C. Manyruke. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 232 p.
4. Hodzi O. The End of China's Non-Intervention Policy in Africa. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 266 p.
5. Jenkins R. How China is reshaping the global economy. Development impacts in Africa and Latin America / R. Jenkins. New York: Oxford University Press, 2019. 407 p.
6. Mugumbate J. Exploring African philosophy: the value of Ubuntu in social work / J. Mugumbate, A. Nyanguru // African Journal of Social Work. 2013. Vol. 3. N. 1. P. 82–100. [электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/264458161_EXPLORING_AFRICAN_PHILOSOPHY_THE_VALUE_OF_UBUNTU_IN_SOCIAL_WORK (дата обращения: 28.06.2020).
7. Oqubay A. China-Africa and an Economic Transformation / A. Oqubay, J. Y. Lin. Oxford: Oxford University Press, 2019. 336 p.
8. Remarks by President Obama at Memorial Service for Former South African President Nelson Mandela. The White House, 2013 [электронный ресурс]. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/12/10/remarks-president-obama-memorial-service-former-south-african-president> (дата обращения: 29.07.2020).
9. Renewal and Renaissance — Towards a New World Order. Lecture by President Nelson Mandela at the Oxford Centre for Islamic Studies. Nelson Madela Foundation, 1997 [электронный ресурс]. URL: http://db.nelsonmandela.org/speeches/pub_view.asp?pg=item&ItemID=NMS488&txtstr=ubuntu (дата обращения: 29.07.2020).
10. Striving for Ubuntu. Desmond Tutu Peace Foundation, 2015. [электронный ресурс]. URL: <http://www.tutufoundationusa.org/2015/10/06/striving-for-ubuntu/> (дата обращения: 31.07.2020).
11. What Archbishop Tutu's ubuntu credo teaches the world about justice and harmony. The Conversation, 2017. [электронный ресурс]. URL: <https://theconversation.com/what-archbishop-tutus-ubuntu-credo-teaches-the-world-about-justice-and-harmony-84730> (дата обращения: 31.07.2020).
12. Xi Jinping Attends General Debate of 70th Session of the UN General Assembly and Delivers Important Speech, Underlying to Inherit and Advocate Purposes and Principles of the UN Charter, Establish New Type of International Relations with Win-Win Cooperation as Core and Build Community of Shared Mankind Destiny. Ministry of Foreign Affairs of the People's Re-

- public of China, 2015 [электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpdmgjxgswbxcxlhgcl70znlfh/t1304144.shtml (дата обращения: 04.08.2020).
13. Zimbabwe's deepening crisis: time for second government of national unity? The Conversation, 2019. [электронный ресурс]. URL: <https://theconversation.com/zimbabwes-deepening-crisis-time-for-second-government-of-national-unity-122726> (дата обращения: 01.10.2020).
 14. 国家主席习近平在莫斯科国际关系学院的演讲(全文) «Гоцзя чжуси Си Цзиньпин цзай моськэ гоцзи гуаньси сюэюань дэ бяоцзян (цюаньвэнь)» (Выступление председателя Си Цзиньпина в МГИМО (полный текст)), 2013 [электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2013-03/24/content_2360829.htm (дата обращения: 06.08.2020).
 15. 所谓“文明冲突论”并不文明，且无知又危险——林松添大使在南非主流媒体发表署名文章 «Совэй «вэньмин чунту» бинбу вэньмин, цэ ву чжи ю вэйсянь — Линь Сунтянь даши цзай Наньфэй чжулиу мэйти фаянь шумин вэньчжан» (Так называемое «столкновение цивилизаций» является нецивилизованным, невежественным и опасным, — посол Линь Сунтянь опубликовал статью в основных средствах массовой информации Южной Африки) // 《人民网》 «Жэньминь ван», 2019 [электронный ресурс]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2019/0605/c1002-31121883.html> (дата обращения: 01.10.2020).
 16. 习近平：决胜全面建成小康社会 夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利——在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 «Си Цзиньпин: цзюэшэн цюаньянь цзяньчэн сяокан шэхуэй дощюй синь шидай чжунго тэсэ шэхуэй чжуи вэйда шэнли — цзай чжунго гунчаньдан ди шицзю цы цюаньго дайбяо дахуэй шан дэ баогао» (Си Цзиньпин: добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху, — доклад на 19-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая), 2017 [электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm (дата обращения: 06.08.2020).
 17. 中非合作论坛 «Чжунфэй хэцзо луньтань» (Форум сотрудничества Китай-Африка), 2019 [электронный ресурс]. URL: <https://www.focac.org/chn/ttj/ltjz/> (дата обращения: 05.08.2020).
 18. 《中国的和平发展》白皮书 ««Чжунго дэ хэпин фачжань» Байпи шу» (Белая книга «О мирном развитии Китая»), 2011 [электронный ресурс]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t855789.shtml> (дата обращения: 01.08.2020).
 19. 中华人民共和国宪法 «Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Сяньфа» (Конституция Китайской Народной Республики) [электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 03.08.2020).

Научное издание

**ПЕРВАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ:
НЕРАВЕНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ»**

Санкт-Петербург, 6 ноября 2020 года

Сборник докладов

Верстка *Е. М. Денисова*
Дизайн обложки *О. Д. Курта*

Подписано в печать __. __. 2020. Формат 60×88 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 12,5. Тираж __ экз.
Зак. № ____

Отпечатано «ИП А. М. Коновалов»
на полиграфической базе типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134